

АВГУСТ 2001

НА БОЕВОМ ПОСТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Войскам в Чечне работы хватит
Педагогика для героя
Фактор победы — активность
Почем грузчик с высшим военным?
Дошедший до Берлина

20 лет назад был создан отдельный авиационный отряд в составе ОМСДОНа. Вертолеты внутренних войск встали на территории соединения, а самолет базировался на аэродроме Чкаловский. В отряде же в декабре была сформирована отдельная авиационная эскадрилья особого назначения со звеньями в семи городах СССР. Шли годы. Менялись задачи, стоящие перед войсками, менялась и наша авиация. Она росла и крепла. Ее крылья были и над Чернобыльской АЭС, Закавказьем, Северным Кавказом. Год за годом вместе с войсками авиаторы сражаются в Чеченской республике.

Важнейшими принципами применения авиации внутренних войск остаются: постоянная боевая готовность, внезапность действий, тесный контакт с наземными подразделениями, массированное применение сил и средств на главных направлениях и в решающий момент при выполнении служебно-боевых задач.

ЛЕБЕСНЫЕ СТРАЖИ ПОРЯДКА

Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

**Редакционная
коллегия:**

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ДОМОЖИРОВ В.К. (зам. главного
редактора), ЕРМАКОВ П.И.,
ЖУРАВЕЛЬ В.П., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ПАНЧЕНКОВ В.В., ТОНКОНОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю.
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
фото В.НИКОЛАЙЧУКА

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов

«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал
обязательна

© Журнал

«На боевом посту», 2001

Сдано в набор 15.06.2001
Подписано к печати 26.07.2001
Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2 900

Печать офсетная. Усл.печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 14,2. Зак. №1493
Индекс для индивидуальных
подписчиков — 70610
для предприятий и организаций —
73175

Отпечатано в ФГУП
«Издательство и типография
газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

На боевом посту

Содержание

№ 8 ♦ 2001

А. КУЛИКОВ: «Войскам в Чечне работы хватит»	2
На социальном фронте в ожидании перемен	6
С. ЗАХАРКИН, Ю. КИСЛЫЙ Фактор победы—активность, или Как покончить с бандитами	9
А. МАКАРОВ Педагогика для Героя	14
Х. ИБРАГИМОВ «Я вернусь живым и невредимым, мама!»	17
И. БЕЛИКОВ В 11-м стрелковом полку	22
Ю. ДУРНЕВ Дошедший до Берлина	27
Р. ИЛЮЩЕНКО Почем грузчик с высшим военным?	33
И. СОФРОНОВ Ликуй ныне и веселися сегодня... ..	35
А. БУТКЕВИЧ Сыны дивизии, или Что делают в ОДОНе «трудные» подростки?	37
Мекка рукопашников—ОДОН.	38
Б. АЛЕКСЕЕВ Друзья из «Солнечного»	41
Н. ЗАХАРЧЕНКО Я спешу на свиданье... ..	42
К. АЛЕКСЕЕВ Три рассказа	44
Д. КОРЕЦКИЙ: «У меня нет ни одного детектива»	60
Кроссворд	64

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты. Редакция может публиковать материалы, не разделяя точку зрения авторов. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов, имен собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций, за достоверность рекламных объявлений — рекламодатели, за качество печати — типография. Переписка с читателями ведется только на страницах журнала.

Адрес редакции: 107120, Москва, Б-120, Сыромятнинский проезд, 8
Телефон для справок: 361-81-71 Тел./факс 917-72-66 E-mail: nbpmvdrf@mtu-net.ru

Депутат Государственной Думы
Российской Федерации
генерал армии
Анатолий КУЛИКОВ:

"Войскам в Чечне работы хватит"

Куликов Анатолий Сергеевич родился 4 сентября 1946 года в пос. Айгурский Апанасенковского района Ставропольского края. Окончил Орджоникидзевское военное командное училище внутренних войск, Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военную академию Генерального штаба ВС СССР. Прошел все командные должности от командира взвода до командующего внутренними войсками МВД России. В феврале 1995 года был назначен командующим Объединенной группировкой сил на территории Чеченской республики, членом Совета безопасности РФ. В июле того же года назначен министром внутренних дел РФ, а в феврале 1997 года — заместителем председателя Правительства России, эти должности занимал до апреля 1998 года. Депутат Государственной Думы Российской Федерации. Председатель подкомитета по законодательству в сфере борьбы с транснациональной преступностью и терроризмом Комитета Государственной Думы по безопасности. Женат, имеет дочь и двух сыновей — офицеров.

— Товарищ генерал армии, после ухода с поста министра внутренних дел вы активно занимаетесь общественно-политической деятельностью, как депутат Государственной Думы проводите большую работу в сфере законодательного обеспечения внутренней безопасности страны. Какие замыслы, планы, инициативы удалось вам воплотить в жизнь?

— Знаете, я всегда стараюсь при решении любых задач как можно выше поднимать планку требований к себе. И сейчас покривил бы душой, сказав, что сполна удовлетворен тем, что удалось сделать за последние годы. Это касается и моей работы в Думе. Но те плюсы, которые могу по праву записать в свой актив, позволяют утверждать: мой опыт, приобретенный на государственной службе, выражаясь военным языком, в запас не ушел.

Вкратце о некоторых итогах.

Приложил немало сил для созда-

ния межрегиональной общественной организации "Ратники Отечества". Цели были благородные: социальная помощь уволенным в запас и тем, кто носит погоны, их семьям, осуществление благотворительных акций, военно-патриотическое воспитание молодежи, содействие военным и сотрудникам милиции в охране общественного порядка. Официальная регистрация состоялась 12 ноября 98-го года. Мне доверили возглавить центральный совет "Ратников Отечества".

Нашла широкую поддержку и моя инициатива по выработке новых подходов в борьбе с преступностью на международном уровне. Важным шагом в этом направлении было предложение создать Всемирный антикриминальный и антитеррористический форум. Его одобрили руководители ООН, Интерпола. В конце прошлого года в Вене прошло первое заседание оргкомитета ВААФ, где принято решение о регистрации этой междуна-

родной неправительственной организации. Обменявшись мнениями, все участники заседания — авторитетные политики и специалисты из разных стран — пришли к убеждению, что являются не конкурентами, а стратегическими союзниками. Ибо само время требует объединять усилия, координировать деятельность в поиске адекватных ответов на глобальные вызовы со стороны преступного мира. Договорились тесно сотрудничать, добиваться, чтобы совместная работа в области, которую считаем чрезвычайно важной, дала реальный результат.

В октябре в Москве проводим в рамках форума вместе с Комитетом по безопасности Госдумы международную конференцию "Мировое сообщество против глобализации преступности". Обсуждены вопросы подготовки к первой сессии ВААФ. Проект, как вы понимаете, очень серьезный, и довести начатое дело до конца будет, конечно, непросто. И тут умест-

но вспомнить высказывание французского писателя Альбера Камю: "Любая стена — это дверь!" Дверь для тех, кто знает, чего хочет, и не останавливается на пути к своей цели. Ищет ключи к трудным задачам.

Был найден, образно говоря, такой ключ к долго не поддававшейся двери при решении одной из серьезных проблем в сфере правового обеспечения внутренней безопасности. Речь идет о разработке федерального конституционного Закона "О чрезвычайном положении". Этот актуальный на сегодня документ имеет трудную судьбу и долгую историю. Его предшественник, принятый в 90-м году несовершеннолетний, весьма абстрактный законодательный акт, в полном объеме ни разу не применялся. Более того, он не работал даже тогда, когда можно и нужно было использовать хотя бы его потенциал. Имею в виду "первую Чечню".

Нынешняя контртеррористическая операция на Северном Кавказе вновь продемонстрировала необходимость скорейшего принятия закона о ЧП. Кто воевал, знает, какие издержки имели место в ходе боевых действий из-за отсутствия ясной правовой базы, статуса федеральной группировки, четко закрепленных полномочий людей в погонах. Вот почему сразу же после вручения мне депутатского мандата стал добиваться незамедлительного рассмотрения и принятия этого крайне необходимого государственного правового акта. Представил Совету Думы свой вариант. И когда в палату поступил внесенный президентом долгожданный законопроект, я, как представитель Комитета по безопасности, активно включился в работу над ним.

Должен с удовлетворением заметить, что из 14 поправок, предложенных мною, 13 нашли отражение в конечном варианте документа, который в конце мая подписан главой государства и вступил в силу. С моей точки зрения, закон получился добротный. В нем предусмотрено всё, что необходимо для эффективной деятельности правоохранительных ор-

ганов и внутренних войск по обеспечению режима ЧП.

— Ав чем суть вашей поправки, которую Дума не пропустила?

— Я предложил считать участниками контртеррористических операций всех, кто выполнял специальные задания по ликвидации незаконных вооруженных формирований, и уравнять этих военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов в правах на льготы с ветеранами боевых действий. Горячо убеждал: проблема давно назрела и перезрела! Однако большинство депутатов, сославшись на нехватку финансовых средств, "зарубили" мою поправку.

— Значит, ветераны горячих точек могут похоронить свои надежды?

— Не в моих принципах останавливаться на полпути. С помощью офицеров правового управления Главкомата внутренних войск было проработано положение о льготах для участников контртеррористических операций, и данную поправку я предложил внести в закон о ветеранах. Инициативу поддержала Московская Дума. Сейчас все это обсуждается.

К слову, так же целенаправленно межфракционное объединение военнослужащих — депутатов Госдумы работает и по вопросу увеличения денежного содержания офицеров. Мы будем добиваться, чтобы указание президента приравнять оклады военнослужащих к окладам госслужащих было реализовано без проволочек. Наряду с этим твердо отстаиваем позицию: решение правительства об отмене социальных льгот защитникам Отечества — непростительная ошибка.

— Анатолий Сергеевич, вы сказали, что Закон "О чрезвычайном положении" — актуальный на сегодня документ. Думаю, к этому мнению присоединяют все офицеры, воюющие на "югах". Обстановка там очень напряженная, борьба

с бандитским подпольем приобретает затяжной характер. И введение режима ЧП на территории Чечни будет адекватным ответом на происки "непримиримых". Как вы используете свое влияние члена Комитета по безопасности для того, чтобы контртеррористическая операция получила наконец прочную юридическую основу?

— Прежде всего хочу подчеркнуть: Закон "О чрезвычайном положении" является мощным инструментом в руках федеральной власти, пользоваться им нужно очень умело. Семь раз отмерить, провести тщательную подготовку и только потом вводить, если нет других способов восстановить контроль над ситуацией. А коль ввели, действовать жестко и решительно, принять все меры — и политические, и экономические, и социальные, и военно-полицейские — для наведения порядка. Не наступать на грабли, которые в недавнем прошлом набили нам много шишек.

Я не теряю профессиональных связей с Северным Кавказом, ежемесячно бываю там, анализирую обстановку на местах. Вывод крайне тревожный: не успев развязать чеченский узел, мы можем получить новую головную боль. Как показывают результаты расследований терактов на Ставрополье, метастазы ваххабизма быстро распространяются по региону. Особое беспокойство вызывает обстановка в Карачаево-Черкесии. В семи районах республики власти плохо контролируют ситуацию, милиция бездействует, прокурор не дает санкций на арест подозреваемых в преступлениях. В общем, события развиваются по сценарию создания мятежного анклава в Кадарской зоне Дагестана. Между тем некоторые руководители, закрывая глаза на очередную угрозу, спокойно заявляют: поводов для тревоги нет. Опасное заблуждение. Мы это уже проходили. И знаем, какой ценой оплачивается потеря бдительности, беспечность, шапкозакидательство.

Не исключаю, учитывая обстановку на Северном Кавказе, введение в отдельных районах Карачаево-Черкесии и на части территории Чечни, пока гром не грянул, режима ЧП. Свои соображения по этому поводу готов высказать Владимиру Владимировичу Путину. Откликнувшись на мою просьбу, президент пообещал принять меня для беседы.

— Анатолий Сергеевич, как вам видится алгоритм разрешения чеченской проблемы на нынешнем этапе операции?

— По сути, в Чечне идет контрпартизанская война. Крупные бандформирования разгромлены. Федеральным силам противостоят мелкие разрозненные группы боевиков. Их тактика: удар — отход. В этих условиях полезно взять на вооружение опыт борьбы с националистическим подпольем в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике.

Мои предложения следующие. Разделить территорию республики южнее Терека на зоны ответственности, совпадающие с административными районами. В каждом из них иметь тактическую группу численностью до батальона. С этой группой работают три-пять оперативных сотрудников ФСБ и один представитель военной прокуратуры. Чекисты добывают информацию о противнике и затем совместно с комбатом планируют операции по уничтожению выявленных бандитов. В ходе спецопераций работник прокуратуры следит за соблюдением законности, проводит расследования по фактам противоправных действий со стороны военнослужащих.

На случай появления крупных банд создаются дополнительные силы: на три зоны ответственности отряд спецназа внутренних войск (или спецподразделение ГРУ, ФСБ). Артиллерия распределяется таким образом, чтобы при необходимости накрыть любую точку в каждом из районов. Группировка армейской и фронтовой авиации находится в постоянной готовности к действиям

при возможных боестолкновениях, а также к выполнению задач по информации разведорганов. Милиция работает по своим направлениям и к спецоперациям, как правило, не привлекается.

Таким видится мне военно-технический аспект разрешения чеченской проблемы. Что касается общественно-политических и экономических мер, то здесь, на мой взгляд, перед федеральным центром стоят три стратегически важные задачи.

Во-первых, необходимо изменить статус Грозного. Чем это продиктовано? В городе находится крупный нефтеперерабатывающий комплекс. Восстановить его могут только квалифицированные специалисты. Но они не вернутся до тех пор, пока отсутствуют надежные гарантии безопасности, если Грозный, основанный и построенный русскими людьми, будет передан в федеральное подчинение, станет самостоятельным субъектом Федерации. Тогда и жителей надежно защитим от бандитов, и промышленность быстро возродим, и поднимем город из руин.

Во-вторых, для оказания эффективной помощи в восстановлении разрушенного войной хозяйства, всей системы жизнеобеспечения надо за каждым районом Чечни закрепить три-четыре субъекта Российской Федерации. Ведомства областей и республик России будет курировать в Чечне свои участки. Скажем, МВД Татарстана передаст райотделу милиции Шатойского района несколько "уазиков", направит туда группу следователей в качестве советнического аппарата. Минздрав Башкортостана поможет с переоборудованием районной больницы. А ставропольцы, к примеру, окажут содействие учебным заведениям... Как говорят на Руси, дружно — не грузно.

Наконец, следует окончательно и бесповоротно определиться по вопросу о власти в Чечне на весь восстановительный период. Нельзя формировать местную элиту из числа бывших полевых командиров и сидельцев

следственных изоляторов, доверяя им бразды правления. Впрочем, даже не замешанный в преступлениях чеченец, каким бы авторитетом он ни пользовался у соплеменников, в силу объективных причин не вытянет воз первого руководителя. Во главе республики должен быть не чеченец. Причем не обязательно известный политик. Просто толковый опытный организатор. Предположим, заместитель губернатора одной из областей, который действительно мог бы выступить нейтральным лицом, не связанным родственными и клановыми обязательствами. Это в интересах самих же чеченцев. Именно такому руководителю, делом подтвердившему свою честность и порядочность, люди поверят: "Этот не будет воровать деньги, назначать на хлебные должности своих родственников".

Кстати, о воровстве. В закон о ЧП мы заложили положение, согласно которому для осуществления финансирования из средств федерального бюджета привлекаются полевые учреждения Банка России. Органы особого управления территорией, где введено чрезвычайное положение, могут наделяться функциями распоряжения бюджетными ассигнованиями, направляемыми на восстановление объектов жизнеобеспечения, социальной сферы, жилого фонда.

Характерно, что при утверждении этой статьи пришлось преодолеть колоссальное сопротивление в Думе. Ведь закон обеспечит необходимые условия для жесткого контроля за деньгами. А некоторые депутаты хотели оставить все, как было раньше, когда миллиарды, направляемые в Чечню, исчезали, словно в черной дыре. Даже президент не мог остановить этот чудовищный беспредел. Помнится, Борис Ельцин хлопал себя по карманам и недоумевал: "Куда делись эти деньги, черт его знает?"

— Нет сомнений в том, что порядок на территории Чечни рано или поздно будет восстановлен. Сроки зависят от политики федерального центра и тактики объе-

дневной группировки. В настоящее время внутренние войска и спецслужбы нацелены на нейтрализацию главных лидеров бандформирований. Однако существует мнение, что таким образом затушить очаги сопротивления вряд ли удастся, поскольку у авторитетных полевых командиров есть дублеры, которые продолжают борьбу. Коекто в Москве предлагает альтернативный вариант: сесть с главарями бандитов за стол переговоров. Как вы к этому относитесь?

— Довольно нам одного хасавюртовского позора. По сей день расклебываем. С бандитами можно вести переговоры только языком ультиматума: капитуляция, сдача оружия! Прочие условия неприемлемы. Отказ — работа на уничтожение. И никак иначе.

Сейчас у полевых командиров нет никаких перспектив. Не говоря уже о вероятных дублерах, готовых заменить уничтоженных или плененных лидеров. Они не смогут собрать крупные силы и перейти к широкомасштабному сопротивлению. Народ устал от войны, против ее поджигателей в чеченском обществе нарастает серьезный протест. Но при всем при этом нельзя строить никаких иллюзий. Путь к полной стабильности в регионе будет трудным и долгим. Я не раз говорил: в Чечне мы получили свой Ольстер. Внутренним войскам, спецслужбам, правоохранительным органам работы там хватит на много лет.

— Наши воюющие войска переходят к очередному этапу реформирования. Планируется дальнейшее сокращение их численности. Не прекращаются разговоры о возможном оперативном передоначинении войск Генштабу и даже передаче в ведение Министерства обороны. Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счет.

— Реформы во внутренних войсках — веление времени, здесь двух мнений быть не может. Новые задачи и направления развития продиктованы современными тенденциями в воен-

но-политической и социально-экономической обстановке, изменениями криминогенной ситуации в стране и, естественно, событиями на Северном Кавказе. Основная цель реформирования та же, что и на предыдущих этапах преобразований: усилить правоохранительный аспект в деятельности войск, повысить их роль в обеспечении внутренней безопасности. И в конечном итоге вывести войска на такой качественный уровень, который гарантирует надежную защиту личности, общества и государства от любых преступных посягательств.

Что касается численности, то она должна определяться с учетом объема, характера и сложности выполняемых задач. Меняются задачи — принимаются решения, где сократить численность личного состава, а где, может быть, и увеличить. Сегодня, я считаю, во внутренних войсках лишних людей нет.

О проблемах и перспективах развития войск я, как депутат, как бывший командующий, неоднократно говорил при встречах с новым министром внутренних дел. Убеждал, что внутренние войска нельзя подчинять Генштабу, передавать Министерству обороны. Это противоречит государственным интересам. Выйдя из состава МВД, войска утратят правоохранительную функцию, превратятся в формирование по типу американской национальной гвардии. На их базе будут вести мобилизационную работу, готовить резервы.

Надо не ломать, а укреплять и совершенствовать действующую систему обеспечения внутренней безопасности, важным звеном которой являются войска правопорядка. Борис Вячеславович Грызлов разделяет эту озабоченность и пообещал поддержать мою точку зрения.

— В заключение традиционный вопрос, Анатолий Сергеевич. С чем сейчас связана ваша работа в Комитете по безопасности? Что в личных планах?

— Наиболее актуальными для членов Комитета сегодня являются зако-

нопроекты "О борьбе с коррупцией", "Об ответственности за легализацию преступных доходов", "О борьбе с организованной преступностью". С учетом изменения характера внутренних и внешних угроз разрабатывается новый Закон "О национальной безопасности", который может стать вторым по значимости после Конституции.

Кроме депутатской работы, в нынешнем моем положении есть и другие очевидные плюсы. Удалось посидеть над листом бумаги, осмыслить то, что было. В наше скоротечное время очень быстро исчезают важные детали, свидетельства, документы. А это — история России.

В соавторстве с офицером Генштаба полковником Сергеем Лембицом в 2000 году выпустил книгу "Чеченский узел". Строго говоря, по жанру это — хронограф, в котором день за днем описана первая война в Чечне. Такой, какой была она на самом деле. С легковесными решениями политиков, с героизмом солдат и офицеров федеральных войск, с трагедиями мирных жителей Чечни.

Но жанр хроники не во всем меня удовлетворил. За скобками сухих документов остались мои собственные мысли, эмоции, оценки. Поэтому сейчас дописываю очень большую книгу, которую назвал так — "Тяжелые звезды". Надеюсь, что в своем книжном классе — классе военных мемуаров она займет достойное место. Впрочем, пусть об этом скажут главные критики — читатели...

— Ваши пожелания родным войскам?

— Воевать так, чтобы не хоронить товарищей. Служить так, чтобы получать от этого моральное удовлетворение. Жить так, чтобы приносить пользу Отечеству.

Беседу вел
полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото Владимира НИКОЛАЙЧУКА

На социальном фронте в ожидании перемен

Пожалуй, никогда еще не уделялось столько внимания социальным проблемам военнослужащих, как сегодня. И дело не только в выступлениях в печати, подготовке и издании новых законов, но и в наметившемся в обществе повороте к самым насущным нуждам людей в погонах. А нужд этих накопилось немало. Именно об этом говорилось 27 июня на комиссии ГКВВ по социальным вопросам военнослужащих внутренних войск, членов их семей и гражданского персонала.

Созданная не так давно комиссия объединила все управления Главного командования, связанные с социальной защитой личного состава, и будет собираться ежеквартально, чтобы обсудить наиболее наболевшие вопросы социальной защиты и наметить пути их решения.

На первое заседание были вынесены вопросы денежных выплат семьям погибших военнослужащих, денежного содержания и обеспечения военнослужащих и членов их семей жильем.

Выступивший председатель комиссии — заместитель главного командующего внутренними войсками генерал-лейтенант Станислав Кавун, говоря о нынешнем социальном положении военнослужащих и их семей, привел данные проведенного в войсках ежегодного мониторинга правового и социально-эконо-

мического положения военнослужащих внутренних войск. В нем приняло участие от четырех до шести тысяч военнослужащих внутренних войск всех округов.

Сегодня не чувствуют себя социально защищенными свыше 65 процентов военнослужащих. И если семьи старших офицеров жилищные и многие другие проблемы сумели решить в прошлые годы, то положение начинающих службу младших офицеров удручающее. До сорока пяти процентов доходов этих семей тратится на продукты, столько же на оплату снимаемого жилья.

В отдельной дивизии оперативного назначения большинство семей молодых офицеров не имеют холодильника и стиральной машины.

Несколько лучше положение в Северо-Кавказском округе. Объяснение этому простое: выплата "боевых".

Немало вопросов возникает по компенсационным выплатам и предоставлении льгот семьям погибших военнослужащих. Здесь есть и нестыковки в законах "О статусе военнослужащих", "О ветеранах". Никто не может объяснить, почему родители погибших военнослужащих срочной службы получают положенные им льготы лишь с наступлением возраста выхода на пенсию.

По действующим сегодня подзаконным актам и постановле-

ниям правительства различается положение участников, членов семей погибших военнослужащих первого чеченского конфликта 1994-1996 гг. и контртеррористической операции 1999-2001 гг.

Немало обращений в Главкомат. Администрацию президента, правительство было после решений по социальной защите семей моряков, погибших на атомной подводной лодке "Курск". Вдовы и родители погибших в Чечне военнослужащих, разделяя чужое горе, увидели здесь и несправедливость, и дискриминацию. Ведь и их мужья и сыновья погибли, защищая Родину.

На особом контроле командования решение жилищной проблемы семей погибших военнослужащих.

В период проведения контртеррористической операции в Дагестане и Чеченской республике из числа семей погибших 92 военнослужащих по контракту, нуждающихся в жилье, в настоящее время обеспечено жилой площадью 76 семей. Но не всегда помочь семьям погибших мешает несовершенство законов.

Так, должностные лица Северо-Кавказского округа просто не предоставили необходимых данных для перечисления на счета детей погибших военнослужащих материальной помощи в размере тысячи долларов по фонду "Линия жизни".

Кроме положенных по закону выплат, в прошлом году по инициативе Главкомата через различные благотворительные фонды оказана помощь семьям погибших в размере 5 миллионов рублей. Организован летний отдых детей погибших военнослужащих за границей, на черноморских курортах.

Такие возможности помочь семьям есть и на местах, но, к сожалению, далеко не всегда они используются.

На заседании правительственной комиссии по социальным вопросам военнослужащих отмечена лучшая во внутренних войсках по сравнению с другими силовыми структурами работа по учету и анализу информации, производству необходимых выплат. Однако недостатки есть и здесь. Остро стоит вопрос выплаты "похоронных", необходимых выплат по травмам, полученным в боевой обстановке. Причина одна — не составляются и не вовремя отрабатываются необходимые документы, не выдаются необходимые справки. А результат — страдают люди.

О повышении денежного содержания военнослужащих говорится давно и немало. Были заявления, что оно возрастет в несколько раз. Однако, когда дело дошло до конкретных цифр, картина оказалась несколько иной. На самом деле реальное повышение с учетом планируемой отмены льгот составит от сорока процентов у младших офицеров до двадцати процентов у старших.

По планам Министерства финансов не будет пенсионной надбавки, уменьшится расчетная база для начисления пенсии. Сегодня уже посчитано до копейки, сколько будет получать военнослужащий на каждом из предсто-

ящих трех этапов повышения денежного содержания. А могут ли разработчики реформы из Минфина так же точно сказать, насколько изменятся цены в стране за это время? Сколько придется платить за жилье после отмены льгот и завершения жилищно-коммунальной реформы?

Мало того, что планируемое повышение не решит социальных проблем военнослужащих, оно, вполне возможно, будет сведено на нет ростом цен.

И еще об одном хочется сказать. Борьбу с ликвидацией льгот в стране почему-то было решено начать именно с военных. Видимо, они сегодня наиболее преуспевают?!

Далеко не все депутаты поддерживают такие решения. Против и Комитет по обороне Госдумы, комиссия по безопасности, многие депутаты. А удастся ли отстоять права военных, покажет время.

Самая острая социальная проблема в войсках — жилищная. Об этом говорили заместитель главнокомандующего по тылу генерал-лейтенант Михаил Игнатьев и офицер управления расквартирования и строительства полковник Николай Федяев.

На 1 июня 2001 года во внутренних войсках МВД России на жилищном учете состоит 17533 военнослужащих, в том числе 13380 бесквартирных. Особенно острая жилищная проблема в Северо-Кавказском, Московском, Приволжском и Сибирском округах внутренних войск.

При общем увеличении на 42% лиц, состоящих на жилищном учете с 1992 года по настоящее время, получение жилой площади за этот период не только не возросло, но и уменьшилось, в результате этого уровень

обеспеченности военнослужащих за этот период снизился в среднем на 73%.

Источников поступления жилья в войска немало: за счет средств федерального бюджета, от охраняемых объектов, от местных администраций для СМВЧ, наконец, за счет реализации программы "Государственные жилищные сертификаты" и по предоставленным субсидиям. Из всех этих источников за прошлый год войска получили 760 квартир, а в первом полугодии 2001 года — 377 квартир.

Пока не оправдались надежды, возлагаемые на президентскую программу "Государственные жилищные сертификаты". Многие военнослужащие отказываются от них, поскольку для получения жилья приходится доплачивать до 30%-40% от стоимости квартиры. В результате из 626 сертификатов, выданных в 2000 году, реализовано лишь 573.

Пытаясь решить квартирную проблему военных, сегодня в первую очередь приходится думать о тех, кто заканчивает службу, выходя на пенсию или в ходе реформы войск увольняясь по оргштатным мероприятиям. Им по действующему закону жилье передается в собственность.

В то же время начинающим службу в войсках военнослужащим по контракту на все время службы положено служебное жилье. А его в войсках крайне мало.

Служебный жилой фонд войск составляет 5449 квартир и комнат в общежитиях, или семь процентов от общего фонда жилых помещений, занимаемых военнослужащими внутренних войск. Между тем, чтобы решить проблему ротации кадров в войсках, надо иметь не менее 50 процентов служебного жилья.

Квартирная проблема сегодня не только социальная. Офи-

ВЫПУСКНИКИ, ВСТРЕЧАЙТЕСЬ!

церы отказываются от повышения по службе, связанного с переездом в другое место, поскольку знают, что не будут обеспечены там жильем в ближайшие годы. Переведенные к новому месту службы военнослужащие вынуждены до обеспечения их жильем удерживать квартиры по старым адресам.

И все-таки многое удастся сделать и в этих условиях. В войсках ведется строительство 19 жилых домов, 11 из них планируется ввести в эксплуатацию в этом году. Два дома, в Персияновке и Санкт-Петербурге, уже сдааны.

Строить жилье самим получается в два раза дешевле, чем покупать его на рынке. Собственное строительство войска будут развивать и дальше. В том числе и за счет строительства служебного жилья. На территории Отдельной дивизии оперативного назначения будет возведено общежитие квартирного типа на 250 семей.

Есть и отдельная программа по 46-й бригаде, где все военнослужащие в течение двух лет будут обеспечены служебным жильем.

Но общая ситуация с жильем для военных во всех силовых структурах настолько тяжела, что требует немедленного вмешательства на уровне правительства. И сегодня под руководством вице-премьера Валентины Матвиенко готовится целевая программа.

А для органов военного управления в условиях острейшего дефицита жилья для военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы и оставшихся состоять на жилищном учете воинских частей, главное — это контроль за соблюдением законности при решении жилищных вопросов.

**Отдел социальных проблем
и воинского воспитания**

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция журнала в октябре готовит специальный выпуск по социальным проблемам военнослужащих. Присылайте письма с вопросами, на которые вы хотели бы получить ответ.

В 1987 году они стали курсантами Ленинградского высшего политического училища внутренних войск МВД СССР.

Еще курсантами прошли через огонь Ферганы и Оши, Сухуми и Нагорного Карабаха.

В 91-м они, возмужавшие и окрепшие, стояли в парадном строю последних выпускников-лейтенантов Советского Союза.

Судьба раскидала их по всей стране. Кого-то на Украину, на Урал, а некоторым пришлось продолжать начатое в курсантские годы — разводить враждующие стороны в межнациональных конфликтах на развалинах СССР.

Июль 2001 года. Прошло 10 лет с того момента как они стали офицерами. Не все смогли приехать на встречу в Ленинград, уже ставший Санкт-Петербургом.

Эта встреча могла не состояться, если бы не Алексей Серко, Василий Понеделько, Алексей Вострецов, сменившие военный китель на гражданский пиджак, но не изменившие военному братству.

Не забыли вчерашние лейтенанты и своих наставников: Комбат А. Митрофанов, замполит, все ротные и взводные были рады увидеть своих воспитанников.

Хочется пожелать выпускникам ЛВПУ 91-го года встретиться через 20 лет этим же составом!

Тимур СЫРТЛАНОВ,
курсант Военного университета МО РФ,
стажер редакции журнала "На боевом посту"
Фото Владислава ДМИТРИЕВА

ФАКТОР ПОБЕДЫ —

АКТИВНОСТЬ, или Как покончить с бандитами

Полковник Сергей ЗАХАРКИН,
полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото Юрия ТУТОВА

Чечня для нас — всерьез и надолго. Застражи в ней войска, как мощная боевая машина в топкой непролазной грязи. Об этом в открытую говорят и штабные аналитики, и окопные офицеры, и спецназовцы с разведчиками, ведущие охоту на матерых “волков”. А ученые-историки, изучая по информационным сообщениям события в мятежной республике, проводят неутешительные аналогии с той еще первой кавказской кампанией, в которой Россия увязла почти на полвека.

Жарким, тревожным было чеченское лето 2001 года. И вряд ли появятся перемены к лучшему осенью. Такие прогнозы диктует анализ ситуации, сложившейся на сегодня в стреляющем регионе. По меткому выражению одного журналиста, война вроде как окончилась, но победа все еще за горами.

“Волки” на тропе войны

После разгрома крупных бандформирований боевики, сумев сохранить систему управления и финансирования, быстро адаптировались к новым условиям. Часть недобитков рассредоточилась в горных районах, где наиболее сильны антироссийские настроения. Здесь оборудуются схроны с оружием, боеприпасами, взрывчаткой, создаются запасы материально-технических средств. Остальные “бойцы сопротивления” подобно ртути растеклись по городам и селам, обзавелись паспортами, легализовались среди местных жителей и, прибегая к изощренным уловкам и приемам “партизанской войны”, продолжают дестабилизировать обстановку, разжигают очаги напряженности.

Основа тактики бандитов, не имеющих никаких шансов перейти к масштабному наступлению по всем “фронтам”, — диверсии, террор, разбой. Действия ведутся мелкими мобильными группами, в основном “вахтовым методом”. Излюбленный принцип “удар — отход”. Лидеры экстремистов делают главную ставку на акции устрашения — взрывы в населенных пунктах и на маршрутах продвижения колонн, устройство засад, обстрелы застав, блокпостов, КПИ, мест базирования российских войск, попытки физического устранения лиц командования группировки. В течение полугода стационарные позиции войсковых нарядов и пункты временной дислокации 369 раз подвергались обстрелам, совершено 112 подрывов бандитских мин и фугасов. Общие боевые потери групп-

спублики — Ичкерия”, подписанные так называемым “высшим военным маджлис-шурой моджахедов”. В них, со ссылками на Коран, звучат призывы к участию в джихаде. В Шалинском районе распространяется газета “Защитник отечества”, материалы которой несут ярко выраженный антироссийский характер.

Несмотря на то, что озверевшие бандиты не щадят теперь и местных жителей, жестоко расправляясь с теми, кто оказывает помощь федеральным властям, большинство чеченцев по-прежнему занимают выжидательную позицию. Запутанные, дезориентированные люди слабо верят в то, что в ближайшее время обстановка стабилизируется и на многострадальной земле воцарится долгожданный мир.

пировки внутренних войск за 2001 год составили 393 человека: 78 убитых и 315 раненых.

В последние месяцы по Чечне прокатилась волна терактов, направленных против представителей администрации и мирных жителей, поддерживающих политику федерального центра. Продолжается геноцид славян. Совершено более сотни убийств русских мужчин и женщин. Жертвами террористов все чаще становятся учителя, священники — люди, пользующиеся большим авторитетом и уважением у народа.

Не снижается активность боевиков и на пропагандистском фронте. Жители республики подвергаются тотальному морально-психологическому давлению. В селах Ножай-Юртовского района был распространен текст решения “верховой коллегии военно-шариатского суда” с приговором к смертной казни ряда чеченцев за содействие законным органам власти. В Шатойском районе эмиссары полевых командиров через своих пособников составляют списки лиц, сотрудничавших с федеральными силами, для рассмотрения на одном из заседаний “шариатского суда Ичкерии”. Наряду с этим в Шалинском и Ачхой-Мартановском районах бандиты распространяют листовки с “обращением к народу Чеченской Републики — Ичкерия”, подписанные так называемым “высшим военным маджлис-шурой моджахедов”. В них, со ссылками на Коран, звучат призывы к участию в джихаде. В Шалинском районе распространяется газета “Защитник отечества”, материалы которой несут ярко выраженный антироссийский характер.

Многие из них продолжают помогать возмутителям спокойствия: укрывают боевиков, снабжают продуктами, информируют бандитов о действиях военных и сотрудников милиции. Нередки случаи участия “мирных” трудяг, в том числе и подростков, в диверсионно-террористических актах. С гарантированной оплатой: установил на дороге фугас, прикрепил незаметно к машине федералов магнитное взрывное устройство, пальнул по колонне из “шайтан-трубы” — при наличии кровавого результата получай навар “зеленых”.

Пользуясь поддержкой значительной части соплеменников, “непримиримые” развернули организованное подполье на всей территории республики с надеждой поиграть мускулами для демонстрации забугорным радетелям “масштабности и организованности сопротивления”, а в перспективе (чем шайтан не шутит, когда Аллах спит) взять реванш за сокрушительное поражение своих “полков” и “бригад” в открытых боях с армией и внутренними войсками. Во всяком случае, блефующие главари,

пытаясь заработать баллы у доверчивой публики, не скупятся на угрозы такого рода в адрес “российских оккупантов”.

“Гуманитарная помощь” кровавому бизнесу

Воинственный пыл отморозков подогревается щедрыми “спонсорскими” вливаниями. После некоего спада, отмечавшегося в первые месяцы нынешнего года, исламские экстремисты увеличили финансовую помощь бандформированиям. Один из каналов, по которому к чеченским боевикам перетекают доллары из-за бугра, — денежные трансферты частных лиц и некоторых организаций на “гуманитарные цели”. В частности, средства, собранные за счет “пожертвований” в странах Персидского залива, аккумулируются у ряда влиятельных религиозных деятелей, а затем осуществляется финансирование полевых командиров. Поступающая информация свидетельствует также о целенаправленном субсидировании ичкерийских бандитов со стороны турецкого правительства, которое маскирует свои интересы на Северном Кавказе официальными заявлениями о намерении решительно бороться с чеченским терроризмом.

Не закрыта дорога экстремистам, пытающимся заручиться поддержкой высоких покровителей с тугими кошельками, и в США. В середине мая в Вашингтон прибыл так называемый министр здравоохранения Ичкерии У. Хамбиев, который провел ряд встреч с членами американского конгресса, руководством благотворительных и исламских организаций. Однако какого-либо серьезного развития в СМИ чеченская тема после визита ичкерийского эмиссара не получила. Оно вроде бы и хочется, и колется: как на это посмотрят международные организации по борьбе с терроризмом — вопрос не праздный.

А вот зарубежные центры ваххабизма протягивают руку кавказским братьям по вере без оглядок на мнение мирового сообщества. Оказывают весомую материальную поддержку сепаратистам под видом гуманитарной помощи. Поскольку боевики рассредоточены в населенных пунктах равнинной части Чечни, выдавая себя за мирных, нуждой гонимых страдальцев, получить доступ к ним для "сердобольных гуманистов" — не проблема.

Да и сами боевики на местах, озаченные пополнением казны, не сидят сложа руки. Ставленники "моджахедов", которые затесались в подразделения МВД республики, обложили население, не желающее участвовать в терактах, данью. Когда под угрозой семьи, поневоле заплачивать.

**Не ходил бы ты, Ахмед,
в моджахеды!**

Еще один немаловажный фактор, влияющий на развитие ситуации в Чечне. Эмиссары из незаконных вооруженных формирований усиленно вербуют рекрутов в республике, суля им золотые горы и молочные реки с кисельными берегами. Такая "мобработка" отмечалась в населенных пунктах Прозненского (сельского), Шалинского, Курчалоевского, Ножай-Юртовского, Веденского рай-

онов. Не прекращается вербовка новых "борцов за веру" среди чеченских беженцев в соседней Ингушетии, руководство которой занимает неконструктивную позицию, пытаясь оказать влияние на политику российского руководства в Чечне и добиться проведения переговоров с Масхадовым.

Для пополнения бандформирований помогают "покупателям" из Чечни и ваххабитские общины, набирающие силу на территории Цумадинского, Цунтинского, Ботлихского и Буйнакского районов Дагестана.

И в Чечне, и за ее пределами вовлекается в банды, как правило, забитая, полуграмотная, одурманенная экстремистскими лозунгами молодежь в возрасте 16-25 лет. В горных районах организована боевая и идеологическая подготовка "новобранцев".

Да что играющие в "индейцев" юнцы! Уровень безработицы среди местного населения таков, что даже зрелые, лояльно настроенные к России люди поддаются соблазну набить карманы долларами с помощью бизнеса на крови. В Веденском районе находится более 600 бывших военнослужащих-чеченцев из горнострелкового батальона российского Министерства обороны. По словам сельчан, многие из "национальных стрелков", потеряв после увольнения источник доходов и похоронив надежду получить причитающиеся им суммы за участие в боевых действиях, стройными ря-

дами подались в банды. Так собственными руками в погоне за сиюминутной и весьма сомнительной выгодой формируем пятую колонну.

**Чеченское "войско" после
разгрома**

В настоящее время общая численность группировки НВФ на территории Чечни составляет около 1800 активных штыков. Это "войско" может быть усилено за счет переброшенных вооруженных бандитов из Ахметского района Грузии и Азербайджана, где проходят лечение и находятся на отдыхе до тысячи "воинов аллаха". Дополнительный резерв — затаившиеся подпольщики и местные жители, "подрабатывающие" на террористических акциях, — таких "партизан" наберется до 5 тысяч.

Разведкой выявлено более ста бандгрупп, объединенных в отряды различных полевых командиров. Особую опасность среди них представляют шесть крупных бандитских формирований.

Группировка Хаттаба — более 500 боевиков. Орудуют в Веденском, Ножай-Юртовском, Курчалоевском, Гудермесском, Шалинском, Надтеречном районах и в Прозном. Это в основном "непримиримые" чеченцы и наемники. Настроены фанатично, многие являются приверженцами ваххабизма. Часть бандитов скрыт-

но проживает в неселенных пунктах, другие — на базах в труднодоступной горно-лесистой местности.

Хаттабу подотчетны банды ныне убитого Арби Бараева и Резвана Ахмадова, обе насчитывают по 200 боевиков. Зона их активности — Грозненский (сельский), Ачхой-Мартановский, Урус-Мартановский, Шалинский, Гудермесский, Курчалоевский районы и Грозный.

С людьми Хаттаба тесно взаимодействует группировка Шамиля Басаева, насчитывающая свыше 400 человек, большинство из которых — “непримиримые” головорезы и “солдаты удачи”. Разбойничают в Веденском, Ножай-Юртовском, Курчалоевском, Шалинском, Шатойском, Шелковском, Наурском районах и в Грозном. Лежбища, как правило, в населенных пунктах.

Группировка “главнокомандующего” вооруженными силами ЧРИ Аслана Масхадова — до 150 боевиков, в основной массе противников ваххабизма. Сейчас Масхадов реального влияния на большинство вооруженных формирований в Чечне не имеет. Его поддерживают несколько главарей с бандгруппами в составе от 30 до 50 человек; наиболее активная из них — банда Мунаева, растворившаяся в чеченской столице. Однако не исключено, что число сторонников “главнокомандующего” может резко возрасти.

Наконец, группировка печально известного “комсомольца” Руслана Гелаева — до 300 бандитов. Подчиненные ему отряды были распущены осенью прошлого года. Часть боевиков облюбовала для отдыха Грузию, остальные рассредоточились по равнинным селам на западе республики (в основном в Ачхой-Мартановском районе) или укрылись в Ингушетии. Непосредственного участия в вооруженном противодействии федеральным силам они не принимают, за исключением отдельных диверсионных групп. В то же время нельзя забывать, что Гелаев имеет высокий авторитет среди чеченцев и способен

выйти на “тропу войны” с крупной вооруженной до зубов стаей.

Между отрядами и группами боевиков хорошо отработана система связи и оповещения. Намечены пути отхода из населенных пунктов и горных лагерей, оборудованы места укрытия на период проведения спецопераций силами российской группировки. В качестве осведомителей выступают “мирные” труженики, внедренные в органы власти и даже в правоохранительные структуры. Они же обеспечивают беспрепятственное передвижение по территории Чечни боевиков, включая главарей бандформирований.

Разборки в стане врага

Однако имеются и серьезные минусы в организации “движения сопротивления”, которые играют на руку командованию федеральных войск.

Во-первых, в стане врага нет единства взглядов на тактику ведения “партизанской войны”. Полевые командиры под руководством Масхадова предпочитают орудовать небольшими маневренными группами с широким привлечением “подполья” и местных жителей для участия в террористических акциях. Сторонники Хаттаба и Басаева делают ставку на обучение, проведение слаживания и развертывания в лагерях крупных бандформирований, способных осуществить масштабные акции, в том числе и по захвату населенных пунктов. В горных пещерах и ущельях могут быть подготовлены базы ориентировочной емкостью до 5 тысяч человек.

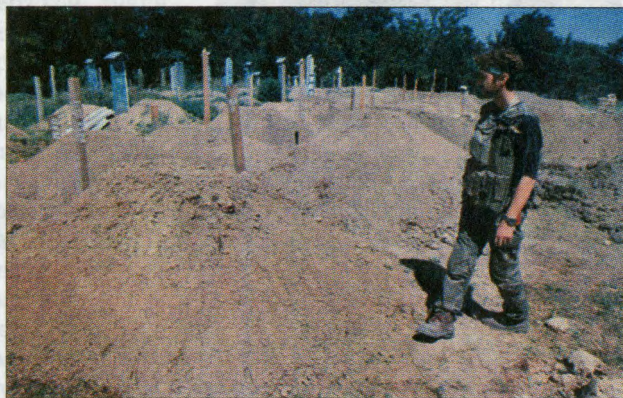
Во-вторых, объединению в крупные отряды препятствуют распри между амбициоз-

ными лидерами, которые не могут поделить власть и деньги. Так, обострились противоречия и соперничество между Масхадовым и Хаттабом в отношении привлечения на свою сторону находящихся в Грузии полевых командиров. Хаттаб в очередной раз заявил, что не признает полномочий “главнокомандующего” и не намерен ему подчиняться.

Впрочем, и Черный араб теперь не на первых ролях. После ряда совещаний лидеров сепаратистов с подчиненными командирами возглавить “повстанческое движение” в республике было доверено М.Цагараву*, руководившему действиями боевиков в Грозном. Подбросить ему баксы на это “святое” дело пообещали афганские талибы. Но при одном условии: он должен выгнать из Чечни всех арабов, так как они компрометируют идею джихада, не ведут активных боевых действий против федералов, а заняты только сбором информации для своих хозяев из национальных и западных спецслужб.

Заметная роль, которую стали играть полевые командиры-арабы в НВФ, вызывает серьезное беспокойство и у главарей-чеченцев. По их инициативе планируется провести так называемый совет представителей всех “джаматов”, где чеченские авторитеты намерены указать своим арабским союзникам “место под солнцем”, отгеснив не в меру зарва-

* Когда материал готовился к печати, в СМИ прошло сообщение, что 23 июля в Грозном убит М.Цагарав.

шихся выдвиненцев от активного руководства отрядами "моджахедов".

Несмотря на хвастливые заявления о "едином фронте против российских оккупантов", крутые главы экстремистов продолжают выяснять между собой отношения. Сводят счеты, даже прибегая к оружию. 5 июня в Панкисском ущелье было найдено тело одного из ближайших подручных Руслана Гелаева — Раисова, занимавшего в правительстве Аслана Масхадова должности начальника управления контрразведки совета национальной безопасности, заместителя министра — начальника службы общественной безопасности МВД Ичкерии. По некоторым данным, "зачистил" Раисова полевой командир Цагараев.

Охотники на "волков" — к бою!

Борьба лидеров за сферы влияния на почве финансовых, политических, национальных, религиозных интересов напоминает грызню пауков в банке. Это убедительно свидетельствует об углублении кризиса в движении мятежников.

А главное — при всех особенностях чеченского менталитета, родовых и клановых традициях, тотальном запугивании и промывке мозгов населения база социальной поддержки возмутителей спокойствия, подобно шагреновой коже, медленно, но неуклонно сужается. Людям осточертела война. Мало кто испытывает ностальгию по дудаевскому и масхадовско-басаевскому режиму. Нахлебались по самые ноздри от плодов обещанного нефтяра.

Вот почему сейчас как никогда важно преодолеть инерцию пассивного выживания, решительно нейтрализовать реальных и потенциальных сторонников "непримиримых", укрепить доверие между простым тружеником и "человеком с ружьем", убедив чеченский народ в том, что

русский воин пришел в гордую республику не как оккупант, а как защитник-миротворец.

И, конечно же, раз и навсегда покончить с бандитским беспределом, ликвидировать или посадить за решетку матерых "волков", не оставив недобиткам никаких шансов зализать раны и вернуться на тропу войны.

Хотя бандитам нанесен серьезный урон, враг по-прежнему силен и опасен. Совершенствуя приемы минной войны, лидеры бандформирований считают одной из главных задач проведение акций по дестабилизации обстановки в крупных населенных пунктах. Города Грозный, Гудермес, Аргун продолжают оставаться основными центрами диверсионных происков бандитов. Предположительно здесь находятся свыше половины наиболее агрессивных головорезов — порядка 800 штыков. Особенно дерзко и нагло ведут себя банды, подчиняющиеся Хаттабу, Ш.Басаеву, Р.Ахмадову, И.Мунаеву и А.Арсаяеву. Жестокая борьба с ними и другими хищниками — впереди...

В этих условиях работа командования группировки нацелена на повышение активности применения войск и сил правопорядка. И результаты не замедлили сказаться. Вот данные боевой статистики: количество уничтоженных бандитов увеличилось в 9 раз, задержанных — в 4 раза, изъятого стрелкового оружия — в 2 раза, гранатометов — в 3 раза, боеприпасов — в 4 раза, предотвращенных подрывов — в 1,3 раза. В ходе оперативно-профилактической операции "Чеченская нефть" войсковыми подразделениями совместно с органами внутренних дел ликви-

рованы около тысячи подпольных мини-заводов по производству горюче-смазочных материалов.

Новое в тактике контртеррористической борьбы по сравнению с первой кампанией и даже с начальным периодом нынешней — проведение адресных специальных операций. Причем главные удары наносятся по самым "непримиримым" лидерам экстремистов.

Впечатляют первые итоги таких действий.

Так, силами войскового спецназа в Шали были уничтожены два боевика и двое задержаны. Среди задержанных "бригадный генерал" Т.Мавсаев.

20 — 24 июня в ходе спецоперации в Алхан-Кале подразделениями специального назначения, разведывательного батальона, двух оперативных полков внутренних войск во взаимодействии с группой ФСБ задержаны три и уничтожены одиннадцать полевых командиров различного ранга, в том числе — первый головорез и отъявленный душегуб Арби Бараев — кровавый Эмир.

Об этой блестяще проведенной операции — отдельный рассказ...

(Окончание следует)

Подполковник Андрей МАКАРОВ

Фото Сергея Колесникова
и Михаила Сидельникова

Педагогика для Героя

Спустился на землю вечер, и пришедший вместе с прохладой ветер гонит по полю сухую траву.

На окрестных горах еще лежит отсвет уходящего дня. Когда-то давно, в шестидесятых, здесь квартировала ракетная батарея. Под землей уцелели несколько бункеров, в поле остались обнесенные валом стартовые позиции. На краю одной из них сидит подполковник. Усталое лицо, потрепанный камуфляж, на рукаве шеврон со вздыбленным конем — эмблемой Северо-Кавказского округа внутренних войск. Несколько часов назад подразделение подполковника Александра Стержантова вышло из боя. На горе Чабан, где им пришлось целый день держать оборону от бандитов, погибли трое разведчиков, погиб друг Стержантова майор Сергей Басурманов. К разведчикам сейчас не подойти.

Слез на глазах нет. И солдаты, и офицеры словно ушли в себя, ничего и никого вокруг не замечая. Для большинства из них сегодняшний жестокий бой был первым в жизни. Для четверых стал последним. А для подполковника Александра Стержантова он лишь новое звено в очередной раздирающей Россию малой войне.

В теплом зале солдат собрал подполковник. А любой новобранец знает, что офицер — это старше самого “товарища сержанта”! Но не кричит офицер, не ругает, не командует, а просто рассказывает. Да так тихо, спокойно, что кое-кто, уже поклевав носом, обмяк на стуле и посапывает, опустив стриженую голову.

— ...В армию вас призвали по

закону, не спросив согласия, а в разведку мы берем только добровольцев, — говорит подполковник. — В армии как и в жизни: можно отслужить достойно, а можно и проспять все два года. Но армия дает вам шанс изменить свою жизнь, самих себя. С вами еще будут многие беседовать. Искать среди вас водителей на штабные “уазики”, художников для замполита, музыкантов для оркестра. Мне не нужны трубачи и рисовальщики, я готов сделать из вас разведчиков. Одно обещаю точно: в разведке легкой жизни не будет. Именно поэтому мы берем лишь добровольцев. И еще: будет трудно, но два года пройдут быстро. А своей военной специальностью, кем бы вы потом ни стали, будете гордиться всегда...

Кто внимательно слушал, кто продолжал дремать. Но было вид-

но, как у многих солдат загорелись глаза.

Об одном только не сказал им подполковник Стержантов: все войны, которые случатся в эти два года, будут вашими.

Первая чеченская война длилась как раз два года. Стержантову приходилось ездить на передовую, как на работу, вахтовым методом. Полтора-два месяца боев, замена и месяц-другой дома. В апреле 95-го при штурме высоты восточнее Бачи-Юрта был ранен. Госпиталь, короткий отдых и снова передовая. И так всю войну по кругу. Вместе с бригадой прошел Аргун, Гудермес, Грозный. Менялись чаще всего с Сергеем Басурмановым, командиром разведподразделения. День-два на прием-сдачу дел, и снова пути друзей расходились. Толком встретились и посидели уже дома, когда закончилась первая чеченская война.

Несколько месяцев перед агрессией боевиков в Дагестане Стержантов провел на границе. Разведчики бригады организовывали засады, наблюдение, провели несколько специальных операций. Боевики вели себя нагло, прощупывали границу, выбирали рубеж послабее. Участок калачевской бригады оказался им не по зубам.

Дагестан — страна горная. Лента дороги вьется по склонам, накручивая поворот за поворотом. На коротком прямом участке разогнаться тоже не удалось. На самодельном КПП несколько бордачей, подняв оружие, остановили машины. Досмотра не было. Что можно перевозить здесь в фургонах, да еще в сентябре — только арбузы или виноград. Проезжай!

Спрятавшаяся в фургонах разведброта разом перевела дух. Проскочили. Половина задачи —

незаметно пробраться к господствующей высоте, горе Чабан — выполнена. Вместе с ротой был и замкомбрига по разведке Александр Стержантов.

Разведчики успешно заняли высоту над селами Карамахи и Чабанмахи, рассеяли дозор ваххабитов и уничтожили их телереансляционную станцию. Теперь дело было за батальонами бригады, которые с рассветом пошли в атаку на села. Сопrotивление, с которым они столкнулись, оказалось неожиданно сильным. Села были превращены в хорошо подготовленные укрепрайоны, бандиты превосходили наши подразделения и числом, и вооружением. А когда понесшие потери войска были вынуждены отойти, весь удар боевиков приняла на себя разведброта.

О том бое написано немало. Рядовой Дмитрий Перминов, спасая жизнь товарищей, попытался выбросить попавшую в окоп гранату. Она разорвалась у него в руке. Ефрейтор Александр Кириллов, раненый, руководил боем на своем участке, заменив выбывшего из строя взводного. Получивший контузию пулеметчик Вячеслав Нестеренко не оставил позицию и продолжал бой. Упавшая между Александром Стер-

жантовым и Сергеем Басурмановым граната выбрала из двоих Басурманова... Весь день разведка вела бой и лишь с наступлением сумерек смогла оторваться от бандитов и спуститься с горы.

На следующий день еще не отошедшие от боя разведчики обживали небольшой домик на краю полевого стана. Днем солдаты распалилось нещадно. Солдаты таскали из скирды, примостившейся на краю поля, увязанную в плотные пачки солому. Стержантов, набросив куртку, стоял босой на траве. Неожиданно его кто-то приобнял за плечи.

— Отошли твои ребята?

Рядом стоял главком.

Стержантов рассказывал о прошедшем бое, а сам, босой, смущенно переминался с ноги на ногу.

Будь моя воля, я бы боевым офицерам кителя лет на пятнадцать выдавал — во какая экономия казне! Поскольку фронтовые офицеры китель этот надевают дай Бог раз в году. А так все больше в камуфляже обретаются. Настолько к нему привыкли, что и в праздники ордена к камуфляжу крепят.

Но у подполковника Александра Стержантова случай особый. В Москву надо ехать, в Кремль, получать Золотую Звезду Героя России. Вместе с ним в столицу за наградами приехали десантники, мотострелки, летчики... После торжественной церемонии показали героям Кремль во всем его великолепии. Ну а дальше, как говорится, по интересам. Экскурсии по Москве, любой театр, музеев — куда пожелаешь. Александр Стержантов для визита выбрал госпиталь внутренних войск в Реутово. Решил навестить раненых однополчан...

Александр Линович Стержантов прослужил в должности замкомбрига по разведке девять лет. Предлагали, и не раз, место в штабе дивизии, должность в управлении округа. После вручения ему Звезды Героя звали в Главкомат внутренних войск. Но менять место службы Стержантов не собирается. Хотя и в свой маленький городок Калач-на-Дону попадает лишь между тревожными командировками. Не хочет менять прописку и после увольнения в запас.

— Скоро сорок пять стукнет, вроде как и о гражданской жизни пора задуматься, — как всегда неторопливо, словно взвешивая каждое слово, говорит Александр Линович. — Пойду в школу, буду ребятишкам начальную военную подготовку преподавать. Педагогические коллективы на девяносто девять процентов из женщин состоят. А пацанов-то к службе в армии готовить надо...

В войска пришел очередной призыв. Снова Стержантову отбирать среди новобранцев разведчиков для бригады. А потом что? Неужели действительно впереди у Героя обычная средняя школа?

А может, и правильно? Уж очень хороший педагог будет у ребятишек.

Дни воинской славы России

КУРСКАЯ БИТВА

23 августа — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск под Курском (1943 год)

В июле 1943 года, после проведения тотальной мобилизации и используя отсутствие второго фронта в Европе, немецкое командование предприняло в районе Курска крупное наступление, в котором использовало основную массу своих войск на советско-германском фронте. Важная роль в замысле противника отводилась массированному применению новой военной техники: тяжелых танков ("тигр", "пантера"), самоходных орудий ("фердинанд"), самолетов ("фокке-вульф"). Всего для наступления гитлеровское командование сосредоточило 65 дивизий.

Курская битва включала оборонительную (05.07 — 23.07 1943 года) и наступательную (12.07 — 23.08.1943 года) операции, проведенные Советской Армией в районе Курского выступа. Оборонительная операция была проведена с целью срыва наступления немецко-фашистских войск. В операции участвовали войска Центрального (командующий — генерал армии К.К.Рокоссовский), Воронежского (командующий — генерал армии Н.Ф.Ватутин), Степного (командующий — генерал-полковник И.С.Конов) фронтов. Оборона готовилась прежде всего как противотанковая, организована была также и противовоздушная оборона.

5 июля 1943 года непосредственно перед началом наступления немецко-фашистских войск, сроки которого установила разведка, по приказу советского командования была проведена артиллерийская контрподготовка по районам сосредоточения ударных группировок противника. В результате этого гитлеровские войска понесли большие потери и начали наступление с опозданием на 2,5-3 часа от намеченного срока.

Наступление противника было остановлено в полосе Центрального фронта 10 июля, а 12-го в районе села Прохоровка произошло самое крупное встречное танковое сражение Второй мировой войны, в котором с обеих сторон участвовало свыше 1500 танков и крупные силы авиации. Общее руководство советскими войсками в сражении под Прохоровкой осуществлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А.М.Василевский. В этом сражении противник потерял более 400 танков и 10 тысяч убитыми, и были созданы условия для перехода советских войск в контрнаступление.

В наступательной операции советских войск в ходе Курской битвы участвовали войска Западного (командующий — генерал-полковник В.Д.Соколовский), Брянского (командующий — генерал-полковник М.М.Попов), Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного (командующий — генерал армии Р.Я.Малиновский) фронтов. Наступательная операция завершилась полным разгромом немецко-фашистских войск на Курском направлении.

В Курской битве враг потерял около 500 тысяч человек, 1500 танков, свыше 3,7 тысячи самолетов, 3 тысячи орудий. Его наступательная стратегия потерпела полное крушение. Курская битва и выход советских войск к Днепру завершили коренной перелом в ходе войны.

Эта битва, продолжавшаяся менее двух месяцев, по своему размаху, напряжению и результатам стоит в ряду крупнейших битв Второй мировой войны. Победа в ней стала одним из важнейших этапов достижения победы Советского Союза над фашистской армией. Германия и её союзники были вынуждены перейти к обороне на всех театрах Второй мировой войны.

В области военного искусства Курская битва является блестящим примером реализации наступательной и оборонительной операций, в ходе которых эффективно решены проблемы взаимодействия всех родов войск в бою, и операции на основе массированного применения пехоты, артиллерии, танков и авиации.

Евгений КЛИМОВИЧ,
полковник в отставке

Старший сержант Хаким ИБРАГИМОВ,
курсант Военного университета МО РФ,
стажер журнала "На боевом посту"
Фото из архива Книги памяти

**"Я вернусь живым
и невредимым,
мама!"**

20 июля 2000 года в Гудермесском районе Чеченской республики при выполнении боевого задания погиб сержант Дмитрий Александрович Цветчих. За проявленный героизм и мужество он награжден орденом Мужества (посмертно).

Однажды Инна Федоровна Цветчих, мама Дмитрия, нашла в куртке сына записку: "Я хочу попасть служить в спецназ, во внутренние войска, в ВДВ или разведку. Господи, хоть бы сбылись мои мечты. Пожалуйста. Д.Цветчих". С этим посланием он ходил на Паску в местную церковь.

Через несколько месяцев мечта молодого парня из Свердловской области осуществилась — Дмитрия Цветчих направили служить во внутренние войска.

Многие одноклассники уже получили повестки, заканчивали про-

ходить медкомиссию, а документы Дмитрия еще не были подготовлены. Он решил сам в этом разобраться. Весной 98-го, не дождаввшись повестки, Дмитрий пришел в военкомат. Дальше, как и у всех призывников, — вокзалы, переезды, сборные пункты: Курск, Москва, Ставрополь... С тех пор как сын сообщил, что до окончания службы осталось практически чуть больше месяца, Инна Федоровна ждала его каждый день. Иногда ей казалось, что Дима придет именно сегодня, и тогда она оставляла ключи соседям... Но Дмитрий скрыл от мамы, что подписал контракт и уехал в стреляющий ре-

гион. Не хотел тревожить материнское сердце. Но рано или поздно тайное всегда становится явным. Как только Инна Федоровна узнала, что Дима находится в Чечне, жизнь ее превратилась в тревожное ожидание. "Я смотрела выпуски ново-

стей из Чечни и в каждом солдате видела своего сына”, — вспоминает Инна Федоровна.

Дмитрий старался как можно чаще присылать домой письма и рассказывать о своей службе. В письме из Гудермеса он успокаивал маму: “Восточная группировка войск — самая безопасная. Нет у нас никаких потерь. Ты не волнуйся... Это даже войной не назовешь. Ты скажешь, что я тебя успокаиваю. Нет! Да, ты права, боевики днем — мирные жители, работают на полях, а ночью берут в руки оружие. Но у нас тихо. Мы стоим на старом консервном заводе. Сами себе построили баню. Погода здесь жаркая... Я вернусь живым и невредимым, мама!”

Диму очень ждали дома, считали дни до его увольнения. В их маленькой семье, где, кроме Димы, было две женщины — старшая сестра Ирина и мама, всегда царили мир и согласие. Они дорожили своим домом, берегли в нем мир и уют. В семье достатка большого не было, но была нежная забота друг о друге. Как-то, когда Дмитрию исполнилось 18 лет, ему подарили скромную сумму денег — 100 рублей. Два месяца он берег эти деньги, чтобы обрадовать маму на день рождения серебряным колечком. Инна Федоровна до сих пор вспоминает об этом с волнением: “Я ношу, не снимая, его подарок. Когда сына призвали в армию, я прижимала колечко к губам и шептала: “Господи! Спаси и сохрани моего сына!”

Школу Дима закончил без троек, с похвальной грамотой. В школьной тетрадке сохранились его вопросы к самому себе: “Какие черты характера необходимо выработать?”, “От каких отказаться?”. На последний он ответил: “От неуверенности”. На первый: “Твердость”. Развивать характер помогал ему спорт. С детства Дмитрий занимался боксом. Относился к спорту серьезно, нередко занимал призовые места в областных и даже международных турнирах, однажды привез домой импортный

аудиоплеер, который вручили ему как победителю. Мама хранила газетные вырезки о его спортивных достижениях, но Дима перед армией все подарил своим друзьям. “На память обо мне!” — говорил он. В выпускном альбоме Дмитрия остались теплые пожелания его одноклассников: “Димуля, добейся в жизни всего, чего желаешь!”, “Будь таким же порядочным всегда!”, “Ты отличный парень!”. Взаимоотношения между одноклассниками были настолько теплыми и искренними, что траге-

дия одного становилась общей. Когда зимой в автокатастрофе погибла одноклассница Ольга, Дмитрий отпрашивался с работы на похороны, забыв даже как следует одеться. Вернулся с кладбища весь продрогший, принес простое вафельное полотенце, которое обычно дают участникам похорон. “Ты сбереги его, мама, как память об Ольге”, — сказал Инне Федоровне. Тогда он не мог знать, что будет в их классе следующим в печальном списке...

На выпускном вечере ему пожелали стать знаменитым боксером, в

школьном альбоме девочки напишут еще “миллиардером”. Да, какие милые, наивные пожелания! Жизнь окажется слишком суровой и жестокой. А он станет каменщиком. И все заработанное будет приносить домой, матери.

Пришло время, когда необходимо было задуматься о будущем и получать дальнейшее образование. Он с мамой поехал в Екатеринбург, попытался поступить в институт. Уже там поняли, что вряд ли мама сможет вытянуть его учебу — средств, как ни крути, не доставало. Тогда решили, что Дима будет учиться поближе к дому, в Нижнетагильском строительном техникуме. Но и здесь не сложилось, завалился на черчении. Пришлось отложить учебу на потом и устроиться на работу в стройуправление. Впереди была служба в армии.

В своем дневнике, который кроме матери никто больше не читал, Дима записал тогда: “Скоро мне предстоит служба в рядах Вооруженных сил Российской Федерации. Я хочу, чтобы эти два года службы не были напрасными, чтобы я никогда о них не жалел. Я хочу вернуться из армии совсем другим человеком. Я хочу и буду стараться искоренять отрицательные черты своего характера. Надеюсь, армия мне в этом поможет”.

Сослуживцы Дмитрия часто приезжают к матери, пишут ей письма, вспоминают тот день, когда произошла трагедия. В письме к Инне Федоровне Максим Кустов, один из тех, кто служил вместе с ее сыном, рассказал, как погиб Дмитрий.

В ночь с 20 на 21 июля 2000 года сержант Дмитрий Цветчих вместе с поисковой группой выехал на специальную операцию в один из населенных пунктов Гудермесского района Чечни. Именно в этот день там произошло столкновение с бандитами. Боевики ждали военных, а потому на дороге заранее заложили фугасы. Когда боевые машины подъе-

хали к месту проведения операции, бандиты обрушили на военнослужащих такой шквал огня, что невозможно было поднять голову. А потом подорвали и фугасы. Разведчики ответили огнем и вызвали подкрепление. Вскоре стрельба немного поутихла, и группа попыталась отойти. И тут боевики подорвали еще три фугаса. После взрывов из группы боеспособными осталось четыре человека: командир, пулеметчик, радист и один из автоматчиков. В то время как наводчик бронемашин прикрывал группу, другие выносили с поля боя раненых. Одним из осколков ранило Диму, но он, преодолевая боль, тоже прикрывал погрузку раненых. А вскоре от потери крови и сам потерял сознание. До госпиталя его так и не довезли, он скончался по пути в Ханкалу. "Нам с Дмитрием оставалось служить две недели. Но чтобы в Чечню не поехали молодые, не прослужившие и года парни, мы решили написать рапорта с просьбой направить нас для прохождения службы на территорию Чеченской республики. Память о вашем сыне всегда будет в наших сердцах. Ведь не зря говорят, что человек живет, пока о нем помнят!"

А вот строки из письма командира войсковой части, в которой служил Дмитрий: "В этом коротком и жестоком бою с боевиками Дмитрий ценой своей жизни прикрыв отход товарищей. Он погиб как герой. Его имя будет навечно занесено в списки части". Орден Мужества, к которому был посмертно представлен сержант Дмитрий Цветчих, — дань его памяти, подтверждение того, что это был настоящий мужчина, настоящий солдат.

15 октября 2000 года в его родном городе были проведены соревнования по боксу, посвященные памяти Дмитрия Цветчиха. В ней участвовали спортсмены из нескольких городов России, и было принято решение о проведении ежегодного турнира его имени.

Не забывают земляки имени ге-

роя. На фестивале авторской песни лауреат многих конкурсов Владимир Зуев посвятил свое выступление памяти сержанта Дмитрия Цветчиха и других военнослужащих, погибших в локальных войнах. Вот строки из его песни:

*Парень завязал узелок,
начался 2000 год.
Бережливых Бог бережет,
значит, и ему повезет.
Крестик под броней на груди,
а до гражданки — еще весна.
Жизнь, она, поди, впереди,
жалко, что только одна...
Он получил из дома письмо,
где, как прежде, любят и ждут,
Здесь он твердо знает одно:
стрелять, иначе убьют...
Мы в детстве, мам, играли
солдат,
Да только я стоял в стороне.
Мама, я прошу, чтобы брат
ничего не знал о войне...*

Гроб с телом Дмитрия Цветчиха из Ростова через Челябинск и Нижний Тагил сопровождал командир роты капитан Григорий Зана. Он же присутствовал в Ростове на опознании тела своего бойца. "Дмитрий был хорошим сержантом, товарищем, человеком", — просто сказал капитан во время гражданской панихиды. Похоронили Дмитрия со всеми воинскими почестями на туринском кладбище. Пришли друзья, одноклассники, коллеги по работе, соседи. Похоронен он рядом со своим другом детства Сергеем Цимлянским, который погиб в Чечне, в Самашках от пули снайпера. Так и лежат они рядом, в одной оградке — старший сержант Сергей Цимлянский и сержант Дмитрий Цветчих.

В одном из писем домой Дмитрий писал: "У нас с тобой, мама, будет в жизни еще много праздников". Но в жизни Инны Федоровны не было большего праздника, чем жизнь сына, и большего горя, чем его потеря.

Из почты редакции

ОН РВАЛСЯ ТУДА, ГДЕ ОПАСНО

Здравствуйте, уважаемая редакция журнала "На боевом посту"!

Пишет вам мать погибшего солдата старшего сержанта Аджакавова Владислава.

Мой сын был призван в армию, когда еще шла первая война на территории Чеченской республики. Он написал рапорт с просьбой направить его в горячий регион, но получил отказ. Командование части объяснило это тем, что в пункте постоянной дислокации не хватает сержантов. После армии спрашивала его: "Почему ты лезешь туда, где опасно?" А он отвечал мне: "Ну не поеду я, не поедет другой, третий... А кто вас будет защищать от этих бандитов?"

Поэтому, когда началась контртеррористическая операция, Владик подписал контракт и уехал на войну. Приезжал в отпуск. Как-то он показал мне свой шеврон. Читаю: "Спецназ". А у него лицо светится от счастья. Я говорю: "Ну, теперь ты успокойся, счастлив?" Владислав мне говорит: "Когда сдам на краповый берет, успокоюсь".

Мечте его не суждено было сбыться. Владик погиб 10 сентября 1999 года в ходе спецоперации в Дагестане. Он награжден орденом Мужества посмертно.

Но самой большой наградой для него была та, которую преподнесли спецназовцы-"краповики" из его отряда. Владика в гроб они положили краповый берет. Думаю, он достоин этого.

Спасибо вам за ваш труд по увековечению памяти погибших парней. Мы должны помнить тех мальчишек, которые сложили свои головы на этой войне.

С уважением—
Галина КАШИРСКАЯ,
Кабардино-Балкария

БОРИСА КАРПОВА всякий знает!

Пятьдесят лет для военного журналиста не тот юбилей, чтобы посвящать ему страницу в родном издании для чествований-поздравлений коллег по перу, боевых товарищей и читателей. Несмотря на то, что вроде бы и дата круглая, и возраст предельный для выслуги полковника — финишная прямая к заслуженной пенсии.

Так считает начальник отдела военного очерка и публицистики редакции журнала «На боевом посту» Борис Карпов. И, заглядывая в секретариат, где кипела работа над версткой августовского номера, то и дело просил-требовал: «Не вздумайте, мужики, в журнале панегирик моей персоне посвящать. Журнал для читателей, а наш брат корреспондент должен оставаться за скобками. Вот стукнет мне тринадцатого августа «полтинник», соберемся за дружеским столом, тогда уж и пойте песни, «как я дошел до жизни такой». Ну а даст Бог доживу до ветеранских семидесяти-восьмидесяти, так и быть, можно будет к моим мемуарам тиснуть небольшой поздравительный врез».

Отдавая дань скромности юбиляра, мы решили поступить вопреки его просьбе и черкнуть пару строк о боевой жизни и творчестве военного публициста. Заслужил Борис Васильевич к дню своего пятидесятилетия теплые слова благодарности на странице родного журнала.

Помнится, очерк о своем друге, известном барде полковнике Александре Чикунове он озаглавил: «Сан Саныча всякий знает». Похожими словами можно подвести итог многолетней работе полковника Карпова в войсковой печати: «Бориса Васильевича всякий знает».

Знают солдаты и офицеры, выпол-

нявшие трудные задачи по охране важных государственных объектов, о которых писал тогда еще лейтенант Карпов в дивизионной газете. Помнят ликвидаторы-чернобыльцы, рядом с которыми он выполнял корреспондентскую работу в зоне повышенной радиации. Помнят войны-спасатели в Спитаке и Ленинкане, как офицер-журналист с блокнотом и фотоаппаратом, рискуя жизнью, лез в завалы разрушенных стихией зданий, откуда доносились крики о помощи. Ему желают мира и добра бойцы и командиры, гасившие «братскую» вражду народов в Карабахе, Северной Осетии и Ингушетии, где мотался он в хэбэшке-песчанке меж стреляющими селами на броню и пехом, пересекая «линии фронта», пролежавшие через сады, огороды и виноградники.

Его величают братом, братишкой наши войсковики, омововцы, собровцы, армейцы, своевавшие первую и вторую Чечню. По-мужски благодарят фронтового корреспондента, вспоминая Бамут, мальчишки-окопники за то, что помогал в ночном бою на Лысой горе снаряжать магазины, подбадривал прикольными шутками — в горячке пулеметной долбежки ох и не лишней была та подмога полковника, с виду вовсе даже не воинственно-го! Молится за здоровье Карпова солдатик из 100-й ДОН: раненого, в окровавленных бинтах, дотащил его военный журналист до санбата...

В кругу его друзей, которым он посвящал очерки, репортажи, корреспонденции, публицистические заметки, — и простой боец, увенчанный скромным знаком воинской доблести, и Герой-снайпер, и матерый спецназовец с иконостасом орденов и медалей, и командующий, пове-

рвавший ему в откровенной беседе тяжкие раздумья о судьбе Отечества и войск, и писатель-баталист с огненно-страстным пером, и олимпийский чемпион, отстаивавший честь державы на шумных стадионах. И исполнитель авторских песен Марианна Захарова с чистым русским голосом: «Ну что, братишка, можно закурить, мы сделали с тобой свою работу. На мне и броник весь промок от пота, а значит, быть добру и будем жить!»

Он живет по-честному, делает работу на совесть, пашет до седьмого пота. Свидетельством — награды: медали ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени с изображением мечей, медали «За спасение погибавших», «За отличие в воинской службе» I и II степени, почетная медаль общественного движения «Россия православная» «За жертвенное служение во имя святых благоверных князей российских Бориса и Глеба», кавказские кресты-знаки «За отличие в службе» I и II степени.

Очерки одного из публицистических циклов о воинах-кавказцах Карпов назвал: «Солдаты», «Комбаты», «Генералы». В целокупности имея в виду слова Петра Первого: «Солдат — имя общее, знаменитое».

Он и сам солдат от журналистики, наш Борис. До мозга костей преданный ВВ — войскам воюющим и людям в погонах, на чьих плечах — тяжкий крест. Ради них и свой офицерский, журналистский крест несет полковник Карпов. Хотя с его талантом мог бы выгодно поменять камуфляж на гражданский костюм и получать большие гонорары в валюте, прославляя иных героев нашего времени в угоду сильным мира сего.

Но нет, в его судьбе, судьбе православно-человека, потомственного офицера, сына полковника, ветерана Великой Отечественной, — другие дороги. И другие темы.

Книги Бориса Карпова "Кавказский крест" и "Кавказский крест — 2", проиллюстрированные снимками Олега Смирнова и других фронтовых фоторепортеров, без преувеличения, вошли в золотой фонд документально-публицистической прозы о нынешней, проклятой и праведной, войне на просторах истерзанного реформами, идущего под уклон Отечества. В них, книгах этих, удостоенных премий МВД и Союза журналистов, — окопная правда. Боль и страдание за пацанов и мужиков в погонах, героизмом и отвагой ликвидирующих волчий беспредел сепаратистов, кровью оплачивающих грехи и преступления чиновных державо-ненавистников. И вера. В русского солдата. В нашу русскую правду. В победу нашу.

Скоро увидит свет книга о военнослужащих внутренних войск — Героях России. Ее редактор-составитель и автор двадцати трех очерков — Борис Карпов. Его прямая заслуга и в том, что вышла книга стихов и прозы старшего лейтенанта Анатолия Ягодина "Если б выжить мне довелось" — в память о нашем коллеге, замечательном журналисте и поэте, погибшем 18 апреля 96-го под Самашками при выполнении редакционного задания.

По инициативе полковника Карпова установлена мемориальная доска на доме, где жил Толя Ягодина. По его же почину стали традиционными поездки сотрудников журнала "На боевом посту" на родину нашего Анатолия, в тихий город Ворсму, что в Павловском районе Нижегородской области, встречи с его матушкой, Надеждой Анатольевной, и братом Вадимом, Толиными друзьями детства, его учителями, нынешними школьниками-ворсминцами, которые чтут память военного корреспондента-земляка.

Плюс к тому — активное участие в мероприятиях по военно-патриотическому воспитанию призывников столицы, читательские конференции в воинских частях, уроки памяти в школах и на предприятиях.

Применительно к Борису Карпову так

и хочется перефразировать классическую формулу: "Журналист — не только пропагандист и агитатор, но еще и организатор".

И к сему добавить: убежденный пропагандист, активный и неутомимый организатор!

Планов у него — только успевай выполнять. И творческих, и организаторских. Написать документальную повесть о ныне покойном командующем внутренними войсками генерале горячих точек Юрии Шаталине. Завершить работу над лирическим повествованием о последнем Герое Советского Союза лейтенанте Олеге Бабаке, погибшем в Карабахе, прикрывая отход подчиненных. Встретиться с главой администрации Павловского района — выбить дополнительную пенсию маме Толи Ягодина и его брату, ставшему инвалидом, потерявшему зрение во время службы на атомной подводной лодке. Написать рецензию на лучшую книгу о чеченской войне — роман Александра Проханова "Идущие в ночи".

Выступая перед читателями, он всегда говорит: "По жизни я сельский учитель, окончил пединститут, военное образование получил экстерном. И в войсках вроде как продолжаю учительствовать".

Не кокетства ради эти слова. Он и впрямь учителствует. На примерах героев своих публикаций — защитников Отечества учит крепче любить Родину, уважать армию и войска правопорядка, ратный труд ценить, возвращать в молодых душах зерна патриотизма, без коих не выстоять нам в этом яростном мире, не возродить Россию.

Спасибо тебе за твои проникновенные слова и яркие, убедительные строки, Борис Васильевич!

А еще благодарность наша — за теплоту общения в твоём прокуренном ароматно-крепким трубочным дымом кабинете — маленьком музее. Хорошо посидеть с тобой, прихлебывая густой, по-особому заваренный чай, поговорить "за жизнь", поделиться творческими планами, спросить совета, послушать громкую читку только что написанного тобой материала. Поглядывая на пробитую пулями каску из Карабаха, кобурку со следами

крови погибшего товарища, на стены, густо увешанные вымпелами, значками, шевронами — свидетелями нашей войсковой истории. На привезенные с Кавказа подковы. И думать о счастье наших журналистских путей-дорог, на которых ты для нас — направляющий, впереди идущий, крепко подкованный — не поскользнешься на крутом изломе — мужик.

Выше заикнулся было об итогах. Беру свои слова обратно, товарищ полковник! Рано еще тебе их подводить в рядах набоепостовцев. Есть еще порох в пороховницах. Не притупилось, стало острее перо военного публициста. Поэтому оставайся с нами!

На пользу Отечеству, войскам и журналу.

От имени и по поручению коллектива редакции — твой боевой друг и ученик полковник Юрий КИСЛЫЙ
Фото Олега СМЕРНОВА

Илья БЕЛИКОВ,
генерал-майор
в отставке
Фото из архива автора

В 11-м СТРЕЛКОВОМ ПОЛКУ

Проезжая два года назад через Киев, встретился я с зашедшим в вагон Иваном Петровичем Должиковым, полковником в отставке, моим сослуживцем в 1956-1957 годах по 11-му стрелковому полку ВВ в Германии. Он был там заместителем командира по техчасти. Поезд в Киеве стоял полчаса, но мы так увлеклись беседой, что не заметили, как он тронулся и стал набирать скорость. Пришлось прибегнуть к помощи стоп-крана. А на меня с какой-то неведомой силой и остротой нахлынули воспоминания...

И Годы бежали, перевалило за тридцать. Пришла пора прощаться с комсомолом, в котором я долго и, кажется, не бездарно и не бесплодно трудился начиная с первого военного полугодия. Раза два заговаривал я на эту тему со своим начальником Николаем Семеновичем Терещенко.

— Не торопись, ты ведь совсем молодой, да и замены себе не подготовил.

— Как же не подготовил? — называю кандидатуру.

— Так это же твой ровесник. За-

чем менять шило на мыло?! Пусть подрастет молодежь.

Тогда я, ссылаясь на отсутствие военного образования, попросился в военно-политическую академию.

— А уж это тебе и вовсе ни к чему, один вред, — отреагировал он, добродушно похохотывая.

Снова к вопросу о переходе на другую работу вернулся я уже в 1954 году, когда внутренние войска объединились с конвойными. Я предложил на свое место Д.Ющенко из того же политоргана.

— Сколько ему лет? На год старше тебя? Это даже хуже операции шила с мылом.

И все же осенью 1954 года я ушел в Военный институт КГБ СССР на годичные курсы руководящего состава. Правда, с сохранением должности.

— Ладно, поучись, а мы подумаем, где тебя лучше потом использовать, — напутствовал меня Терещенко.

Бывая в главке, особенно к концу занятий на курсах, я раза два навещался к нему. Он предложил мне остаться в аппарате заместителем начальника отделения оргпартабботы у Н.В. Позднякова — дескать, тот просит. Я отказался категорически, заявив, что в аппарате вдоволь насиделся, хочу в войска. Тогда — заместителем начальника политотдела в дивизию им. Ф. Дзержинского. Я опять отказался, сказав, что с В.В. Деевым, сверхосторожным, работать мне будет неудобно, что неизбежны конфликты.

— Да, ты, пожалуй, прав. Уж больно разные вы люди. Хотя такая разница пошла бы и на пользу делу..

— Не знаю, как насчет дела, но лично мне эта разница обошлась бы слишком дорого, и не знаю, чем бы закончилась.

Я заявил, что не возражал бы попробовать себя на полку, где можно или проявить себя по-настоящему, или загреметь. Третьего — коптить небо, занимая кресло, — я не признаю.

— Чудной ты, Илья, мужик. Охотников идти на полк из наших кабинетов да еще с потерей в деньгах я что-то не встречал. Но это не проблема, полк найдем. В Германию поедешь?

— Никаких вопросов, готов.

В наших войсках в Германии я бывал не раз, знал все части, знал очень многих людей.

Полк, а это был 11-й стрелковый, со штабом в Карл-Маркс-Штадте (бывший и сегодняшний Хемниц), мне достался из шести самый запущенный и отстающий. Плохо показал там себя его коман-

дир Н. Приписцов, а начполитотдела Корнеев уже полгода находился в Союзе — сначала в двухмесячном отпуске, а затем, не возвращаясь, стал учиться на тех же курсах, что окончил я. И на первом же служебном совещании в Берлине, где подводили итоги 1955 года, мы с подполковником И.Г. Шпаком, тоже только что вступившим в командование полком, не успевали вставать, когда в докладах полк назывался последним в списке буквально по всем позициям — по службе, боевой и политической подготовке, состоянию дисциплины, тыловому обеспечению, даже по самостоятельности и работе женсовета.

Знавшие меня начальники политотделов соседних частей то сочувственно кивали, то подзадоривали и подначивали. Пришлось терпеть и принимать на себя удары за чужие грехи.

...Вернусь на несколько мгновений в Москву, где меня оформляли на новую должность. Офицер из управления кадров министерства с сочувствием и сожалением вздохнул:

— Не сработаетесь вы с Приписцовым. — Речь шла о командире полка, которому предстояло сдавать должность И. Шпаку.

— А я не сработываться еду, а работать, — отрезал я непрошеному "болеельщику".

Терещенко, прощаясь, тоже почувствовал:

— Наши старые работники больно жалуются на Тертишникова. Говорят, невозможно с ним. Ты, ежели что, не стесняйся, звони прямо мне, в обиду не дадим.

— Товарищ полковник, я еду работать, а не жаловаться. Таких звонков от меня не будет.

— Ну, ну, не обижайся. Я так и думал, — великодушно согласился Николай Семенович.

Забегая вперед, скажу: для звонков в Москву с жалобами на берлинское начальство никаких поводов не было. Более того, Федор Викулович Тертишников, с которым мы до это-

го совсем не были знакомы, встретил меня просто-таки радушно, сам поехал со мной представить офицерам полка и постоянно потом подерживал.

— Присмотритесь к политотделу. Там, по моим данным, лодырь на лодыре сидит и лодырем погоняет, — "ободрил" меня, возвращаясь в Берлин, Федор Викулович. И был он, к сожалению, прав. Беседуя по очереди с офицерами политотдела, я убедился, что ни инициативы, ни настоящей заботы о деле почти у всех у них не было и в помине. Приятное исключение составляли лишь инструктор по партучету Владимир Ржевский и помощник по комсомолу Зайнулла Бекмухамедов, офицер старательный, безотказный, близко к сердцу принимавший проколы чести и невысокий авторитет политоргана.

— Ничего вы с этой публикой не добьетесь, в шею гнать их надо, — так резко завершил беседу со мной лейтенант. — Они уже ворчат, шепчутся по углам: мол, не первую "метлу" встречаем, посмотрим, как она будет мести. Кое-кто, оказывается, уже имел дело с вами прежде и восторга при воспоминаниях не испытывает..

Гнать их мне, к счастью, не пришлось. Когда в июле—августе полк переформировывали, офицерский состав обновился без нашего вмешательства: все отслужившие срок за границей, а также бесперспективные были откомандированы в Союз или уволены. В политотделе из прежнего его состава остались лишь Бекмухамедов да капитан Данилов, поскольку недавно прибыл в ГДР.

И

Начало службы в полку у молодого начполитотдела связано с серией неудач и огорчений. Жизнь испытывала меня на прочность. Одно за другим посыпались громкие ЧП.

На третий день моего пребывания в части рядовой Одноколкин, часовой по охране банка в Зигмаре,

застрелил немецкого гражданина, приблизившегося к нему вплотную. Пьяный, что у немцев было редкостью, решил, видимо, попросить у часового прикурить, а в ответ на предупреждение швырнул в него пачку сигарет. Молодой солдат подумал, что это по меньшей мере граната, и в упор уложил поддулявшего. Действия его смешанная комиссия признала правомерными, ответственности он не понес, но население это восприняло негативно.

Буквально через неделю в другой роте смертельно ранил немецкого шахтера часовой по охране шахты рядовой Смагин. Действовал он тоже по уставу. Рабочий, решив сократить путь домой из забоя, направился через лаз в заборе, минуя КПП. На окрик, а затем на предупредительный выстрел вверх разрушитель не реагировал, и часовой, который на стрельбище не всегда попадал в мишень, здесь со 130 метров уложил человека с первого выстрела. Рабочий оказался отцом троих малолетних детей. На многочисленных похоронах слышались ропот и возмущение. Солдата от греха подальше срочно перевели в другой батальон.

Еще через полмесяца в одной роте с небольшой, дня в три-четыре, паузой покончили жизнь самоубийством два солдата. Выехав туда и разобравшись, я столкнулся с вопиющей халатностью, нечуткостью, черствостью должностных лиц роты. Не находил слов, чтобы высказать свое негодование. Ротного и замполита сняли с должности, срочно отправили из полка с понижением.

Прошло еще каких-то полтора месяца, и в полку побит рекорд по числу происшествий. Я метался по "пожарам", не зная, где еще может прорвать. Ни в одном подразделении, кроме тех, куда выезжал на ЧП, я не побывал. На брючном ремне нигде было прокалывать дырки. Жена, глядя на меня, сокрушенно качала головой: куда тебя, дескать, понесло,

чего тебе не служилось в Москве. Искренне переживал за меня и Тертишников.

В начале мая в 7-й роте, самой отстающей в полку, на объекте по неосторожности погиб еще один солдат — от случайного выстрела из автомата. Погиб отличный солдат по вине отличного ефрейтора, своего друга, секретаря комсомольской организации. Особенно горько было сознавать нелепость и трагичность подобной ситуации.

Происшествие это стало последним в мою бытность там. С 7 мая 1956 года до сентября 1957 года в полку, насчитывавшем около 2,5 тысячи человек, не было ни единого ЧП и преступления.

Да, после июля в переформированном по новым штатам и с новой дислокацией подразделений полку, принявшем на себя гораздо больший объем служебных задач, когда процентов на 75 обновился офицерский состав, дела пошли успешно. Сдав подразделениям немецкой "полиции готовности" (своего рода аналог наших внутренних войск) охрану шахт и некоторых других объектов, полк стал охранять лишь объекты особой важности — цеха и склады готовой продукции, спецчасти, где хранилась секретная документация, а также сопровождать эшелоны с продукцией АО "Висмут" до Бреста и выполнять служебные задачи на территории, которую до того занимали еще три полка (12, 18 и 197-й), выведенные из ГДР. Кроме того, в штате полка появилась школа по подготовке сержантов и батальон сопровождения грузов. Расстояние от управления части до находящихся на флангах подразделений — на севере в Дрездене, на юге в Йоганнсгеоргенштадте, на самой границе с Чехословакией — увеличилось в 2—3 раза. В то же время численность всех служб управления, в том числе штаба и политотдела, осталась прежней. Управлять же полком четырехбатальонного состава с одиннадцатью гарнизонами стало

намного сложнее, особенно если учесть специфику службы в ГДР. Ни на один день подразделение не могло оставаться без офицера. Ни одна машина за пределы гарнизона без офицера не могла выйти. Гарнизоны же были не только ротные, где все-таки есть несколько офицеров: два — в Гере и Йоганнистале — были взводного состава с одним-единственным офицером.

Офицеры имели полуторамесячный отпуск. Мы собирали их в полку на учебу, проводили партийные и комсомольские собрания и активы — без отрыва их от подразделений не обойтись. Где выход? В практику вошла подмена убывших командиров и замполитов рот офицерами штаба и политотдела полка. Им же нередко приходилось возглавлять и караулы по сопровождению грузов, поскольку в самом батальоне людей для этого не хватало. Так что офицерам полка трудиться приходилось с большим напряжением, и делали они это достойно и добросовестно. Учитывая это, мы не злоупотребляли проверками, ревизиями, инспекциями, доверяя людям и зная, что никудышного командира или политработника гастрольями сверху не исправишь. Сам я регулярно выезжал в батальоны и отдельные роты на два дня с ночевкой. Успевал побывать на занятиях, на охраняемых объектах, побеседовать с личным составом, а в батальонах и лекцию для офицеров обязательно прочитать. Заходил на квартиры, смотрел, как живут холостяки в офицерских общежитиях, на месте решал многие текущие вопросы жизни, быта, службы, досуга подчиненных.

У нас сложился прекрасный коллектив. То же можно сказать и про командование части. Из старых — работали аж целых полгода! — оставались лишь командир И.Г. Шпак да я. Начальником штаба стал П.И. Смирнов, общим замом — А.Ф. Иванов, заместителем по тылу — А.М. Агарков, по технической части — И.П. Должиков. Мы работали

дружно, согласованно, слаженно. С политотделом командир и его замы считались, мнение его ценили высоко.

И даже после того, как осенью 1957 года судьба разбросала нас — а все получили хорошие должности, равные или с повышением — мы продолжали поддерживать дружеские отношения. Сейчас из моих коллег живут и здравствуют отставные полковники: Агарков — в Ростове-на-Дону, Должиков — в Киеве. Смирнов — в Москве.

1956-й год полк закончил с твердой хорошей оценкой, которую вывела комиссия из Берлина во главе с начальником войск генерал-лейтенантом С.М. Буньковым, проводившая в конце сентября — начале октября итоговую проверку.

Хотя в феврале 1957 года к нам вторично наведальсь из Москвы два генерал-лейтенанта — Н.А. Романов и А.С. Сироткин, чтобы решить с руководством "Висмута" вопросы окончательной передачи объектов для охраны немцам, мы никаким демобилизационным настроениям не поддавались. Наоборот, настраивали себя и подчиненных на длительную стабильную работу, не допуская ни поблажек, ни послаблений. Тогда еще не вводилось соревнование в войсках, но мы с командиром без громких обязательств и фанфар решили бороться за отличную оценку полку. Еще до приказа министра обороны в полку учредили Книгу почета и с помощью шефов из "Висмута" быстро изготовили ее. Приказом по полку был установлен полковой праздник — День годового итога, разработан порядок его проведения. Предусмотрели процедуру торжественного чествования и поощрения отличников службы, боевой и политической подготовки. Президент АО "Висмут" заявил о своей готовности выделить средства для поощрения. Все это было доведено до командиров подразделений и всего личного состава.

Словом, мы смотрели только вперед. Увы, годовому празднику не суждено было состояться. В июле я ездил в Москву в отпуск. Там шумел Всемирный фестиваль молодежи и студентов, а в Главном управлении, которому мы с марта непосредственно подчинялись, поскольку Управление войск в Берлине было упразднено, мне ничего определенного о судьбе полка не сказали. Но не успел я вернуться в часть, как последовало предупреждение быть готовыми к передаче объектов и выводу полка во Львов на расформирование.

Несколько слов о специфических особенностях службы в Германии, отличавших ее не только от службы моего коллеги где-нибудь в Краснодаре или Красноярске, но и от той, которую в Карл-Маркс-Штадте выполняли, скажем, в конце сороковых — начале пятидесятых годов.

Она пришлась на то время, когда оккупационный режим для побежденной страны остался позади, когда с образованием ГДР правительству которой принадлежала власть в стране, гражданская советская администрация была упразднена, когда в названии Группы войск слово "оккупационные" исчезло, когда пребывание войск и гражданского персонала из СССР было обусловлено международными соглашениями, и на первый план для нас вышло соблюдение суверенитета и законов ГДР и прав ее граждан. Между тем у части офицеров Группы, окончивших на немецкой земле войну, проявлялись рецидивы оккупационного поведения и воззрений. К офицерам полка этот грех не относился — они оказались здесь лет через 7—8 после Победы и оккупантами себя не ощущали. А вот с женами было труднее. Многим из них не хватало элементарной культуры поведения в обращении с местным населением, а кое-кому были присущи просто-таки дремучая серость и не-

вежество. Это, естественно, вызывало у немцев издевательские насмешки, питало враждебную западную пропаганду, било по авторитету Союза.

Потребовалось серьезно пересмотреть свое отношение к работе с семьями. Помогал нам в этом женсовет части, возглавляемый умной, образованной женой одного из офицеров политотдела. В свою очередь мы с помощью парторганизаций воздействовали на самих офицеров, требуя от них ответа за все происходящее в семьях. Хотя и не все нам удавалось, труды даром не пропадали.

Весьма и весьма простым было в условиях службы в ГДР положение солдат и сержантов срочной службы. Никаких увольнений за пределы военного городка. Никакого общения с местным населением даже на казенно-официальном уровне. Лишь позднее делаются робкие попытки наладить связи с коллективами предприятий, организовать вечера дружбы, недалекие экскурсии. Естественную потребность хоть ненадолго вырваться на волю 19—20-летний парень мог удовлетворить, лишь махнув через забор в самоволку. Самые отчаянные шли на это, отбывая потом срок на гауптвахте. Кстати, вокруг наших гарнизонов постоянно паслись табунки девиц легкого поведения, подавая в окна зазывные сигналы... Посредством невероятных ухищрений в казарму проникало и спиртное. Казалось бы, перекрыты все каналы: дотошно проверяются вещи каждого прибывшего из краткосрочного отпуска, машины без офицеров за КПП не выезжают, и пьянок вроде не зафиксировано, а вот весной под окнами казарм вытаскивают из-под снега бутылки.

Мы изо всех сил старались заполнить немногие часы солдатского досуга, в пределах возможного разнообразить его. Не было ограничений в кинообслуживании, поскольку именно при полку находи-

лась войсковая кинофильмобаза. В клубе части регулярно давались концерты художественной самодеятельности, выступали гости из Союза — артисты, композиторы, знаменитые люди...

IV

Моя работа в полку в 1956—1957 годах совпала с серией крупных, даже переломных политических событий в жизни страны, партии, социалистического содружества, в международной политике.

Это прежде всего состоявшийся в феврале 1956 года XX съезд КПСС, на котором публично громили культ личности Сталина. Это и связанные с ним венгерские события осенью 1956 года, и возникшие одновременно с ними волнения в Польше. Какие-то силы зашевелились тогда и в ГДР, но дальше антисоветских листов и антисоциалистических надписей на тротуарах и заборах не пошло. Зато встревожились за судьбу детей жены офицеров, требуя срочно выдать документы на выезд в Союз. Кое-кто, поддавшись панике, успел уже покинуть пределы ГДР.

Доклад Н.С.Хрущева на закрытом заседании XX съезда произвел на всех нас ошеломляющее, шоковое впечатление, явился громадным политическим и нравственным потрясением. Я чувствовал, что в нем много наносного, эмоционального и просто завирального. Но будучи в полку главным проводником линии партии, не мог даже с близкими людьми откровенно по-

делиться своими сомнениями и переживаниями.

Вопросы возникали и в офицерской среде. Кому верить? Как и почему все это могло случиться? Просто и безболезненно этот кризис воззрений и устоявшихся взглядов пройти не мог. Только болтуны, люди без царя в голове могли запросто, безразлично реагировать на случившееся или безоглядно

занимался его пропагандой. Всю работу провел без меня мой заместитель подполковник В.Н. Маков. Ибо я чувствовал, что этот пленум, как и вся возня в верхах начиная с 1953 года, являет собою пример грубой и откровенной борьбы за власть. Октябрьский пленум, где низвергли Жукова, был тоже не за горами...

**Командование 11-го стрелкового полка .
Слева направо: П.И.Смирнов., И.П.Должиков., И.Г.Шпак.,
И.Г.Беликов., А.Ф.Иванов., А.М.Агарков. Карл-Маркс-Штадт,
февраль 1957 года.**

аплодировать ему, снимая со стен привычные портреты. Офицеры же думающие приходили тогда в кабинет начальника политотдела и подолгу молча, с болью в глазах сидели, вздыхали и уходили. Молчание это было красноречивее всяких слов.

Июльский пленум ЦК КПСС 1957 года, после которого почти полностью обновилось партийное и государственное руководство и получил хождение идеологический штамп об антипартийной группе Маленкова, Молотова и других, проходил во время моего отпуска, и я был, признаюсь, доволен тем, что не

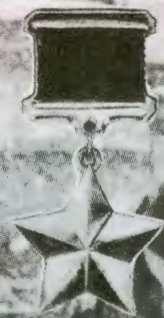
В 11-м полку я пробыл меньше двух лет, испытав боль и горечь в первые месяцы и настоящее удовлетворение от следующего года с лишним. Когда полк решили расформировать, Терещенко, ставший генералом, позвонил мне по ВЧ и спросил, нет ли у меня желания продолжить службу в единственном остающемся в Германии 105-м полку ВВ (вскоре его переподчинили пограничникам). Я долго думал. Начинать все заново в той же должности только по другому адресу seemed неинтересным.

Это все равно что нормально успевающему ученику остаться в классе на второй год и учить то же, что и годом раньше, только с другими одноклассниками. Второгодником я себя не считал и от предложения отказался. Меня поддержала и жена, которая, в отличие от многих других офицерских жен, за Германию не держалась.

Вернувшись в Москву из Львова после подписания ликвидационного акта, я ждал назначения на дивизию.

Юрий ДУРНЕВ,
полковник в отставке
Фото из архива автора

ДОШЕДШИЙ ДО БЕРЛИНА

Взволновало его это письмо с тесными строчками полудетского почерка из далекого села Ухтым, затерявшегося в вятских лесах и болотах.

“У нас был воскресник, все мальчишки и девочки вышли работать на улицу вашего имени,— в который уж раз останавливал взгляд на этих строках Александр Павлович Шубников.— Сначала топольки посадили вдоль дороги, потом цветы. А где живут фронтовики, таблички установили прямо на калитках... Мы ждем от вас письма, Александр Павлович...”

Шубников прошел в спальню, зажег лампу, машинально заглянул в шифоньер. Где-то он видел общую неначатую тетрадь? В секретере лежали документы, грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза, старые газеты, солдатский альбом с наклеенными уголками для фотокарточек и письмо сына.

Куда же запропастилась тетрадь? Из старых записей выпал пожелтевший снимок. Улыбчивые лица в пи-лотках на фоне пирамидальных тополей. Автоматы за спинами. На уголке фотографии полустертая надпись: “Туапсе, 1942”.

Бойцы его роты. Безусые, горячие ребята. И подкатило вдруг щемящее чувство грусти. Слово случайно он разминулся в пути с этими дорогими людьми, будто они по сей день продолжают свой полет, как те журавли, о которых поется в песне. А он, уставший и постаревший, отстал от их стройного клина.

Вообще-то в нем, человеке строгом и взыскательном к себе, это чувство грусти поднималось не часто. Он не любил сантиментов. И тогда на фронте, в памятном сорок втором году, когда погибли многие его однокашники, выпускники ускоренного курса Ачинского пехотного училища, он не давал душе расслабиться, и много позже, обу-

чая и воспитывая солдат мирного времени, не отступал от своего командирского кодекса: солдат должен быть крепким как камень и в учебном, и в настоящем бою и в горе вынослив, и никакой лирики.

Как знать, быть может, этот мудрый спартанский принцип и привел его к высотам храбрости и мужества, помог сохранить десятки жизней тех, кого водил в яростные атаки. Как командир, в бою он не имел права на растерянность и потому побеждал...

В старательном полудетском почерке, в безыскусном послании школьников, их заботе о фронтовиках было то трогательное начало, способное вдруг рождать редкую минуту, в которую человек, будто остановившись, говорит себе: “Ты, дружище, не зря прожил годы. Вон где твой след обнаружился!”

Пути людей как рельсы на узловой станции. Идут какой-то отрезок рядом, а потом разбегаются в нео-

Слово об авторе

С именем Юрия Викторовича Дурнева связаны, без преувеличения, годы расцвета нашего журнала. Тогда, в середине восьмидесятых—начале девяностых, казалось, что свежие перестроечные ветры способны повсеместно сметать рутину, изменяя в каждой области человеческой деятельности атмосферу к лучшему. И полковник Дурнев в когорте своих сверстников, а также более молодых журналистов трудился увлеченно, с юношеским задором. Практически каждый его материал претендовал быть отмеченным на “красной доске”, а главное—находил широкий читательский отклик. Его корреспонденции, статьи, очерки—острые, принципиальные, объективные—вызывали восхищение одних и ненависть других, как правило, людей озлобленных, ярых националистов, видевших лишь в черных тонах советский период истории нашей Родины, ее Вооруженных сил, внутренних войск. Достаточно вспомнить, какой общесоюзный резонанс имели очерки Юрия Викторовича о Прибалтике, о катынской трагедии и, наконец, “Правда о расстрелянном карауле”, с которым он выступил против измышлений некоего Мельника из “Комсомолки”. По сути, это был первый существенный отпор тому лживо-агрессивному накату на армию и войска, который развязали СМИ в конце горбачевского правления...

Тридцать с лишним лет отдал Юрий Викторович службе в войсках. Орденом Почета, многими медалями отмечен этот путь. Войсковая журналистика, литературное творчество стали смыслом жизни этого широко одаренного человека. Он и сегодня много и плодотворно работает, регулярно печатается, в том числе и в своем родном журнале. Даже и не верится, что нашему старшему товарищу в конце этого месяца исполняется 65. С юбилеем Вас, дорогой Юрий Викторович!

глядные дали. Почти сорок лет он, Шубников, не был в Ухтыме, а вот люди помнят его. Улицу назвали его именем. Получается, что и рельсы сходятся, как человеческие пути. Выходит, что он как бы вечно прописан в краю своего детства.

Александр Павлович взял стопку стандартных листов бумаги и вывел первую фразу ответного письма: “Мне было тогда семнадцать лет”.

...Тот первый военный сентябрь в Кирилловке выдался солнечным, тихим и печальным. Рожь уродилась буйная, с усатым крупным колосом и твердой, как проволока, соломой. Взглянешь на густую стену ржи, и оторопь берет: до заморозков не убрать. Двадцать шесть дворов в Кирилловке, а мужика ни одного не осталось. Все ушли по мобилизации.

— Фронт фронтом, а хлеб под снег класть не будем, — сказали бабы на собрании и выбрали бригадиром Сашу Шубникова.

— Мне в поле работать не привыкать, совсем могу не спать — выдюжу, а вот по части командования вами, бабоньки, увольте, — отпирился паренек с льняным густым чубом и светлыми серьезными глазами.

— Ты, Сашок, не перечь нам, — наступали женщины, — ноги у тебя скорые, опять же грамота солидная, а когда хлеба ухватим, отпишем твоему батюшке коллективное письмо: так, мол, и так, Павел Афанасьевич, сынок заменил вас с большим достоинством. Не сплеховал. Ешьте его хлебушек на здоровье да фашиста треклятого крепче бейте.

Так утвердился Саша Шубников бригадиром в колхозе “Победа” Топкинского района. Поле стало его домом. Ночевал у старенького комбайна, трясся на бочке с водой к полевой кухне, по-взрослому ругался с председателем, у ночного костра пил чай, пахнувший бензином. А были минуты, когда вдруг устало опустится на колючую стерню, вздохнет, положит худую руку на плечо соседке и скажет:

— Ух, баба Катя, зачакну я с вами. Вот справимся с уборочкой и подамся на фронт.

Перед самым отъездом Саши в военное училище получили Шубниковы солдатский треугольник от отца, Павла Афанасьевича. Среди скупых фронтовых новостей был в нем наказ сыну:

“А тебе, Сашок, вот еще что хочу сказать. Видно, и ты скоро будешь в армии. Даст Бог, встретимся... А если не выпадет такое счастье, то знай, что отец твой воевал как положено. Трусом не был, пулям не кланялся, врага ненавидел люто. И мое тебе слово родительское, Сашок: коли придется в бою туго, так духом не падай... Будем надеяться на то, что из этой войны выйдем живыми...”

Надежде старого солдата не суждено было сбыться. В тяжкие летние месяцы 1941 года, сдерживая превосходящие силы противника, полк, в котором воевал Шубников-старший, с тяжелыми боями отходил на восток, а в районе Брянска попал в окружение. Колонна фашистской пехоты, поддерживаемая танками, рассеяла наши подразделения. Небольшой группе бойцов удалось занять выгодный рубеж для отхода, но вскоре и там появились немецкие мотоциклисты.

В скоротечной схватке был убит командир группы. Его заменил Павел Афанасьевич Шубников. Трижды поднимал отважный сибиряк в контратаку своих товарищей, и когда до спасительного леса остался какой-то десяток метров, вражеская пуля сразила его...

Документальные ленты о четырехлетней схватке с фашизмом, которые так часто появлялись на экране телевизора в преддверии 50-летия Победы, Александр Павлович смотрел в общем-то спокойно, по крайней мере, настраивал себя на киношно-созерцательный лад. Немецкая хроника, вмонтированная в фильмы, поначалу тоже ничем не удивляла. Все было видано-перевидано своими глазами: исковерканная танковыми траками земля, раздавленные полуторки, опрокинутые колесами вверх "максимы", трехлинейки в окостенелых руках красноармейцев, рев крестатых "мессеров" над безоружными вереницами беженцев... Было такое. Оглушил его другой кадр, отснятый фашистским оператором. Шквальная перестрелка, всплески тел, падающих в траву, и среди них до боли знакомая фигура с занесенной из-за плеча гранатой. "Отец!" — глухо вскрикнул Александр Павлович, и на секунду его волевой подбородок потерял очертание былой твердости. Быть может, это был и не батя, быть может, это тревожная память надеется на встречу?! Как знать?

— Замедлить бы кадр, как сейчас повторяют голевые моменты в хоккее, тогда бы наверняка опознал, — невесело усмехается Шубников и сразу плотнее сжимает губы...

В войну мальчишки выросли рано. В 1942 году у девятнадцатилетнего Александра Шубникова за плечами было военное училище. В новеньком обмундировании, перепоясанный скрипучими ремнями, он принимал под командование роту автоматчиков. Путь ее — на Кавказ, где Гитлер авансом уже разда-

рил поместья своим генералам, где самоуверенные, откормленные егеря с здельвейсом в петлице устанавливали штандарты на горных вершинах.

На Туапсинском направлении (здесь действовала рота Шубникова) соотношение было заметно в пользу противника: по пехоте — в два раза, по артиллерии — в три. Танков немцы имели 150, а у нас ни одного. Фашисты располагали 350 самолетами, на наших аэродромах базировалось лишь 70. Этого злоежеского "баланса" в то время молодой комроты, естественно, не знал. Цифры эти вычитал недавно в военных трудах и мемуарах. Тогда же он видел, и то на карте, одну-единственную безымянную высоту, про которую комбат сказал: "Этот орешек, лейтенант, крепкий, но его надо раскусить. Штурмовать его будешь ты со своими людьми".

Шубников повел роту в осенний ненастный день. Горно-лесистый квадрат, сквозь который должны пробиться автоматчики коротким путем, на каждом десятке метров одаривал сюрпризами: тут были и заминированные лесные завалы, и лобастые каменные монолиты, и разбухшие от дождя "воротники" ущелий со скользким ядовито-зеленым покровом. Один неосторожный шаг, и расщелина похоронит заживо.

Шубников из прочитанных в штабе ориентировок знал о некоторых приемах наступательной тактики фашистов на Туапсинском направлении. Атакующие действия противник вел малыми группами: усиленным взводом, ротой и преимущественно вдоль горных речек, рокадных дорог с целью овладеть жизненно важными высотами. Вне дорог действовали лишь мелкие группы автоматчиков. Потому и вел ротный своих бойцов по этим рискованному, но зато менее опасному для нападения тропкам.

К исходному для атаки рубежу подошли лишь к рассвету. Первый

бросок автоматчиков к изножию высоты застал гитлеровцев врасплох. Они понесли потери. Но как и предполагал Шубников, здесь была отработана круговая оборона. Тотчас ожил западный склон. Рассредоточившись в цепь, бойцы залегли. Молодой комроты мучительно обдумывал ситуацию. "Надо выявить все огневые точки противника, затем скоординировать действия по их уничтожению. Группу резерва поднимать рано", — пульсировали мысли и сразу же облеклись в форму боевого решения.

— Свяznego ко мне! — передал по цепи команду Шубников.

Вскоре первый взвод пошел в атаку, выполняя замысел командира. Тем временем группа самого комроты прощупывала перемещающимся огнем западный склон. Бойцы использовали как укрытие морену. Беспорядочное, дикое нагромождение камней оказалось весьма кстати. Шубников, прислонясь к шершавому холодному валуну, оценивал обстановку. Вот там, у прилегающего чернолесья, должна быть тропа. К ней можно переместить резерв и отрезать гитлеровцам путь к отступлению...

Внезапно оборвавшаяся круговерть огня вдруг донесла осеннюю тишину гор. Шубников и не заметил, как лиловым ступком выкатилось солнце над гребнем дальних вершин. Зато он выхватил цепким взглядом фигуру с ручным пулеметом на осыпи склона. Фашист метнулся к выемке, залег, и вслед за цоканьем мелкого гольша засвистели свинцовые струи.

"Этого гада нужно снять", — зло подумал лейтенант и стал выдвигаться к гряде валунов.

Жилистый и поджарый, Шубников отличался в училище на боевом гранатометании. За сорокаметровую отметку легко посылал снаряд. Вот и на этот раз он решил сам уничтожить огневую точку. Рывок, взмах рукой, и граната накрывает пулеметную ячейку.

Александр вначале не понял, что означал легкий толчок в грудь. Он хотел позвать кого-либо из своих. Обернулся, чтобы крикнуть, но дыхание перехватило; запрыгали перед глазами очертания валунов, разбросанных по морене. Очнулся, когда его перевязывал санинструктор.

Превозмогая боль в груди, Шубников руководил боем. Когда в действие была введена группа резерва, судьба высоты решилась окончательно. Было пленено три десятка гитлеровцев.

Вручая Шубникову за этот первый бой орден Красной Звезды, командир дивизии сказал:

— Надеюсь, что вас, лейтенант, ждут новые ордена!

...Александр Павлович отодвинул исписанные листки. Подойдя к окну, открыл форточку. От реки пахло весенней свежестью. Ноздреватые сугробы за тротуаром почернели и осели. Через месячишко проглянут клейкие листочки на деревьях и засветится улица малахитовым заревом. Так уж случилось, что в свои двадцать лет Шубников не замечал красок и прелестей весны. Их как бы начисто стирали дела и заботы войны. Весна в Восточной Пруссии обогрета кровью товарищей, расцвечена черными султанами взрывов снарядов и бомб. Да и звезд очаровательного весеннего неба он не наблюдал. Видел лишь всполохи пожарищ, бешенство предрассветной артподготовки и гигантские трапеции лучей от мощных прожекторов на полусфере неба.

Порой по ночам ему кажется, что он по-прежнему воюет...

Красные следопыты Ухтыма просят Александра Павловича написать об истории его боевых наград. Что ж, такое не забывается. Ордена и медали как вехи его командирского роста, боевого опыта. За штурм Альтгрюнвальде получил орден Отечественной войны I степени, а вслед за ним медаль "За взя-

тие Кенигсберга". И все-таки Восточная Пруссия помнится не столько наградами, сколько ожесточенными схватками, трагизмом боевых ситуаций, взаимовыручкой своих побратимов. Теперь он писал о людях, о тех, кто шел сквозь смерч огня и металла в атакующих шеренгах висок к виску с ним, молодым командиром, кто, презрев смерть, спасал товарища от пули, от нацеленного в грудь фашистского штыка. Это они, творцы победы, принесли славу героя своему командиру. Разведчик Матвеев, связной Макаренко — ребята львиной отваги. Им он не раз обязан жизнью.

На спиральных улочках прусского городка, за выступами мрачных серых зданий трудно было выбирать позиции. Немцы как снег на голову сваливались на наши пулеметные расчеты, подстерегали автоматчиков на лестничных клетках. Как-то, ворвавшись в подъезд, Шубников пистолетом указал места блокирования лестницы. И тут вдруг его оглушили прикладом. Перед ним стояли трое верзил с обнаженными штык-ножами. "Ну вот, отвоевался", — пронеслось в голове. В следующую секунду прогремели три коротких очереди. Шубников обернулся.

— Это я, Макаренко. Вас не дели, товарищ капитан?

— Не успели, — ответил Шубников и благодарно посмотрел на бойца.

— Куликкемен, Куликкемен. Проклятое местечко. Название запомнилось потому, что вроде бы с нашей птицей куликом в родстве оказалось, — вспоминает Александр Павлович. — Это была добротная, по-немецки ухоженная усадьба вблизи автостреды, связывающей два города. Ею мы овладели с ходу. Правда, батальон к тому времени был порядком потрепан. По списку — 126 штыков. Одним словом — рота. Теперь представьте себе поляну, а посередине полутора-

этажное здание — этакую маленькую крепость. Тут же в ряд шесть сараев. Обещанное подкрепление не подошло. Приходилось рассчитывать на свои силы. Ночь. Немец прет напролом. Огонь бешеный. Три сарая сразу оказались у него в руках. Ребята идут врукопашную. И подчас нельзя разобраться, где свои, а где чужие. Приказываю поджечь солому в сараях. Вспыхнувшее пламя раздвинуло темень, и только тогда я оценил обстановку, понял, что немцы сжимают нас в кольцо. Все мы сосредоточились в каменном здании. Приказал экономить патроны. Но возможно ли такое? Рядом разорвались снаряды. Значит, гады орудия выкатили на прямую наводку. Обвел взглядом лица ребят, и на каждом будто написано: "Ты командир — решай. Мы с тобой до последнего стоять будем". Гляжу на свой пистолет, и злость во мне закипает. Нет, думаю, рановато ты меня, фашист вонючий, на тот свет спроваживаешь. Мне еще мамку увидеть надо, берез наших сибирских весеннего соку попить. Кричу радисту: "Связывайся с командиром, вызывай огонь на себя! Была не была".

Шубников посмотрел на меня помолодевшими глазами, улыбнулся, будто та изначальная радость заговорила в нем, как тогда в Куликкемене, после убийственной перестрелки, и сказал:

— Вы подумаете, такого не бывало, чтобы после шквала "катюш", когда всех фашистов как языком слизнуло, мы целехонькие остались! Может, с другими и не бывало, а с нами случилось.

Со своими орлами Шубников дошел до Берлина. После обильного апрельского дождя батальону предстояло форсирование Тельтовканала. Берега у него отвесные, наподобие днепровских круч, ширина небольшая — 50 метров, зато глубина — три с лишним. Все мосты взорваны. Вода черная, зловещая, чужая. Вдали — в полнеба горящее зарево.

над Берлином. На подручных средствах батальон переправился через канал и ворвался в дом, кишевший гитлеровцами. С подоспевшим подкреплением сломили сопротивление засевшего гарнизона. Было взято в плен 2800 вражеских солдат, офицеров, а также несколько генералов.

30 апреля 1945 года капитан Шубников выдвинул батальон на берлинскую улицу Фюрнкенбек.

В предсмертной агонии гитлеровцы озверели. Улица, превращенная в опорный пункт, оцетинилась всеми видами оружия. Из окон зданий кинжальным огнем били пулеметы, с воем летели фаустпатроны, металась кучка обезумевших эсэсовцев, поддерживаемые бронетранспортерами и самоходками.

Обойдя двумя ротами вражеский укрепленный район, Шубников повел солдат в атаку. В одной из рукопашных схваток он истребил восемь фашистских офицеров и ручными гранатами забросал станковый пулемет. В этом уличном бою батальон уничтожил 170 гитлеровцев, около 500 было захвачено в плен. Богатыми оказались трофеи: 200 автомашин, 80 мотоциклов, свыше 200 автоматов и винтовок, 35 пулеметов, три 75-миллиметровых орудия.

За отвагу и мужество, проявленные в боях на улицах Берлина, капитану Шубникову 28 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

...Мы сидим с Александром Павловичем в его квартире. Через открытую форточку врывается в комнаты детский гомон. Шубников прислушивается к нему и, переложив запечатанное письмо с одного конца стола на другой, говорит:

— Внучка у меня чудесная. Ларисой зовут. К сожалению, не часто вижу ее. Кочует с сыном по гарнизонам.

Сын Александра Павловича в тот момент служил в Ростове-на-

Дону, в той же части, где долгие послевоенные годы служил отец и откуда уволился в запас. И вот что интересно: имел Шубников в Ростове прекрасную квартиру, почет, уважение и вдруг переехал в Сибирь.

— Чем же вам не понравились теплые края? — поинтересовался я.

Он, прищурясь, посмотрел на меня, встал из-за стола, прошелся по комнате и, подойдя к окну, тихо напел: "Здесь мой причал и здесь мои друзья, все, без чего на свете жить нельзя..." Обернувшись, сказал:

— Знаете, наверное, эту песню. Людмила Зыкина ее поет. Хорошая песня, живет в ней русская душа. — Немного помолчав, Шубников продолжил: — Считаю, что и у каждого человека должен быть свой родной причал, своя милая сердцу гавань. Отсюда я уходил мальчишкой на фронт, здесь могила моей мамы. Да и ничего не знаю лучше сибирских березок, наших ядерных морозов. Одним словом — это маленькая родина.

Письма

Кто издает такие законы?

Я прослужила во внутренних войсках с 1969 по 1993 год — более 24 лет. И дальше продолжала работать в той же части уже как вольнонаемная. Трудовой стаж до службы был более семнадцати лет. Теперь с сорокапятилетним трудовым стажем получаю пенсию от МВД. Многие мои бывшие сослуживцы получают компенсацию за санаторно-курортное лечение и оздоровительный отдых, а мне в этом отказано.

В ответе из пенсионного отдела УВД Екатеринбурга говорится, что в соответствии с Федеральным законом "О статусе военнослужащих" я, как уволенная в звании старшего сержанта, права на такую компенсацию не имею, поскольку не была прапорщиком или офицером.

Но это же абсурд! Ведь служили мы вместе и также теряли здоровье! Почему такая несправедливость? Кто издает такие законы?

Александра МОРОЗОВА

г. Ивдель
Свердловской области

Вручили и ... забыли?

Уважаемая редакция!

13 ноября 1999 года в нашу часть в городе Сосновый Бор под Санкт-Петербургом приезжал главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Вячеслав Овчинников. Помимо других дел награждал и отличившихся воинов. Досталась награда и мне — знак "За отличие в службе" 1 степени. Вручил его лично главком. Все поаплодировали. Потом проверяющие уехали, а про то, чтобы составить соответствующий приказ, все как-то забыли.

Прошло полтора года. Я уже уволился в запас по организационным мероприятиям. А из Главного командования на мой запрос пришел ответ, что в приказах главнокомандующего за 1999 год сведений о моем награждении нет.

Так вот теперь и не знаю, имею ли я право носить врученную мне награду? Все, что у меня осталось, — это сам знак и фотографии с вручения.

**Прапорщик запаса
Петр ЦАПЛИЙ**

г. Сосновый Бор

Погиб, спасая командира

22 июня в районе населенного пункта Алхан-Кала была проведена спецоперация по захвату участников незаконных вооруженных формирований. Спецназовцам удалось проникнуть в дом одного из лидеров боевиков, но там они встретили сильное сопротивление. Боевики открыли по спецназовцам огонь. В ходе боя в паре с командиром группы спецназа действовал рядовой Евгений Золотухин. Он первым увидел автомат боевика, направленный на командира, и встал на пути смертоносного металла. Евгений получил огнестрельное ранение и скончался на месте, жизнь командира была спасена. Операция по захвату и уничтожению боевиков прошла успешно, банда была разгромлена, несколько человек взяты в плен.

За мужество и отвагу, самоотверженные действия в бою рядовой Золотухин Евгений Валерьевич представлен к званию Героя России (посмертно).

Тимур СЫРТЛАНОВ,
курсант Военного университета МО РФ,
стажер редакции журнала "На боевом посту"

Лицею — имя Героя

Идея присвоить лицею № 78 в городе Лесном Свердловской области имя Героя России Олега Терешкина появилась еще в апреле прошлого года. Он был одним из двадцати воевавших в Чечне лицейстов, и именно Олегу, служившему в отряде специального назначения "Росич" и погибшему в 1995 году, было присвоено звание Героя Российской Федерации. Здесь, в Лесном, говорят, что устали жить без понятных любому общечеловеческих ценностей. Местные учителя считают, что, не воспитав в человеке уважения к жизни и подвигу другого человека, невозможно научить его уважать свою страну. О жизни и подвиге Олега Терешкина знает каждый лицейст. Первокурсникам об этом рассказывают на уроках истории. В лицейском музее Олегу посвящена отдельная экспозиция. В последнее время учителя отмечают, что все больше и больше лицейстов просятся добровольцами в Чечню.

Полковник Василий ПАНЧЕНКОВ,
начальник пресс-бюро внутренних войск

Кубань помнит своих героев

Недavno в Краснодаре была издана Книга памяти, которая посвящена военнослужащим-кубанцам, погибшим в Дагестане и Чечне в 1999 - 2000 годах.

Каждая строка этой документальной повести под названием "Помним о вас..." — страшная боль по воинам-землякам, сложившим свои головы на второй чеченской войне, это рассказ о безутешном горе матерей и отцов, потерявших своих сыновей.

По словам издателей и редакторского коллектива, они боялись потревожить раны родных напоминанием о трагедии. И только одно подвигло их к изданию — желание сохранить память о павших. Вы услышите голоса погибших, читая их письма из армии. Тоска мальчишек по дому, любовь к близким — все это в трагических строках Книги памяти. А строки эти — о подвиге каждого. Именно каждого, вне зависимости от того, написано о нем в книге много или только упомянуто имя. Все герои. Потому что погибли в бою. Потому что знать, что можешь сгинуть, и все равно пойти в бой — это не для слабых духом. Готовность отдать жизнь — вот высшая степень героизма. Они через это прошли, хотя мечтали совсем о другом...

Открывается книга очерком "Вам за меня краснеть не придется..." о Герое России старшем лейтенанте Сергее Богданченко. Сергей погиб в боях за высоту 715,3 в ходе проведения специальной операции в Дагестане. Приняв огонь основных сил боевиков на себя, он спас жизнь многим своим подчиненным. Очерк "Не расскажешь никакими словами" — о Герое России старшем лейтенанте Александре Ковалеве, который погиб в ходе той же спецоперации за высоту 715,3.

Не забыты подвиги и других военнослужащих внутренних войск — Героев России лейтенанта Алексея Палатиды, младшего сержанта Олега Проценко и многих других.

Павшие достойны самых высоких слов. Но авторы намеренно избегали патетики и ничего не приукрашивали. Все слова меркнут и перед подвигом, и перед памятью. "Очень хотим, чтобы каждая страница нашей книги стала поводом для раздумий, для негромкого слова, для тихой молитвы", — обращаются авторы к читателям.

Книги памяти военнослужащих, погибших при проведении боевых действий на территории Чеченской республики, уже вышли во многих регионах России. В настоящее время и в нашей редакции продолжается работа по сбору материалов о военнослужащих внутренних войск, погибших при исполнении воинского долга. Хочется верить, что первый том Книги памяти внутренних войск увидит свет уже в этом году.

Мы уже ничего не сможем сделать, чтобы погибшие вернулись к нам. Остается одно — помнить. Недаром говорят, что человек живет, пока о нем помнят.

Старший сержант Хаким ИБРАГИМОВ,
курсант Военного университета МО РФ,
стажер редакции журнала "На боевом посту"

Герой Российской Федерации прапорщик Олег ТЕРЕШКИН

18 апреля 1995 года бойцы и командиры отряда спецназа “Росич” совершили групповой подвиг. Отряд продержался на высоте ценою жизни десяти своих парней, четверо из которых посмертно стали Героями России. Они ввязались в бой с превосходящими силами противника и победили. Время измерялось тогда мгновениями, секундами... Пространство – метрами и сантиметрами... Жизнь – глотками воздуха...

Трижды прокричав в эфир “Отходить!”, командир отряда понял, что команда эта уже не будет выполнена. Его первая группа, смяв засаду противника, потеряла лучших командиров и бойцов. Они, верные законам спецназовского братства, не могли оставить товарищей, живых, раненых или убитых, на поле боя. Они были приучены за годы кавказских походов: “Из боя выходят или все, или никто”.

Прапорщик Олег Терешкин, будучи тяжело раненным, видя, что бандиты имеют значительный численный перевес, чувствуя, что его оставляют силы, встал в полный рост и шел с автоматом на врага, стреляя прицельно, взяв в уплату за свою молодую жизнь несколько вражьих...

Указом Президента РФ от 20 июля 1996 года прапорщику Терешкину Олегу Викторовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Приказом министра внутренних дел России он навечно зачислен в списки отряда специального назначения “Росич”.

Герой Российской Федерации

старший лейтенант Михаил НЕМЫТКИН

В начале апреля 95-го в Бамут вошла бригада оперативного назначения. С виду казавшееся разрушенным и пустынным село, расположенное среди гор вдоль поймы реки Фортанги, оказалось “мышеловкой”. По бригаде долбили снайперы, пулеметы, на фугасе подорвался танк из головной походной заставы. В этот драматический момент отряду спецназа “Росич” поступила команда взять высоту “Лысая”.

Старший лейтенант Михаил Немыткин знал, что на Лысой горе сидят их чеченские “коллеги” — дудаевские спецназовцы из отряда “Борзс”. 14 апреля разведка софринской бригады нарвалась там на духовскую засаду, при отходе вынуждена была оставить на поле боя тела двух убитых товарищей. Их надо было во что бы то ни стало вынести. А дальше подняться на Лысую, закрепиться на этой господствующей высоте, обеспечив поддержку основным силам, которые прочно берут Бамут.

У подножия Лысой горы старший лейтенант Немыткин был немногословен, конкретен. По его приказу спецназовцы пошли вверх. Тела двух убитых софринцев обнаружили быстро. Одна группа с десятком софринцев обеспечивала спуск двух погибших ребят, старший лейтенант Немыткин со второй группой стал подниматься выше...

Наши парни грамотно рассредоточились, “духи” не всех заметили, они просто не ожидали, что солдаты так быстро взойдут на гору, что внаглую приблизятся к самым окопам. Завязался бой. В этом бою “росичи” работали матеро — расчетливо и жестко. Но вражеская пуля сумела-таки найти командира...

Кавалеру ордена Мужества и медали “За отвагу” старшему лейтенанту Немыткину Михаилу Юрьевичу Указом Президента РФ от 1 октября 1996 года присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Приказом министра внутренних дел он навечно зачислен в списки личного состава части.

Герой Российской Федерации майор Никита КУЛЬКОВ

В то утро 9 января 2000 года группе под командованием майора Никиты Кулькова предстояло выполнить обычную для спецов задачу — встретить и сопроводить тыловую колонну. В 9.25 поступила информация о стрельбе в районе железнодорожного вокзала города Аргуна и о том, что “Урал” разведроты находится на блокпосту у ОМОНа. Необходимо было оказать помощь разведчикам и эвакуировать машину. В 10.00 стало известно об обстреле колонны, которую должны были встретить подчиненные Кулькова.

Когда к мосту примчался комендант Аргуна, Никите сразу все стало ясно — предстоит жестокая схватка с противником. Комендант просил о помощи: “Нас убивают! Нам скоро конец!”. Шестнадцать человек на трех БМП ринулись в неравный бой и спасли сотни человек, уведя за собой своры волков-ваххабитов и прочей нечисти, хозяйничавшей тогда в Аргуне.

Схватка была кровавой. Майор Никита Кульков руководил своими парнями, будучи раненным, не теряя самообладания. Решения в ходе боя принимал грамотно, по-командирски. Вдохновлял офицеров и солдат по-комиссарски — личным примером. И погиб как Герой, спасая от смерти других...

Указом Президента РФ от 24 июня 2000 года майору Кулькову Никите Геннадьевичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Герой Российской Федерации капитан Сергей БАВЫКИН

В тяжелых кровопролитных боях за Грозный мужали бойцы, набирались опыта командиры. В критических ситуациях капитан Сергей Бавыкин всегда умел находить правильные решения. Так было и в тот день, в последних числах декабря 99-го. Слякоть, сумерки, шквал огня. Казалось, что уже ничто не сможет спасти попавших в окружение бойцов. Просчитав все до мелочей, капитан Бавыкин с горсткой бойцов сумел пробраться к окруженным и вывести их оттуда живыми. За эту дерзкую операцию он был награжден орденом Мужества.

Погиб Сергей 10 марта 2000 года в Комсомольском. Скупые строки наградного листа свидетельствуют: "Капитан Бавыкин в составе разведывательной группы выполнял задачу по выявлению опорных пунктов боевиков и корректировке огня подразделений артиллерийско-зенитного дивизиона. Однако исламисты обнаружили позиции подразделения. Группа боевиков, поддерживаемая огнем из минометов, гранатометов, снайперами, предприняла попытку выбить разведчиков с занимаемых ими позиций. Подразделение, в состав которого входил капитан Бавыкин, оказалось отрезанным от основных сил. Завязался тяжелый бой, который длился около 4 часов. Подобравшись вплотную к нашим позициям, боевики начали забрасывать их гранатами. Одна из гранат попала в развалины дома, где оборонялись капитан Бавыкин и несколько военнослужащих. Решение было принято мгновенно: офицер бросился на гранату и накрыл ее телом, предотвратив тем самым гибель своих подчиненных, которые находились рядом с ним..."

Указом Президента РФ от 9 сентября 2000 года капитану Бавыкину Сергею Петровичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Чего скрывать, сегодня сплошь и рядом офицеры и прапорщики, сержанты и солдаты контрактной службы ищут дополнительный заработок.

Подработка — это звучит как пароль, понятный всем от седого полковника до молодого прапора. В кулуарах штабов и ротных канцеляриях, в боксах автопарков, на стрельбище и за кружкой пива в ближайшей забегаловке она остается постоянной темой разговоров.

О причинах, породивших необходимость подработать, долго говорить не стоит. Денежное довольствие военнослужащих заметно отстает от цен на товары и услуги даже первой необходимости.

В результате большинство офицеров видит в ней единственный выход из сложной ситуации: нечем платить за снимаемую квартиру, за учебу детей, наконец, хочется просто пожить по-человечески.

Самая популярная подработка у военного люда — охрана, для владельца автомобиля — частный извоз, или "бомбежка". Где-то, может быть, более популярны грузчики с высшим военным образованием и зачастую с немалым боевым опытом.

Все зависит от рынка, а он возможность подработать почти всегда предоставляет.

Вот несколько обычных историй.

Командир взвода разведки одной из частей Сергей Б. (холостяк, кстати) служил с охотой и

азартом, постигая нелегкое ремесло разведчика. Ставил перед собой цели и добивался их. Одной стала командировка в Чечню, где ему был вручен краповый берет. В командировке проявил себя с наилучшей стороны — осторожный и осмотрительный, смелый и решительный, к нему тянулись солдаты, им гордилось командование... По возвращении познакомился с крутыми, теми, кого

релят, останусь, скажем, без руки — меня же выкинут из "дела" и не спросят, где я ее потерял.

Недолго после этого прослужил в отряде старший лейтенант Б. О его славном боевом прошлом теперь напоминает только слегка пожелтевшая фотография в комнате боевой славы части.

Случай другой и чем-то похожий. Офицер редкой, можно сказать, дефицитной специальности — сапер.

Один на воюющую часть. Став однажды "бизнесменом", он успешно обходил все

спецкомандировки в стреляющий район, как опытный слаломист флажки на трассе. Бизнес-то без него может развалиться. А братушки-ребятушки как-нибудь обойдутся. Обходятся — пять человек потеряли в последней командировке его сослуживцы.

Пример номер три. Ночь. Подмосковная часть ВВ МВД РФ. К воротам КПП подъезжает иномарка. К дежурному направляется уроженец южных республик: "Слушай, дарагой, фуру надо быстро на рынке разгрузить. Раз-два! Плачу наличными. Позови мне: Васю, Петю, Лешу — они у меня уже работали". Вася, Петя, Леша — это молодые прапорщики, холостяки, которые буквально на днях вернулись из Чечни. А сегодня они, дружно сев в тачку, уехали разгружать фуру забуревшему торгашу. Даже не удосужились снять форму с шевронами внутренних войск, погоны. Некогда! Дело стоит!

Еще один пример, может, не типичный, но взятый из жизни одной из частей реутовского гар-

Почем грузчик с высшим военным?

еще называют братвой. У Сергея появились деньги. Немалые... Все! Интерес к службе у некогда фаната разведки пропал. В очередную командировку он уже ехал с неохотой. Прятал глаза от прямых вопросов командира: "Готов к выполнению задачи?"

"Понимаешь, — объяснял он мне потом, — а если меня подст-

низона. Из запаса призван офицер (необходимо "добить" до пенсии несколько лет). Командование ставит майора Вячеслава П. на соответствующую должность. У майора, кстати, на гражданке осталось дело — оформленный на супругу магазинчик. В начальниках у него капитан Дмитрий Ш., как водится, женатый и обремененный семейными заботами. Товарищ майор решил облагодетельствовать своего начальника — устраивает его в свою лавку ночным сторожем. Капитан без меры благодарен. "Отец родной"! Ну как тут не всплакнуть, до чего душещипательный сюжет в пасторальных тонах. С 09.00 начальник, а с 18.00 — подчиненный. "Чего изволите-с?" О вопросах дальнейших служебных взаимоотношений между этими офицерами можно догадываться. Если коллектив, в котором это происходит, — армия, то что же такое рынок?

Капитан Игорь Т. женат, двое малолетних детей, жена не работает, дети часто болеют. Подрабатывает по ночам в охране автостоянки (у своего бывшего командира, кстати). Крутится, как может. Тяжело, но Игорек бодрится: "Ничего, это я здесь: "подай—принеси", зато в роте я — хозяин". Спрашивает: "Не потерял еще нюх на службу?" — "Ничего, провемся".

Примеров, пожалуй, хватит. Не пора ли задать вопрос: что происходит? Знают ли об этой ситуации те, кому положено по долгу службы? Если знают, почему молчат? Да, есть соответствующая статья в законе "О статусе военнослужащих", запрещающая получение доходов со стороны. Но кого она пугала? Как работает? И у кого поднимется рука наказать подрабатывающего бесквартирного офицера?

А может, и нет в этом особого горя? Ну трудится человек на сто-

роне, так ведь и в штате воинской части остается, исполняя художественно свои обязанности, дежурит, воспитывает личный состав.

Вроде все в выигрыше: офицер сводит концы с концами, продолжает служить, закрывая, соответственно, дыру в штате части. У начальства меньше голова болит — должность занята! Некоторые командиры еще и имеют с таких орлов определенный доход, если дело хорошо поставлено. Рынок, понимаешь!

Однако если вдуматься и разобратся в сути этой проблемы, то по своему размаху и охвату она может нести в себе серьезную угрозу самой организации всей существующей системы служебно-боевой деятельности войск.

И первая жертва подработки — интересы службы.

Нельзя служить двум господам — Богу и Маммоне (Отечеству и дяде Васе и компании). И всегда ли именно крайняя нужда толкает офицера на дополнительные заработки, не вошло ли это уже в привычку — любыми путями урвать и загрести побольше, подобно снегоуборочной машине, прозванной в народе "золотые руки", загребающей в кучу все подряд: и простодушный когда-то белый снег, и мусор, и испражнения большого города, сделавшие этот снег грязно-серым.

Да и может ли себя чувствовать защитником Отечества, начальником для подчиненных офицер, который, ночь отстояв в карауле по охране складских помещений в засаленном с чужого плеча бушлате с нашивкой на спине "охрана", с утра добросовестно встает в строй со вчерашней щетиной, темными кругами под глазами и печатью уныния на лице.

Кто оценит и подсчитает в процентах, баллах или калориях потери нашей армии от мучительного для офицера разделения

своего "я" на военного профессионала и наемного работника с почасовой оплатой; на "товарища майора" и "эй, майора"?

Ведь невозможно, перевоплощаясь по нескольку раз в сутки, меняя личину, оставаться тем офицером, о котором говорил А.В. Суворов: "...Офицер должен быть деятелен без легкомыслия; подчинен без унижения; благороден без горделивости; непринужден без лукавства; тверд без упрямства; скромнен без притворства; основателен без педантизма; пронизателен без пронырства; уступчив без корыстолюбия".

Или старик Суворов устарел в своей ортодоксальности. А может, мы слишком спешим жить по-новому, с легкостью забывая старые традиции и нормы и принимая все новые правила игры, навязанные нам, мягко говоря, не нашими союзниками.

Так где все же граница между необходимостью и вечной нехваткой денег, желанием любыми путями добыть их, наперед зная, что их никогда не хватает?

Может, тем, кому положено по долгу службы, куда честнее признать проблему, и если государство не в состоянии обеспечить офицеру достойную жизнь, то разрешить официально, подобно стрельцам Ивана III, заниматься ведением хозяйства (бизнесом). Подобный опыт есть в некоторых армиях Востока, где официально до 18 часов "Служу Отечеству", а после — "Магазин на диване".

Только надо побыстрее определиться господам законодателям, творцам концепций и докторин. Пока не сломался и верит, что, придя в роту после очередной бессонной ночи, будет в ней хозяином, капитан Игорь Т.

Майор Роман ИЛЮЩЕНКО

Бывает такое состояние, когда радуется все вокруг, любая мелочь поднимает настроение. Как говорится, душа поет. 4 мая 2001 года было именно так: отменная погода, свежая, изумрудная зелень молодой листвы, бездонная синева весеннего неба, просветленные лица солдат, офицеров, приглашенных на торжества гостей.

Причина тому была весомая: в одной из воинских частей Кировского соединения Приволжского округа внутренних войск МВД в этот день открывали воинский храм. Согласитесь, событие неординарное и весьма значительное.

что сама жизнь подталкивала к тому: в середине 90-х запылял Северный Кавказ.

В первую же боевую командировку, выпавшую на долю кировчан в марте 1995 года, их провожали православные священники. Протоиерей Александр тогда не просто отслужил напутственный молебен, но и лично сопровождал военнослужащих до Моздока, прямо в воздухе, в чреве военно-транспортного самолета произвел обряд крещения оружия и дал духовное напутствие "на ратный подвиг идущим".

Дальше — больше. В марте девяносто девятого между Кировским соединением Приволж-

ЛИКУЙ НЫНЕ И ВЕСЕЛИСЯ СЕГОДНЯ...

В соединении, которым командует генерал-майор Александр Николаевич Кобзев, к возрождению духовных традиций, восстановлению и упрочению связей российской воинства с Русской православной церковью относятся трепетно и одновременно весьма серьезно, понимая всю важность и необходимость столь великого дела.

Уже с начала девяностых годов встречи представителей духовенства Вятской епархии с солдатами и офицерами соединения стали носить регулярный характер. Участие священнослужителей в воинских праздниках и торжествах, молитвы и проведение таинства крещения в военных городках, освящение ору-

жия, боевой техники и знамен, беседы о долге и моральном облике защитников Отечества — все это не могло не сказаться благотворным образом на психологическом состоянии воинов, способствовало их патриотическому воспитанию, более ревностному и осознанному отношению к службе.

А потому, как любое благое начинание, это требовало продолжения и развития. Тем более

ского округа внутренних войск и Вятским епархиальным управлением Русской православной церкви было подписано соглашение о сотрудничестве в духовно-нравственных и культурных областях. И сразу же предприняты

конкретные шаги по его реализации.

Недалеко от воинской части, вдосталь хлебнувшей лиха и в первой, а особенно — во второй чеченской кампании, располагается церковь святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Ее настоятель отец Георгий (к слову сказать, бывший офицер-десантник) и командир соединения генерал Кобзев выступили с инициати-

вой создать воинский храм. И где-нибудь, а именно на территории боевой части.

Идея понравилась и получила как одобрение командования войск, так и благословение руководства РПЦ. Городские и областные власти, общественные организации Вятки и Кировской области тоже не остались в стороне. В общем, как в старину, новый храм было решено строить всем миром.

И хотя дело изначально было обречено на успех, труды предстояли немалые. 6 мая 1999 года отец Георгий освятил место закладки однопрестольной церкви и отслужил торжественный молебен по нарождающемуся храму, который возводился (могло ли быть иначе!) в честь Святого великомученика Георгия Победоносца — многовекового покровителя российского воинства.

Строительство церкви длилось ровно два года. И вот...

— Сейчас увидите, что получилось. — Этой фразой сопровождавший меня майор Игорь Бобров как бы подвел итог своему рассказу о предыстории ожидающего нас события, когда машина уже въезжала в широко распахнутые ворота воинской части. — Вот, смотрите...

Други мои, не совру: я обомлел, увидев это чудо!

На небольшом взгорке, завершающемся фундаментом из крупного тесаного камня высилась... нет, скорее, парила в воздухе небольшая церковь, любовно сложенная искусными руками из очищенных от коры бревен. Их свежая белизна, да колыхание крон молодых берез по обе стороны храма, да бегущие в синеве белые облака, к которым был вознесен венчающий купол православный крест, создавали и дополняли это ощущение воздушности и полета.

— Берендеева деревня!.. Ки-

жи!.. Владимирская Русь!.. Не знаю, с чем и сравнить! — выпалил я первое, что пришло на ум.

— И не надо. Наслаждайтесь. Я пока улажу кое-какие организационные вопросы, а то скоро начало торжеств. — С понимающей улыбкой мой провожатый заспешил к клубу части.

“Наслаждайтесь!” — пожалуй, лучшее слово трудно было подобрать. Даже первого беглого взгляда на храм было достаточно, чтобы оценить все его величие и ту любовь, вдохновение и старание, которые вложили творцы этого чуда в свое детище. Трудно было бы найти и более удачное место для него. Забегая вперед, скажу, что не менее прекрасно и величественно и внутреннее убранство храма. Величественно, несмотря на свою скромность. А иначе и быть не могло: ведь храм-то воинский!

Торжества начались в назначенный час. Начались, как и заведено в любом воинском коллективе, с внесения Боевого Знамени и выступления командира. Вслед за генералом Кобзевым к микрофону на трибуне выходили губернатор Кировской области Владимир Сергеенков, главный федеральный инспектор в регионе Николай Мартынов, глава городской администрации Василий Киселев, возглавляющий областную ветеранскую организацию полковник в отставке Матвей Малышев, руководители крупных предприятий города и области, представители общественных организаций.

У всех нашлось много добрых и возвышенных слов, соответствующих моменту. Говорили о неразрывной связи времен и поколений, о первых православных святых князьях-воинах Борисе и Глебе, о знаменитых полководцах Александре Невском и Дмитрии Донском, канонизирован-

ных русской церковью, об их нынешних потомках и продолжателях славных дел — сегодняшних защитниках Отечества и веры, о возрождении духовности и великой России, бескорыстное и беззаветное служение которой — обязанность и благое дело каждого честного гражданина, что бы ни носил он на своих плечах: военный мундир, одеяние священнослужителя или гражданский пиджак.

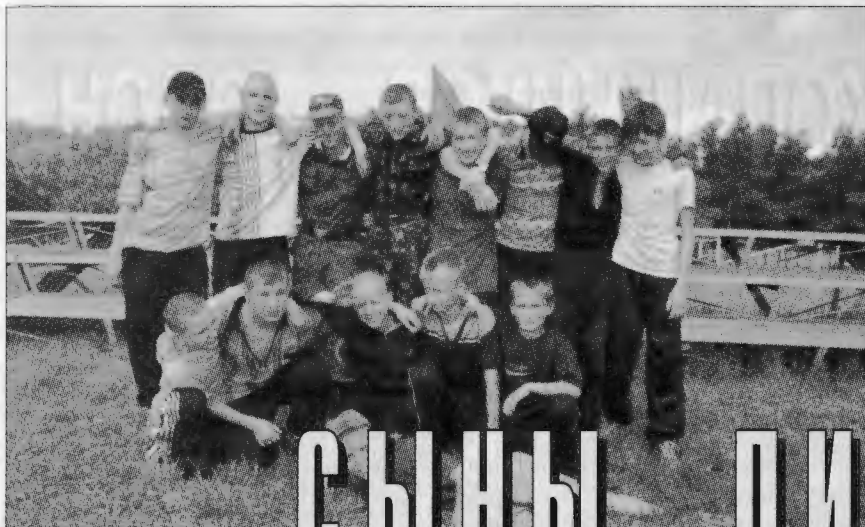
Сразу после торжественных речей и передачи новоявленному храму семи икон с ликами различных православных святых нескольким военнослужащим соединения были вручены ордена и медали за ратные подвиги, совершенные на далекой кавказской земле. И пока губернатор и генерал прикрепляли на грудь отличившимся боевые награды, я краем глаза успел заметить, как стоящий чуть в стороне отец Георгий быстрым движением крестил каждого выходящего из строя, что-то неслышно шепча при этом...

А затем наступил черед и главного события этого дня. Открытие храма и его освящение производил лично архиепископ Вятский и Слободской Хрисанф. Под перезвон колоколов и песнопение прислуживающих ему отроков Его Преосвященство осенил крестом “творение рук человеческих, воздвигнутое с благословения Создателя во славу верного и непобедимого воинства его”.

“Ликуй ныне и веселися сего дня...” — разносилось окрест.

**Подполковник
Игорь СОФРОНОВ**
Фото автора

Приволжский округ
ВВ МВД РФ

СЫНЫ ДИВИЗИИ,

или Что делают в ОДОНе “трудные” подростки?

Активное участие в воспитании подрастающего поколения принимают внутренние войска. Например, в Отдельной дивизии оперативного назначения уже шестой год работает оборонно-спортивный оздоровительный лагерь “Щит и меч”. Большую часть времени подростки проводят в одном из полков прославленной дивизии. Лагерь функционирует два раза в году: две недели — зимой и три недели — в летние каникулы. Для всех детей отдых в лагере бесплатный.

Этим летом в “Щите и мече” собралось около семидесяти подростков, которых мы привыкли называть “трудными”. Дети из неблагополучных или неполных семей, детдомовские. Приводы в милицию для этих пацанов — обычное явление. Впервые в жизни многие из этих мальчишек почувствовали заботу. 329 тысяч рублей выделили администрации Московской области (губернатор Подмосковья Борис Всеволодович Громов) и Балашихинского района (глава Балашихинского района Владимир Геннадьевич Самоделов). Это обеспечило и добротное четырехразовое питание в солдатской чайной части, и обширную культурную программу. Мальчишек ждут экскурсии по есенинским и пушкинским местам, посещение музея кузнечного мастерства в поселке Салтыковка, прогулка на теплоходе по Москве-реке. А победители различных соревнований получают ценные призы и подарки. Конечно, все мероприятия развлекательного плана совмещены с кропотливой воспитательной работой, проводимой военнослужащими дивизии. Ведь в повседневной жизни ребята практически предоставлены сами себе. В “Щите и мече” они становятся полноправными членами воинского коллектива, прошедшего славный боевой путь. Здесь на каждый вопрос — конкретный пример, на каждую трудную ситуацию — случай из жизни. К тому же в лагере паца-

“Трудные” подростки были, есть и будут всегда. Количество их напрямую зависит от того, насколько здорово само общество. Еще лет пятнадцать назад для школы было настоящим ЧП, если один из учеников состоял на учете в детской комнате милиции. А попасть туда он мог даже за курение. Сейчас это кажется детской шалостью. Многие учебные заведения захлестнула волна наркомании, вандализма, насилия. Как противостоять этому?

ны знакомятся с армейским бытом, образцами штатной боевой техники и вооружения, средствами индивидуальной защиты. Подъем в 8 часов — и дальше все по распорядку. Только на начальную военную подготовку в день отведено три часа.

Начальник лагеря заместитель командира полка по работе с личным составом подполковник Владимир Грушенко:

— Мы собрали ребят в возрасте от 11 до 16 лет. Сразу скажу — работать с ними довольно-таки хлопотно. Жизненной энергии хоть отбавляй. Резвятся, бегают, на месте не усидят и минуты. Поэтому мы сделали упор на спортивные мероприятия. Эстафеты, командные игры, плавание, стрельба — этим подростки занимаются с удовольствием. Руководжу подобным лагерем впервые. Правда, мне приходилось работать с военнослужащими из неблагополучных и многодетных семей, и я знаю, какие проблемы их волнуют и как трудно подобрать ключик к сердцу каждого. У меня есть заместитель по работе с личным составом — штатный заместитель командира батальона. Он вплотную работает практически с каждым воспитанником. Есть командиры взводов и заместители командиров взводов из разведподразделений, которые являются своеобразными наставниками пацанов. Начальником физподготовки и спорта в лагере — командир разведвзвода. Есть у ребят и старшина, являющийся по штату старшиной разведроты. В общем, они окружены вниманием и не остаются без присмотра ни на минуту. В принципе мальчишкам у нас в дивизии нравится. Только вот порой спрашивают, будет ли дискотека и приедут ли к ним в гости девчонки.

**Старший лейтенант
Александр БУТКЕВИЧ**
Фото автора

МЕККА РУКОПАШНИКОВ — ОДОН

97 военнослужащих приняли участие в восьмом чемпионате внутренних войск МВД России по рукопашному бою. В очередной раз молдой рукопашников стали Отдельная дивизия оперативного назначения. Представители округов, военных институтов, СЦОНа и бойцы подразделений спецназа сошлись в негнущих рукопашных схватках.

— Рукопашный бой является одной из важнейших составляющих подготовки военнослужащих, — сказал на торжественном открытии чемпионата заместитель начальника управления боевой подготовки ГКВВ генерал-майор Анатолий Зайцев. — Навыки, полученные на занятиях данным видом единоборств, пригодятся не только в рукопашной схватке с врагом. Рукопашный бой развивает выносливость, реакцию, придает военнослужащим уверенность в своих силах. А это в свою очередь положительно сказывается на качестве выполнения ими служебно-боевых задач. На ринге определяются лучшие. Надеюсь, что призеры прошедшего чемпионата, выступая в команде внутренних войск, покажут себя так на всероссийских, так и на международных соревнованиях.

В первый день соревнований прошло заезживание участников. Они были разделены на три категории. После чего начался отборочный тур. Бойцы-рукопашники демонстрировали технику выполнения приемов. Далее следовала веревочка, в ходе которой определялись пары бойцов.

Лишь на следующий день начались бои. Наибольшую активность в отборочных схватках про-

явили победители прошлогоднего чемпионата из Уральского округа внутренних войск и Санкт-Петербургского военного института. Тем самым прошлогодние чемпионы показали жесткий класс сдержанности.

И заключительный, третий день соревнований прошёл полуфинальные бои и настало время самых захватывающих — финальных поединков. Наиболее зрелищными были схватки в категориях 65 и 70 кг — противники проявили и бою невиданную подвижность и ловкость.

— Конечно, чемпионат очень серьезный, с высоким организационным уровнем. Сильные команды, сильные спортсмены. Поэтому третье место в этих соревнованиях для меня достижение. Хотя считаю, что мог быть лучше и лучше. Надеюсь на победу в следующем году, — говорит занявший третье место Юрий Гончаров из команды Московского штурма внутренних войск МВД России.

— Горжусь победой в чемпионате. Хорошая подготовка плюс воля к победе помогли добиться столь высокого результата. Думаю и дальше продолжать в том же духе, — выказал свое мнение чемпион в весовой категории до 80 килограммов Дмитрий Каун, представляющий команду ОСН "Русь".

Победители и участники соревнований получили призы и подарки от генерального спонсора — Объединенная социальная инициатива ветеранов общештурмовых подразделений правоохранительных органов и служб "Русь".

Старший лейтенант
Александр БУТКЕВИЧ

ИЗДАНИЕ В КРАЕВ ПЕРИОДИКЕ

Командное первенство:

- 1-е место:** Московский округ внутренних войск
2-е место: Северо-Кавказский военный Краснознаменный институт ВВ МВД РФ
3-е место: Северо-Кавказский округ внутренних войск

Личное первенство:

65 кг

1. Нариман КАДИЕВ, СКВКИ ВВ МВД
2. Валентин КУЗЬМИН, СКВКИ ВВ МВД
3. Алексей НАГАЙЦЕВ, МО ВВ МВД

70 кг

1. Ильгиз УСМАНОВ, СПОВИ ВВ МВД
2. Михаил КОЗЛОВ, Пензенский ВИ ВВ МВД
3. Юрий ГОНЧАРОВ, МО ВВ МВД

75 кг

1. Артем ДУДНИК, МО ВВ МВД
2. Алексей ГОЛОВИН, УрО ВВ МВД
3. Гаджимамед НУРОВ, ВО ВВ МВД

80 кг

1. Дмитрий КАУН, ОСН "Русь"
2. Эдуард ЯНИН, ОДОН
3. Максим ЩЕРБИНА, НВИ ВВ МВД

85 кг

1. Шамиль МАГОМЕДОВ, СКО ВВ МВД
2. Рустам ХЫБЫРТОВ, СПОВИ ВВ МВД
3. Павел РАДЬКО, СКВКИ ВВ МВД

90 кг

1. Дмитрий РЫЛЬЦОВ, СКО ВВ МВД
2. Аланди ТИНАМАГОМЕДОВ, УрО ВВ МВД
3. Андрей КАЛАШНИКОВ, СКВКИ ВВ МВД

свыше 90 кг

1. Андрей ВАЖЕНИН, УрО ВВ МВД
2. Виталий ГУНДРОВ, ПензО ВВ МВД
3. Сергей АРИСТОВ, СКВКИ ВВ МВД

На базе отряда специального назначения "Скиф" Северо-Кавказского округа внутренних войск прошли соревнования, посвященные памяти Героя России Андрея Крестьянинова, погибшего во время операции по уничтожению банды Радуева, захватившей заложников в дагестанском городе Кизляр.

Турнир среди команд специальных отрядов быстрого реагирования проводится уже во второй раз. В этом году их собралось двенадцать — команда СОБРа ГУБОП, командиром которого был Андрей Крестьянинов, остальные одиннадцать представляли милицмейские спецназы Южного федерального округа.

Начались соревнования с выполнения упражнения из винтовки Драгунова. Мелкий дождь не стал участникам помехой, ведь снайперам в условиях боевых действий приходится работать и в более сложной обстановке. Максимальный результат — 50 баллов показал ростовчанин Шурдук. Из автомата Калашникова 20 патронами нужно было поразить три цели, находившиеся на расстоянии от 100 до 200 метров. Оказалось, что

СОРЕВНУЮТСЯ СОБРОВЦЫ

стрелять собровцы умеют: почти все команды показали стопроцентный результат. А вот в упражнении из пистолета Макарова лучшими стали калмыки.

После стрельб спецназовцев ждало новое испытание — огненно-штурмовая полоса длиной полкилометра. В реальных боевых действиях очень важно, чтобы каждый из бойцов умело прикрывал действия группы. Такое же требование было и при прохождении огненно-штурмовой полосы. За этим внимательно следили судьи офицеры из отряда "Скиф". Ну а лучшими на полосе стали бойцы Северо-Кавказского РУБОП, преодолевшие трассу менее чем за 10 минут (оценка "отлично" выставлялась за 11 минут).

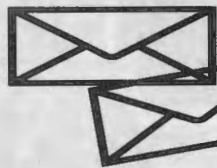
Не менее напряженная борьба шла и в поединках по рукопашному бою. А победителем турнира рукопашников стал сотрудник североосетинского СОБРа лейтенант милиции Артур Марзаев.

Призовые места заняли команды Северо-Кавказского РУБОП, СОБРа Калмыкии и СОБРа ГУБОП МВД России.

Соревнования памяти Героя России Андрея Крестьянинова уже сейчас можно назвать традиционными. В следующем году они, возможно, приобретут статус всероссийских.

Андрей РОДНОВ
Фото Андрея ЛЕВКИНА

Письмо в номер

Уважаемая редакция!

Пишет вам из города Набережные Челны военнослужащий запаса Миниханов Марат Байранович. Я служил во внутренних войсках МВД России в городе Северске Томской области. Уволился в декабре 2000 года. За два года службы в свободное время я всегда бегал в библиотеку, чтобы читать ваш журнал и газету "Ситуация". Они мне очень нравились.

У меня к вам просьба: если можно мне сейчас выпустить журнал на домашний адрес, то напишите, пожалуйста, как это сделать. Заранее благодарен.

В настоящее время работаю в милиции, и мне необходимо читать ваши издания.

Марат Байранович!

Редакция журнала благодарит Вас за особое внимание к нашим изданиям.

Подписаться на них можно в ближайшем от Вашего места жительства почтовом отделении связи. Данные по подписке находятся в каталоге "Газеты. Журналы" агентства "Роспечать", раздел "Военная наука. Вооруженные силы".

Журнал "На боевом посту" выходит ежемесячно. Индекс для индивидуальной подписки — 70610, индекс для предприятий и организаций — 73175.

Газета "Ситуация" выходит еженедельно. Индекс — 50157.

Сборник "Войсковой вестник" выходит один раз в два месяца. Индекс — 73515.

Стоимость подписки в каждом регионе различная и определяется почтовым отделением связи.

Надеемся, что Вы станете нашим постоянным подписчиком!

Все было совсем на так!

В третьем номере журнала за этот год был помещен репортаж о морских частях внутренних войск. В том числе говорилось о случае спасения нашими моряками на Амуре попавших в шторм отдыхающих. В материале есть неточности. С моим званием и другие. А главное, мы спасли не пять, а шесть человек! Причем двое из них и плавать-то не умели. Хочется назвать и свою команду: старшего матроса Константина Бурмистрова и матроса Владимира Чередниченко.

Еще хочется сказать о том, что мы гордимся, что достойно встретили опасность и спасли людей.

Наш катер, который рассчитан на волну не более 70 сантиметров, выдержал волну в два с половиной метра. Несмотря на сильное течение, мы с точностью до метра оказались в нужном месте.

Я горжусь своими моряками, которые преодолели страх и пошли спасать людей. У них после этого случая изменилось отношение к службе.

Володя Чередниченко заключил контракт и остался служить дальше, а Костя Бурмистров после службы уехал домой, так и не дождавшись благодарности от командования.

**Командир звена 1 морского отряда
старший мичман Александр СОТИН**

*Тихо шепчет черноморский прибой.
Нещадно палит южное солнце. Полуденная
жара гонит меня с пляжа. Отсчитывая
ступеньки, поднимаюсь вверх, к
"Солнечному". И лишь в тени белоснежных
корпусов нахожу спасение от зноя.*

ДРУЗЬЯ

ИЗ "СОЛНЕЧНОГО"

Рядышком с Туапсе, недалеко от побережья, в небольшой долине уютно расположился "Солнечный" — санаторий-профилакторий внутренних войск МВД России. Этот уголок российской земли щедро одарен матушкой-природой. Разрезающие горизонт горы, буйная тропическая зелень, ласковый шелест волн навевают романтическое настроение.

Не случайно в разгар летних отпусков именно сюда со всей России приезжают военнослужащие со своими семьями. В "Солнечном" можно не только отдохнуть, как говорится, и душой, и телом. Здесь есть все для того, чтобы поправить пошатнувшееся в ходе нелегкой службы или в результате боевых ранений здоровье. Массаж, аэрофитотерапия, иглоукальвание — это лишь малая часть комплекса лечебно-профилактических мероприятий, назначаемых отдыхающим заботливыми врачами.

Новый день. Для прибывших с очередным заездом отдых только начинается. А вот коллективу "Солнечного" предстоит напряженный и кропотливый труд. Все расписано буквально по минутам. От обеспечения нормальных бытовых условий до медицинских процедур и выездных экскурсий. Благо между сотрудниками "Солнечного" и отдыхающими сложились хорошие дружеские отношения. Отношения, фундаментом которых стало полное взаимопонимание. Люди в белых халатах не понаслышке зна-

ют о проблемах, которые легли сегодня на военнослужащих, а потому стараются создать нормальные условия для полноценного отдыха. Возглавляет коллектив санатория подполковник медицинской службы Виктор Коваленко. Офицеру-медику довелось побывать в Афганистане, Карабахе, Чечне. Но "воевать" приходится и сейчас — бывает, что не выделяются средства даже на самое необходимое. Тем не менее дело спорится. Под руководством подполковника Коваленко недавно был произведен ремонт в главном корпусе "Солнечного". Теперь количество номеров, а соответственно, и путевок, распределяемых по войскам, значительно возрастет. Остались считанные дни до открытия бассейна с морской водой, который будет работать круглый год.

"Солнечный" с радостью встречает очередных отдыхающих. Сезон отпусков в разгаре. Многие приехали во второй, а то и в третий раз. Что заставляет людей проводить отпуск именно здесь? Думаю, их влекут не процедуры, не климат и не море. "Солнечный" — место, где встречаются друзья.

Борис АЛЕКСЕЕВ

Фото автора

Николай ЗАХАРЧЕНКО

Николай Михайлович ЗАХАРЧЕНКО родился в Сумской области в 1940 году. Закончил Ленинградское высшее политическое училище МВД СССР и Горьковский государственный университет. Свыше тридцати лет отслужил во внутренних войсках, полковник в отставке. Стихи публиковал в газетах, в нашем журнале. В минувшем году в Москве вышла его первая поэтическая книжка "Возвращение к истоку".

Я СПЕШУ НА СВИДАНИЕ...

Годы идут чередой.
Я не успел оглядеться,
Как откатилось волной
Вдаль мое милое детство.

Было ли милым оно?
Может, и было, но только
Детство мое сражено
Градом горячих осколков,

Взорвано страхом войны,
Едим окутано дымом.
Даже не помню, чтоб сны
Снились о детстве
счастливом.

Помню, дрожал я не раз,
Видя чужого солдата.
Были игрушкой для нас
Желтые гильзы снаряда...

Так в назиданье другим
Делайте все вы на свете,
Чтоб никогда вот таким
Детство не видели дети.

БЕРЕЗА

Росла размашисто, высоко
У всей деревни на виду,
А по весне пошла соком,
Считай — за сутки по ведру!

При скудных сладостях
военных
Тот сок притягивал, как мед...
Но стала чахнуть постепенно,
Пришел, видать, ее черед.

Мой дед к ней подступал
с неделю:
Решил срубить —
и ахнул вдруг,
Найдя в ее увядшем теле

Осколков ржавых
восемь штук.

И мама глянула, бледнея,
Сказала, смахивая пот:
— Детей я прятала за нею,
Когда случался артналет.

У ОБЕЛИСКА

По небосклону тучи низко
Плывут и тают в синеве.
А я стою у обелиска
Солдатам, павшим на войне.

Они вот здесь поумирали,
Взамен не взявши ничего,
За этот лес,
За эти дали,
За речку детства моего.

За эти вербы над прудами,
За этот берег,
Этот глес
И за село, что перед нами,
Где я родился и подрос.

Я им шепчу:
"Спасибо, братицы,
За муки крестного огня.
Не будь могилы вашей
братской,
Наверно б, не было меня".

ПЕРЕД ПОХОДОМ

Над Новгород-Северским
Зари покой.
И пахнет воздух вереском,
Живой смолой.

Десна всплеснется окунем,
И снова тишь.
Лишь шепчется с осокою
Густой камыш.

Что ж князь стоит
над кручею
В такую рань?
Жжет грудь его могучую
Тмутаракань.

А больше гложет сердце
Печаль-змея:
"Не все на битву с нечистью
Идут князья.

За общее тревога
Не всем дана.
Князей, конечно, много,
А Русь одна!"

И оттого решительней
Он всех князей:
"С восходом красна солнышка
Седлать коней!"

СЕЛО ОБРАЖЕЕВКА

Когда здесь шел Великий Петр
С войсками за полтавской
славой,
Свой след Преображенский
полк
В названии села оставил.

И люди помнили о том,
Храня историю святую,
На случай, если грянет гром,
Копили силу удалую.

Когда тревожный голос труб
Призвал встать за страну горою,
Ушел отсюда Кожедуб
И трижды стал ее Героем!

В жизни всякое может
статься—

Так закрутит,
что хочется выть.
Только надо не растеряться,
Чтобы главное сохранить.

Ну а главное, без сомненья,
Было, есть и пребудет вовек
То, что мать нам дала
с рожденья:
Имя гордое — человек!

Не упусти поры цветенья,
Она у каждого одна.
Она — вершина вдохновенья
И совершенства глубина.

Она — что крылья для полета.
Но без труда в ней проку нет.
Плоды приносит лишь работа,
А праздность —
это пустоцвет.

ГРУСТНАЯ ПЕСНЯ

Мать похоронку получила,
И дом наполнился бедой:
У матери не стало сына,
Молодка сделалась вдовой.

А сколько их с такой судьбою
На свете, вдов и матерей.
Приходит горе к нам с войною,
Но не уходит вместе с ней.

Отцов по фото дети знали,
Росли на маминых руках.
И жизнь большую постигали
В отцовских старых сапогах.

И сколько их с такой судьбою
Живет, сынов и дочерей.
Приходит горе к нам с войною,
Но не уходит вместе с ней.

КОЛОКОЛЬЧИК

На лугу колокольчик проснулся
Светлоглазый, слегка голубой.
Приоткрыл лепестки
и встряхнулся,
И печально качнул головой.

Знать, живет ли несладко
бедняжке,
Знать, судьба заставляет
мрачнеть:

Как ему перебраться к
ромашке,
Чтобы ей о любви прозвенеть?

ПОСЛЕ ОТБОЯ

Опять спустился вечер
хмуроватый,
Окутав землю темной пеленой.
К отбою приготовились
солдаты,
Идут в казарму шумною
гурьбой..

Мне самому пора
тревожить койку,
Укрыться с головою простыней
И до утра во сне забыться.
Только
Так я могу увидеться с тобой.

Я в мыслях обнимаю твои
плечи,
И ты прижмись сама
к груди моей.
Я не хочу, чтоб ветер
в этот вечер
Тревожил золото твоих кудрей.

Поправь слегка
мой непослушный волос
И что-нибудь веселое пропой.
Пусть соловей,
услышав нежный голос,
Замолкнет сам
у нас над головой...

Сердце бьется, волнуясь,
Как у моря прибой,
Ко мне юность вернулась
После встречи с тобой.

Вот, любуюсь закатом,
Мы стоим у воды.
Жаль, узнал поздно вато,
Что любовь — это ты.

Я спешу на свиданье.
На висках — седина.
И во всем мирозданье
Для меня ты одна.

Нет на свете чудесней,
Нет прекрасней тебя,
Лебединая песня,
Незабудка моя!

Только месяц щербатый
Светит нам с высоты.
Жаль, узнал поздно вато,
Что любовь — это ты.

Константин АЛЕКСЕЕВ

Три рассказа

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Монотонный перестук колес то стихал, то нарастал вновь, надсадным лязганьем металла врываясь в стылый вагон утренней электрички. Лучи яркого зимнего солнца, выбиваясь из-за верхушек деревьев, золотистой рябью пробегали по лицам пассажиров. Слепили короткими, разрозненными вспышками. Уводили от мрачных раздумий и утренней полудремы.

Капитан, одиноко сидевший в дальнем конце вагона, поминутно шурился от налетавших бликов, задумчиво глядел на бегущие перелески, пустынные белые поляны, нестройные ряды деревянных домов, смотревших заиндевевшими окнами из-под усыпанных снегом крыш. Эти картины, до сей поры спрятанные в потаенных уголках памяти, ныне оживали, наполняя сознание обретением того, что еще совсем недавно казалось призрачным, навсегда затерянным в прошлом.

Так бывало каждый раз, когда он возвращался из очередной командировки в горячие южные регионы, где с каждым годом все больше набирал силу кровавый огненный смерч. Из этих нескончаемых командировок он привозил каленое дыхание войны, сожженные нервы, боль и усталость, с каждой новой войной все больше теряя веру в то, что пораженная недугом страна когда-нибудь исцелится и вновь, подобно птице Феникс, восстанет из пепла. И всякий раз на следующий день после возвращения он спешил к желанной утренней электричке, уносившей его прочь от тревог, накопленных за долгие месяцы войны, серого однообразия военного городка, тоскливого, щемящего одиночества.

Вагон ритмично покачивался, словно не катил по серебристой стальной колее, а плыл по легким прозрачным волнам. Череда знакомых картин за окном мерным течением реки уносила его в прошлое, в мерзлый плацкартный вагон, набитый под завязку стриженными под "ноль" призывниками, где он, восемнадцатилетний паренек с Тамбовщины, прильнув к заледенелому стеклу, напряженно вглядывается вдаль, пытаясь угадать в синеве вечерних сумерек очертания приближающейся столицы.

Та первая встреча с Москвой, показавшейся ему иной планетой с неведомой цивилизацией, очаровавшей его лепными фасадами зданий, золотом церковей, величием Кремля, вошла в его жизнь, подобно долгожданному первому снегу после унылой осенней сырости.

Тогда, двенадцать лет назад, он в одночасье полюбил ее величественную красоту, ее особенный таинственный мир, радовался каждому нечастому свиданию с городом, возможности несколько часов отрешенно бро-

дить по тихим улочкам, вслушиваясь в близкий несмолкаемый гул асфальтовых магистралей, мелодичный перезвон колоколов под куполами древних храмов, шелест листвы на островках тенистых бульваров.

И даже когда его Москва, пропитанная могучим державным духом от рубиновых звезд Кремля до серых шероховатых мостовых, стала неуловимо меняться, словно коростой, обрастая пестрыми заграничными вывесками, бутафорским блеском витрин новоявленных "шопов" и "супермаркетов", он продолжал любить ее, бережно храня в памяти прежний образ города, ставшего частицей его самого. О возвращении сюда он постоянно молил Бога везде, куда бы ни забрасывала его лихая военная судьба, особенно последние полгода, проведенные в трижды проклятой Чечне. Там, где среди рвущихся снарядов и разящих свинцовых трасс он вел затяжной поединок со смертью. Где горел в бэтээре на подступах к Бамуту. Прорывался из окружения под Ведено. Собирал по частям подорвавшегося на mine взводного близ Шали.

И сейчас, под перестук колес, лязг сцепок, простуженное хрипение динамика, он по-новому осознал свое возвращение в прежнюю жизнь, туда, где не было "зеленки", изрыгающей смертоносный свинец, притаившихся в засаде снайперов, минных полей, ледяного дыхания смерти. Туда, где царила деловитая суета и шумел пестрый людской водоворот. Где по проспектам мчался бесконечный поток машин, а в уютных дворах царил усталый покой. И за Садовым кольцом весело звенел трамвай, пробегая по маленькой тихой улочке, где жила его дочка.

Эта пара упрямых глаз, с недетской печалью глядевших из-под пушистых бровей, была для капитана тем, ради чего он жил, стараясь уцелеть на больших и малых войнах. Маленький островок в безбрежном, вечно штормящем океане, она была единственной, кто ждал его возвращения. Она, как и он, жила лишь этими нечастыми встречами. Всегда была искренне рада ему. Дарила надежду и забытое тепло, исцеляя его израненную душу.

Это тепло он впервые ощутил восемь лет назад, принимая из рук пожилой добродушной медсестры маленький живой комочек, завернутый в одеяльце, перехваченное ярко-розовой лентой. Тот холодный осенний день он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Мучительное ожидание в вестибюле роддома. Он то и дело выходил на улицу, нервно закуривая сигарету. Осторожно нес к поджидавшему такси драгоценный сверток, в котором безмятежно посапывало маленькое существо. Завороженно сидел подле детской кровати, прислушиваясь к частому дыханию дочки.

Вопреки законам природы она ничего не унаследовала от его бывшей жены, а напротив, словно наперекор всему, пошла в него и лицом, и характером, потому

с каждым годом все больше чувствовала себя чужой в семье матери.

Тот давний брак был обречен с самого начала. Семейная жизнь не заладилась с первых же месяцев, с течением времени все больше обрастая скандалами, непониманием, взаимной отчужденностью. Жена, будучи на семь лет старше, люто ревновала молодого мужа ко всем без исключения, ежедневно обвиняя его во всевозможных грехах. Ее раздражало его постоянное отсутствие, когда он сутками пропадал на службе и возвращался усталым и разбитым. Она не понимала его постоянных забот о неведомых солдатах, за коими вечно требовался зоркий глаз ее супруга. Злилась на его простодушные армейские шутки. Ненавидела за непрактичность и наивное бескорыстие. Презирала за пустые попытки наладить мир в рушившейся семье.

Отношения не сложились и с падчерицей — старшей дочерью жены от первого брака, которая возненавидела отчима с первой же минуты его появления в доме. Точная копия матери, она видела в нем недруга, вероломно посягнувшего на ее законную территорию. Огрызалась в ответ на его увещевания и стремление наладить контакт. Устраивала истерики по малейшему поводу. Демонстративно не замечала его существования.

Отдушиной оставалась лишь дочка. Казалось, с первого дня ее появления в доме их соединяла незримая живая нить. Жалобно плачущая в его отсутствие, она мгновенно успокаивалась, лишь только он переступал порог комнаты, неведомо как ощущая его появление. Подобное происходило и с ним, когда, спавший крепким сном после утомительного дня, он моментально просыпался от ее малейшего вздоха, всхлипа и по этим вздохам, всхлипам, едва уловимым шорохам в кровати безошибочно определял все, что тревожило и беспокоило дочку.

С рождением дочки для него началась новая жизнь, в которой все, что существовало в прошлом, незаметно отодвинулось на второй план, отошло в тень, перемес-

тилось в иное измерение. Подобно золотому солнечному лучу, она несла в себе свет и тепло. И под воздействием этого луча рассеивалась тьма нескончаемых служебных забот, рассыпалась ядовитая паутина семейных передраг, уносились прочь горести и беды. Порой ему казалось, что в образе дочки судьба послала ему маленький живой талисман, призванный оберегать его от зла, коим был переполнен окружающий мир. И даже позже, когда он ушел из семьи, их редкие встречи с дочкой продолжали оставаться для него все той же отдушиной, позволяя на время забыть невзгоды и печали.

За окном уже не бежали, а медленно плыли городские строения, сменив заснеженные леса и поляны. Электричка, все больше сбавляя ход, втягивалась в серые каменные массивы. Колея разветвлялась, уходя то влево, то вправо, вдали показалось зеленое здание вокзала, опоясанное узорной лепиной. Вагон просыпался, стряхивая с себя зыбкую дорожную дремоту, наполнялся суетой пробиравшихся к тамбуру пассажиров. Похожие на потревоженную стаю птиц, они поднимались с насиженных мест, опережая друг друга, спешили к выходу, кучно скапливались у дверей, готовясь выпорхнуть наружу из холодного металлического короба.

Протяжно заскрежетали тормоза, возвещая о прибытии в конечный пункт следования. Двери с шипением открылись, и капитан, подгалкиваемый в спину нетерпеливыми попутчиками, шагнул на запорошенный снегом перрон. Вдыхая обжигающий морозный воздух, двинулся вперед, крохотной каплей вливаясь в бурлящий водоворот вокзальной жизни.

Вокруг царил привычная толчея. К прибывшим поездам спешили проворные носильщики. Навстречу им, нагруженные безразмерными баулами и тюками, семенили "челноки", стараясь миновать бдительный перронный контроль. Заросший, неопрятный божж, урюмо ковылял вдоль неподвижно застывшего состава. Усталый милиционер сосредоточенно курил у входа на перрон, кутаясь в потертый форменный бушлат. Круп-

Константин Александрович АЛЕКСЕЕВ родился в Москве в 1971 году. Срочную службу проходил во внутренних войсках в Павлограде, на Украине. Затем работал в органах внутренних дел, во вневедомственной охране командиром отделения. С 1996 года служит в Московском округе внутренних войск — начальником группы пресс-службы командующего округом, корреспондентом газеты "Зоркий часовой". Прапорщик. В нашем журнале публиковались его заметки и корреспонденции. Нынешняя подборка рассказов — литературный дебют молодого войскового автора.

ная тетка, в ярко-оранжевом жилете, одетом поверх телогрейки, усердно сгребала с мерзлого асфальта комья грязного снега.

Пестрели вывесками броские торговые павильоны. Глянцево блестели витрины киосков. Тлея рубиновыми огоньками мангал, источая пряный аромат шашлыка. Вокзал жил прежней светлой жизнью — встречал, провожал, шумел сотнями голосов, стуком колес, гудками локомотивов, мерцал зелеными экранами табло, напылял нескончаемым людским потоком, струящимся от платформ к мраморному вестибюлю метро.

Выбравшись из толпы, капитан остановился, медленно оглядывая знакомую привокзальную площадь, пронзавший небо шпиль близкой "высотки", каменную дугу моста, по которой лениво ползла вереница вагонов.

— Ну что, дружок, вот мы и дома, — произнес он, бросив взгляд на смешного глазастого утенка, покоившегося на дне прозрачного полиэтиленового пакета.

Капитан смотрел на игрушку, вновь вспоминая далекое чеченское село, дымные развалины дома, откуда еще недавно огрызаясь очередями вражеский пулемет. Бородатый стрелок, с развороченным взрывом черепом, распластался на земле, искривив рот в яростном предсмертном оскале. Чуть в стороне одиноко лежал пушистый желтый утенок. Среди разрушенного жилья, грохота автоматных очередей он выглядел беззащитным, попавшим в беду существом, и рука невольно потянулась к игрушке, бережно спрятав птенца за отворот бушлата. Лишь после капитан заметил мальчика лет четырех, недвижно лежащего под обломками кирпичей...

— Не бери в голову, — позже говорил ему комбат, когда ночью они сидели вдвоем в штабной палатке. — Они по жизни за бабами да ребятишками прячутся. Нелюди, одно слово. Жалко мальчонку, да что поделать — война.

Капитан слушал, соглашаясь, кивал, но перед глазами опять и опять возникал истерзанный взрывом чернокудрый малыш, и мертвый моджахед уродливо скалил щербатый рот, словно хохотал над потрясенным неприятелем...

Капитан встряхнул головой, отгоняя сумрачное видение. Вновь взглянул на утенка. Сквозь прозрачные стенки пакета птенец казался живым, похожим на пухлого забавного младенца, и капитан невольно улыбнулся, представив, как обрадуется подарку дочка.

Несколько дней назад ему удалось дозвониться ей из Моздока, где после долгожданной замены он ждал отправки домой. Сквозь оглушительный треск в телефонной трубке он едва различал ее далекий голосок, и лишь последняя фраза: "Ты приезжай, папка, я тебя очень жду" — отчетливо долетела до него сквозь тысячи километров.

Этот последний разговор с дочкой отозвался в душе теплой живой волной. Тягостное ожидание сменилось радостным нетерпением. С этого дня капитан не находил себе места, считал часы до предстоящей желанной встречи. А под вечер внутри будто что-то оборвалось, грудь сдавила щемящая тоска, и он был готов, не дожидаясь назначенного дня вылета, бежать через заснеженные горные перевалы, добираться пешком до далекой столицы. Эта тоска, сопряженная с зыбкой, неясной тревогой, мучила капитана всю последнюю неделю, и лишь когда самолет грузно приземлился на подмосковном военном аэродроме, тоска отпустила.

Бархатный снег белесо искрился в лучах яркого зимнего солнца. Покрытые хрустальным инеем деревья отливали золотистой лазурью. Морозный воздух еле слышно звенел, будто в его прозрачную плоть были помещены тысячи крохотных колокольчиков. Тротуар, покрытый тонкой коркой льда, блестел перламутровым глянцем, и капитану казалось, что он движется по сияющей волшебной дорожке, соединяющей прошлое и будущее. С прошлым, с его молодостью были связаны и высокий кирпичный дом с зеркальной витриной булочной, и старый клен, беззащитно раскинувший мерзлые голые ветви, и семяющая навстречу старушка, с батоном в ветхой авоське. Настоящее же оставалось позади, в стильном вагоне электрички, в унылом казенном блоке офицерского общежития, за серыми горными перевалами, где по-прежнему грохотала незаконченная война. С каждым шагом капитан все больше отдалялся от нее, уходя в глубь заветной улочки, по которой много лет назад он шел молодой, счастливый, а впереди веселым колобком катилась дочка, скользила по сверкающему льду, пытаясь догнать резво прыгающего воробья. Он придерживал ее за шарфик, слушал ее радостный смех и на какое-то время сам становился ребенком, весело бегущим за призрачным отголоском детства.

Он замедлил шаг, стараясь задержать драгоценное видение, но оно неумолимо исчезло, и капитан вдруг остро осознал, что этот далекий день никогда не повторится. Дочка, неуклюже скользящая по мерзлому тротуару, убегающий воробей, как и его беззаботная молодость, — все это осталось в прошлом, кануло в бездонные глубины времени.

Эта нехитрая мысль поразила его. Он замер, почувствовал, как внутри вновь проснувшись давняя неясная тревога, запульсировала резкими злыми толчками. Как и неделю назад, он не мог понять ее причины.

Собравшись с силами, капитан взял себя в руки. Преодолев оцепенение, бодро зашагал туда, где в глубине квартала возвышался серый монолит многоэтажной панельной башни. Вошел в подъезд. Поднявшись на лифте, на мгновение застыл перед знакомой дверью, затем решительно нажал кнопку звонка.

Дверь распахнулась. Падчерица, взъерошенная, со следами недавнего сна на лице, оторопело застыла в дверном проеме. Опомнилась, сдавленно пробормотала: "Здравствуйте" — и медленно отступила назад.

В конце коридора показалась жена.

— Здравствуй, — растерянно произнесла она, на мгновение подняв выпуклые бесцветные глаза, — ты откуда?

— Оттуда, — холодно отозвался он, смерив ее усталым равнодушным взглядом.

— А мы тебя позавчера ждали. — Она запнулась, глухо закашлялась, отвернув в сторону худое, заострившееся лицо.

— Не вышло позавчера. — По лицу капитана пробежала едва заметная тень. — Шесть суток в Моздоке просидели. — Он вдруг замолчал, недоуменно глядя на бывшую супругу. Не узнавал прежнюю склочную, истеричную бабу в нынешней притихшей и робкой.

— А где Танюшка? — спохватившись, спросил он.

— Она... — Жена замешкалась, непонимающе взглянув на него. — Ты разве не получал телеграмму?

— Какую телеграмму? — недоуменно произнес капитан, вновь ощутив давнюю зыбкую тревогу. Его взгляд заметался по квартире, наткнулся на вешалку, где среди вороха одежды не было знакомой серой шубки, скользнул по столику перед зеркалом, не найдя неизменной ярко-красной расчески, с приставшими завитками каштановых волос, проник через приоткрытую дверь в комнату дочки, пробежал по непривычно пустому письменному столу. Он судорожно оглядывал квартиру, пытаясь обнаружить признаки присутствия дочки, но не находил, наткнулся на пустоту.

— Где Танюшка? — повторил он, шагнув к жене, и та вдруг всхлипнула, уткнувшись ему в плечо.

— Где она?! — Он встряхнул ее за плечи, заглянул в глаза и в них неожиданно прочел безмолвный, страшный ответ.

— Она последнее время сама не своя ходила, все за тебя переживала. А как ты позвонил тогда, так она места себе не находила от радости. Любила она тебя. — Жена печально взглянула на него. — А в тот вечер я ее за хлебом послала, полвосьмого уже было, торопила я Танюшку — магазин вот-вот закроется. Никогда себе не прощу! — Она вновь всхлипнула, закрыв руками лицо. — Я из окна смотрела: она вдоль дороги назад шла. А тут этот джип. И откуда взялся? Бог его знает. То ли на льду его занесло, то ли еще чего — выскочил на тротуар и шибанул ее со всего маху. И пока "скорая", пока одно, другое... — Жена горестно вздохнула. — Крови много потеряла, не успели довести.

— Когда это случилось? — глухо спросил капитан.

— Тогда же, во вторник. — Жена устало прикрыла глаза. — Два дня как похоронили. Я тебе сразу телеграмму послала, на тот адрес, что у Танюшки был записан.

— Надо было в часть звонить, — вздохнул он. — Они бы быстрее разыскали.

— Не сообразила. — Она обреченно махнула рукой. — Я и телефона не знала.

Капитан молчал, уставившись неподвижным взглядом в пустоту. Перед глазами, словно в калейдоскопе, мелькали разрозненные картины недавнего прошлого. Клубилось косматым дымом горное село. Огромный джип накатывался на дочку, накрывал ее черной лакированной тушей. Под развалинами дома медленно остывало тело чеченского мальчика. И над всем этим зловеще хохотал мертвый бородач, распростершийся возле искореженного пулемета.

Одoleвая бред, капитан тяжело поднялся, непослушными руками одернул китель, провел по лицу ладонью, будто смахивая невидимую паутину.

— Ладно, — еле слышно произнес он, — пойду я, пожалуй, Наташа.

— Куда же ты? — встрепенулась жена, подняла на него воспаленные глаза. — Останься! Ну куда ты сейчас пойдешь?

— Да нет, — капитан покачал головой, — пора мне, пойду. — Он сдавленно вздохнул, спешно вышел в прихожую.

Дребезжащий лифт опустил его в холодный сумрак подъезда. Потом он брел через двор, мимо детской площадки с застывшими качелями, белым квадратом песочницы под пушистым снежным покровом. Качели, песочница — все, что раньше было связано с дочкой, в чем чувствовалось ее незримое присутствие, ныне сквозило пустотой, отзывалось в груди щемящей болью. С каждым шагом боль усиливалась, застилала глаза вязкой непроглядной пеленой, сквозь которую звучал печальный голос дочки: "Ты приезжай, папка, ты приезжай".

На повороте, где посередине мостовой тускло блестели трамвайные рельсы, капитан остановился, оглянулся назад, на серую громаду дома, холодно смотревшую ему вслед льдистыми глазами окон. Дом, долгое время наполненный теплом и уютom, теперь казался огромным каменным склепом, в котором была навеки похоронена последняя несбывшаяся надежда.

У стеклянного бруска трамвайной остановки он медленно опустился на узкую мерзлую скамью. Яркое солнце нещадно било в глаза, и в свете его слепящих лучей капитан внезапно увидел дочку. Маленькая, в короткой шубке, она бежала к нему, оскальзываясь на тонкой наледи, и ее алый шарфик развевался, трепетал на студенom ветру. Подбежала, радостно засмеялась и стала энергично тормошить его.

— Вам плохо? — Молодой сержант милиции вновь тронул его за плечо. Круглолицый, розовощекий, он недоуменно смотрел на капитана простодушными голубыми глазами, в которых, словно в небе, белесой искоркой отражалось солнце.

— Да брось ты его! — Из кабины патрульного "уазика" выглянул угрюмый сонный напарник. — Небось перебрал малость, до Нового года не дотерпел!

— Подожди ты! — отмахнулся сержант и снова склонился над капитаном. — Что с вами?

Капитан очнулся. Обвел взором милиционеров, притулившийся у кромки тротуара "уазик", узкий желоб улочки, по которому, гонимые ветром, клубились голубые снежные вихри. Грузно поднялся, чувствуя, как внутри кольхнулся, подкатил к горлу тяжелый соленый ком.

— Все нормально, браток, — произнес он, взглянув на сержанта невидящими, будто присыпанными пеплом глазами, — все путем.

Он кивнул милиционеру, слегка пожал ему локоть и, тяжело ступая, медленно двинулся прочь.

Встречный ветер колко ударил в лицо россыпью мелких снежинок, но капитан не чувствовал их жгучего холода. Похожий на слепца, он медленно уходил в прозрачную морозную синеву, и лишь забытый на остановке утенок одиноко глядел ему вслед своими черными круглыми глазами.

ПАЛЕНЬЙ

Утро выдалось хмурым. Серое небо нависало тяжелыми тучами, густо сыпало хлопьями мокрого снега. Подхваченный ветром, он косо летел, ударял в лица прохожих, заставляя их болезненно морщиться и ускорять шаг.

Зябко кутаясь в негреющее пальто, Вера усердно толкала коляску, то и дело увязая в липкой белой массе. Глаза слезились от злого, промозглого ветра, локоть оттягивала громоздкая сумка с товаром. В коляске еле слышно попискивал Пашка, возбужденно размахивал руками, словно отбиваясь от беспрестанно налетавших рылых комочков. С каждым его всхлипом, заглушаемым порывами разбушевавшейся стихии, она все сильнее налегала на ручку коляски, стремясь с открытого, насквозь продуваемого двора под защиту соседних домов.

Одолев пролежавшую через двор заснеженную тропинку, Вера нырнула в спасительный проем арки. Остановилась, отерла со лба бисерины пота. Склонилась над Пашкой. Поправила сбившийся шарфик. Плянула на часы и вновь заторопилась, покатила коляску сквозь утопавшие в сугробах дворы, мерзлые чахлые палисадники, одинокий пустырь с приземистыми коробами гаражей. Времени оставалось в обрез, и она почти бежа-

ла, спеша на близкий гул оживленной улицы, к раскинувшемуся возле метро шумному рынку. В душе Вера винила себя, что вновь задержалась, потеряв добрых полчаса. Это повторялось изо дня в день, когда перед самым выходом из дома она неожиданно возвращалась в комнату и, включив телевизор, напряженно замирала, в ожидании последних сообщений из Чечни, где находился Максим...

Прошло почти три месяца с тех пор, как он улетел туда, на новую, вторую по счету войну. Три месяца, как они остались вдвоем с Пашкой в огромном чужом городе. Три месяца тревожных предчувствий, тоски, щемящего одиночества, ставших ее неразлучными спутниками. И даже сейчас, когда его очередная командировка подходила к концу, они не отступали, а напротив, все сильнее обжигали сердце ледящей тревогой.

Несмотря на разделявшие их тысячи километров, она чувствовала все, что происходило с ним. Подобное случалось и раньше, на той, прошлой войне, когда еще лейтенантом-первогодком он вместе с другими попал в окружение, и все эти дни она не могла найти себе места. Или позже, весной, когда она вдруг проснулась от неясной, терзающей сердце боли, а в это время его группа попала в засаду, и раненого Максима на единственном уцелевшем бронетранспортере с трудом сумели вывезти из-под обстрела.

В отличие от многих она знала его другим, не ротным, зычным окриком бросавшим в бой солдат, не матерым разведчиком, наводившим страх на множество "непримиримых", а иным, беззащитно-домашним. По-мальчишески увлеченно игравшим с их годовалым Пашкой. Смущенно-виноватым, когда возвращался домой после редких офицерских застолий.

И каждое утро, когда на экране телевизора возникали туманные заснеженные предгорья, среди которых тяжело рвались снаряды, гулко стучали россыпи очереди, бежали, то и дело припадая к земле, фигуры в пятнистых бушлатах, ее сердце охватывал страх. Казалось, каждый снаряд, взметавший в воздух клочья земли и дыма, каждый бледно светящийся трассер были предназначены Максиму. Настигали его, накрывали грохотом. Впивались в тело раскаленными свинцовыми остриями. И в эти минуты Вера истово молила Бога лишь об одном: чтобы он вернул Максима живым сюда, в их тесную казенную квартирку на окраине Москвы. Чтобы снова долгими вечерами она поджидала его у окна, высматривая среди редких поздних прохожих знакомую фигуру в военной форме. Встречала в прихожей, смахивала с бушлата приставшие снежинки. Сажала за узкий кухонный столик. Накладывала в тарелку душистую разваристую картошку. А после, когда он безмятежно засыпал, осторожно гладила в темноте колкий ежик волос, слушала близкое, ровное дыхание.

...Стиснутая разгоряченной людской массой, Вера пробиралась вдоль тесной вереницы торговых рядов. Розовые шматки мяса сменялись аккуратными горками фруктов, следом тянулись прилавки с пучками зелени, пупырчатými огурцами, тугими сочными помидорами. Между рядов, плотно зажата, клокотала толпа, облепляла павильоны и прилавки, приценивалась, покупала, медленно текла дальше.

Пробившись в дальний угол рынка, Вера свернула к притулившимся на отшибе лоткам. Маленький островок между столиком с ворохом белья и причудливой этажеркой, уставленной обувью, еще пустовал, и она облегченно вздохнула, спешно вырываясь из вязкой гущи толпы.

— Мы уж думали, ты не придешь. — Грузная, вечно надуленная Людка слегка качнулась в ее сторону. — Проспала, что ли? Гляди, а то без места останешься... — Она лениво затянулась сигаретой, щуря выпуклые, водянистые глаза.

— Да ладно тебе! — Немолодая, усталая Полина бросила недружелюбный взгляд в сторону товарки. — Успела и ладно, не век ей здесь торговать.

— Мне-то что? Я так... — Та нарочито-равнодушно пожала плечами и отвернулась, рассеянно оглядывая соседние прилавки.

Тем временем Вера уже достала из сумки припасенный лист картона и аккуратно раскладывала на нем свой нехитрый товар. Пушистые байковые ползунки соседствовали с пестрым, сшитым из разноцветных лоскутков передником. Тут же находились теплые детские носочки, нарядная бирюзовая блузка, пара кухонных прихваток, непривычно пятнистых, сшитых из старого камуфляжа Максима. Последним на свет был извлечен потрепанный плюшевый мишка, которого Вера спешно сунула хныкающему Пашке, и тот, сразу же успокоившись, прижал игрушку к груди, хлопая круглыми голубыми глазами.

— Не узнавала насчет своего? — спросила Полина, добродушно наблюдая за ее приготовлениями.

— Да вроде жив-здоров. — На мгновение на лице Веры промелькнула тревога. — Вчера звонила в часть, сказали, что все в порядке пока. Только вот про зарплату по-прежнему не слышно... — и тут же замолчала, обреченно опустив глаза. Задержка и без того невеликого денежного довольствия Максима и была той причиной, что заставила ее оказаться здесь, среди рыночной толчеи, недобрых взглядов, пронизывающего ветра, в надежде заработать на пропитание.

— Ничего, вернется — будь здоров огребет! — хмыкнула Людка. — Им там, в Чечне, говорят, по тысяче долларов в месяц платят! Как короли заживете!

— До этих долларов еще дотянуть надо, — невесело отозвалась Полина, — а то, может, и не дадут. Обещать все горазды!

— Ладно прибудеться-то! — не унималась Людка. — У нее жизнь не чета нашей. При квартире да при муже! Это мы с тобой как проклятые — без регистрации да без всего по углам мыкаемся в этой Москве...

Не желая участвовать в очередном назревающем споре, Вера отвернулась, начав по новой копаться в сумке. Достала и вновь убрала небольшой термос, пакет с парой бутербродов и печеньем для Пашки. На секунду замерла и тут же с досадой вздохнула: в утренней суете она напрочь забыла о приготовленном с вечера кулье с костями для Паленого.

Никто не знал, откуда появился на рынке этот огромный красавец пес, "кавказец" темно-рыжего окраса, с неровной подпалиной на боку. Быть может, был брошен хозяевами, лишенными возможности прокормить его, или же оказался на улице после смерти одинокого старика, будучи его последней радостью на исходе дней. В отличие от других собак, бесчисленными стайками шнырявших по рынку, Паленый вел себя иначе. Он не ластился к торговцам, не выпрашивал подачек. Не подпускал к себе никого из окружающих, упреждая их угрожающим оскалом огромных белых клыков. Казалось, в его собачьей душе затаилась неведомая обида на людей, нанесенная ему в его прошлой жизни. Он словно презирал их, демонстративно не замечая никого вокруг. Никого, кроме Пашки.

...Это случилось неделю назад. Паленый, вынырнув из бурлящего людского потока, неспешно бежал вдоль тесно сгрудившихся прилавков. И в тот момент, когда он на секунду поравнялся с Верой, дремавший в коляске Пашка вдруг оживился, залопотал, подался вперед, и Паленый, словно наткнувшись на что-то, замер. Медленно подошел, обнюхал раскрасневшееся от ветра личико. А после неожиданно лизнул Пашку в маленький, смешно вздернутый носик и опустил ему на колени свою большую лобастую голову.

С тех пор не проходило и дня, чтобы Паленый хотя бы на минуту не забегал в дальний закуток рынка. Заботливо обнюхивал Пашку, добродушно глядел карими с зелеными искорками глазами. А тот, радостно улыбаясь, тербил пса за пушистый загривок, завороченно дотрагивался до влажного носа, белоснежных клыков, нежно-розового языка. И в эти мгновения Вера чувствовала, как отступает тревога, исчезает мучительная тоска, а уставшее за долгие месяцы ожидания сердце вновь наполняется забытым теплом.

— Вот и я говорю, что мы здесь второй сорт для москвичей этих зажавшихся. Ничего, отольются им наши слезы! — заключила Людка, бросив неприязненный взгляд поверх плоских крыш павильонов на возвышавшиеся вдалеке дома, словно там затаился виновник всех ее несчастий. Перевела дух, запахнула платок и отошла, нервно дымя сигаретой.

— Муса приходил. — Полина, улучив момент, незаметно приблизилась к Вере. — С полчаса здесь отирался, тебя, видать, высматривал.

— И что? — Вера почувствовала, как тревожно забилося сердце, а по спине пробежал колючий холодок.

— Да то, что не отстанет он. — Полина вздохнула. — Он и так на тебя зуб имел, а как узнал, что твой в ихних краях воюет, так пуще прежнего взъелся.

— Откуда он узнал? — ошарашенно произнесла Вера. — Я вроде не говорила никому, кроме тебя и ее... — Она кивнула на стоявшую в стороне Людку.

— Она ему и доложила, — невесело усмехнулась Полина. — Она же здесь главная доносчица. И тебя в придачу невзлюбила...

Вера, сникнув, молчала. Муса, главный среди верховодивших на рынке кавказцев, который день не давал ей покоя, требуя непомерную плату за место. Все попытки объяснить ему свое безысходное положение, просьбы немного повременить, обещания через день-другой покинуть рынок наталкивались на неумолимый взгляд цепких холодных глаз, от которого бросало в дрожь и хотелось в одночасье исчезнуть из этого мрачного людского скопища. Это желание возникало все чаще, особенно после последнего, вчерашнего разговора с Мусой, когда он недвусмысленно пообещал ей "поговорить по-другому". Она ничуть не сомневалась в реальности угрозы, и лишь полное безденежье вынудило ее опять прийти сюда, втиснуться в брешь между лотками, робко и виновато глядеть в равнодушные лица людей.

— Ав! — неожиданно встрепенулся Пашка. — Ав! Ав! — повторил он, привстав в коляске, и в тот же момент Вера увидела Паленого.

Упруго ступая на мощных широких лапах, он неторопливо рысил, поводя по сторонам крупной, чуть заостренной мордой. Пышная, с огненным отливом грива кольхалась в такт тяжелой, размеренной поступи. В каждом его движении чувствовалась готовность к мгновенной атаке, сокрушительному броску. Следом на почтительном расстоянии, визгливо лая, семенили местные шавки, а Паленый, не устаивая их вниманием, продолжал свое величавое шествие.

У крайнего павильона он резко свернул в сторону и оказался возле Пашки. Помахивая пушистым, скрученным в кольцо хвостом, привычно лизнул малыша в пухлую щеку, и Пашка, ухватившись за холку, доверчиво прильнул к мохнатой голове пса, лопоча что-то на понятном лишь им двоим языке.

— Паленый... — Вера робко шагнула к нему, и он впервые не остановил ее упреждающим рыком. А когда она осторожно коснулась его колючего загривка, внезапно подался вперед, уткнувшись ей в колени, словно ребенок, ищущий утешения.

— Ну что ты, Паленый?... — растерянно вымолвила Вера. — Что с тобой, мой хороший?

Она склонилась над ним, заглянула в глаза и замерла. В них было столько тоски и боли, будто нечто таившееся в нем разом выплеснулось наружу. Быть может, давняя утрата или предательство тех, кому долгие годы он служил верой и правдой.

Это длилось мгновение. Паленый, словно смутившись мимолетной слабости, спешно отступил назад. Тряхнул головой, двинулся прочь тяжелой рысью. И Вера внезапно испытала щемящую нежность и сострадание к этому одинокому, брошенному псу, чужому, как и она сама, в большом и жестоком городе.

— Папа! — вдруг отчетливо произнес Пашка. Вера, вздрогнув, тотчас же устремила взгляд в толпу, где среди вороха одежд мелькнул пятнистый армейский бушлат.

Молодой прапорщик неспешно двигался вдоль торговых рядов, весело оглядывая их пестрое убранство. Время от времени он оборачивался к шедшей рядом девушке, что-то насмешливо говорил ей, указывая на прилавки, и та улыбалась, кивала в ответ. И пока они приближались, то исчезая, то вновь появляясь среди пестрой людской массы, Вера успела разглядеть знакомый малиновый кант на фуражке прапорщика. Такую же носил Максим.

— Вот это да! — Прапорщик остановился возле Веры, восторженно глядя на камуфлированные прихватки. — Это что, кухонная утварь для военных?

— В общем, да... — Вера робко улыбнулась в ответ.

— Класс! — еще больше восхитился прапорщик. — И почему?

— По шесть. За две — десять.

— Берем! — радостно заключил прапорщик. — И где же вы такие раздобыли? — поинтересовался он, доставая бумажник.

— Сама сшила. Из старой формы мужа.

— А он военный, что ли? — Прапорщик удивленно вскинул черные брови.

— Военный.

— А вы, значит, здесь обосновались. — Он весело подмигнул Вере. — Хорошее дело, да вот только замерзнешь тут да и малыша заморозишь.

— Приходится. — Вера вздохнула. — Мужу в части зарплату задерживают, а сам он в Чечне сейчас.

С лица прапорщика исчезло прежнее беззаботное выражение. Теперь он смотрел на Веру озабоченно и тревожно, словно внезапно увидел то, что творилось у нее на душе.

— И давно он там? — утратившим былую насмешливость голосом спросил он.

— Три месяца. Скоро вернуться должен, — ответила Вера и, не сдержавшись, добавила: — Каждый день жду. Только бы не случилось чего...

Прапорщик понимающе кивнул. Молча, растерянно глядела на Веру и его спутница, будто вдруг увидела в

ней себя. Свое будущее, предстоящие разлуки и тревожные ожидания.

— Возьми! — Прапорщик протянул Вере пятидесятирублевку. На мгновение задумался. Достал из сумки пакет с печеньем, положил на колени Пашке. — Это твоему карапузу к чаю! — сказал он. — Все будет хорошо. Держись, сестренка!

Прапорщик подхватил под руку девушку, вновь исчезая в кипящем водовороте толпы. А Вера, глядя им вслед, безмолвно благодарила этих людей, ставших в одночасье близкими. Страстно желала, чтобы судьба уберегла прапорщика и его подругу от войн и разлук, невзгод и утрат.

Вновь порывисто задул ветер, и вместе с ним Вера ощутила, как медленно угасает недавняя радость, уступая место неясной тревоге. Тревога надвигалась, подобно грозовой туче, глухо рокотала раскатами грома, вклиниваясь в привычный гул толпы резкой гортанной речью.

От крайнего павильона неспешно приближались несколько человек. Черноволосые, в одинаковых, будто обрезанных по пояс куртках, они уверенно шагали, надменно и властно взирая по сторонам. В центре группы заметно выделялся Муса — высокий, с крупным перебитым носом, кустистыми смоляными бровями, из-под которых холодно блестели угрюмые глаза. Рядом грузно косолапил его ближайший подручный Аслан, что-то торопливо говорил ему, поминутно скаля редкие желтоватые зубы. Следом двигались двое других кавказцев — молодые, смуглолицые, в дорогих, сдвинутых на затылки шапках. Встречные люди спешно уступали им дорогу, другие, стоявшие за прилавками, почтительно здоровались, вымученно улыбаясь, бросали вслед боязливые взгляды.

Оттеснив в сторону замешкавшуюся старушку, кавказцы остановились возле Веры. Разом смолкнув, обступили полукругом, нетерпеливо поглядывая на Мусу. Мгновение помедлив, тот шагнул к Вере, уставившись на нее холодным, немигающим взглядом.

— Ну, — нарушил он затянувшееся молчание, — что скажешь?

Он говорил негромко, с нарочитым спокойствием, но, едва услышав его хрипловатый, похожий на клекот голос, Вера почувствовала, как сердце болезненно сжалось, словно к нему прикоснулись отточенным лезвием.

— Да я сегодня последний день... — спешно заговорила Вера. — До обеда постою, и все...

— Ты что, не понимаешь, о чем я? — Муса изобразил на лице удивление. — Платить когда будешь?

— Да с чего платить?..

— "С чего?!" — в голосе Мусы послышалась затаенная угроза. — У своего займи! Им там за то, что наших убивают, "зелеными" платят! — Его глаза сверкнули ог-

нем, на худом, поросшем синеватой щетиной лице резко обозначились скулы.

— Ну нет у меня сейчас денег! — Вера бросила отчаянный взгляд в толпу, где вдалеке, исчезая за поворотом, мелькнула фуражка прапорщика. — Ни копейки нет!

— Это твои проблемы! — отчеканил Муса. — За место платить надо! Ты и так задолжала, уже неделю здесь шакалишь!

Он смотрел на нее холодным, недвижным взором. Тонкие губы сжались в едва различимую полоску. Набывчив головы, глядели на Веру и остальные кавказцы, готовые по первому слову, взгляду вожака броситься на нее.

— Да поймите же! — Голос Веры предательски дрогнул. — Мне ребенка кормить не на что... — Словно утопающий за соломинку, она цеплялась за последнюю надежду пробудить в Мусе хоть каплю жалости, уговорить отпустить ее с миром.

На миг в глазах Мусы исчез беспощадный блеск. Жесткие губы тронула легкая усмешка, будто он вдруг вспомнил нечто забавное, способное остудить его злость, смягчить неприязнь к измученной нуждой женщине.

— Понять можно, почему не понять, — произнес он, цепко, с головы до ног оглядывая Веру. — Женщина ты ничего, даже красивая, можно сказать. — Муса многозначительно усмехнулся. — Приходи сегодня вечером, договоримся!

Он рассматривал ее с небрежным любопытством, как приглянувшийся товар. Похотливо ощерившись, жадно впились глазами в Веру и его земляки, похожие на хищников, почуввавших добычу. И на мгновение растерявшись от их возбужденных, полных животной страсти взглядов, Вера тотчас же задохнулась от приступа жаркой ненависти к тем, чьи сородичи, быть может, в этот момент в далеких горах целятся в ее Максима.

— Пошел ты... — Слепящая ярость бросила Веру вперед, и Муса невольно отступил. На миг в его глазах отразилась растерянность, но тут же сменилась прежним холодным блеском.

— Ты это зря сказала... — хрипло процедил он и, обернувшись к Аслану, что-то коротко бросил ему. Тот кивнул, шагнул к Вере, поддевая ногой картонку с товаром.

Блузка, фартук, ползунки ploхнулись в серо-коричневую жижу. Следующий пинок пришелся по коляске. Дремавший Пашка испуганно встрепенулся, выронил мишку. Разом оцепенев, Вера смотрела, как квадратный ботинок ploщит игрушку, отбрасывает под соседний прилавок, а мимо равнодушно спешат люди. Изредка бросают в сторону Веры робкие взгляды и тут же отворачиваются, убыстряя шаг.

Пронзительно заверещал Пашка, и в следующую секунду сильный толчок опрокинул Веру навзничь. На миг она потеряла сознание, растворившись в багровом тумане. Превозмогая боль, попыталась подняться, но тяжелый башмак Аслана вновь прижал ее к мерзлomu, залитому жижей асфальту. И заново проваливаясь в черную пустоту, Вера собрала последние силы, исторгнув из груди отчаянный крик.

Сквозь боль и кровавую пелену она вдруг услышала легкий дробный топот. Он нарастал, приближался, и вслед за ним из вязкого людского варева вырвался огненный смерч, пронесся над Верой, круша и сметая ее мучителей.

Рухнул, лапая окровавленный бок, Аслан. Словно отброшенный взрывом, отлетел Муса. А смерч продолжал метаться, наполняя тесный закуток хрипом, стонами, звуками падающих тел.

...Паленый пружинисто отпрянул назад, не сводя напряженного взгляда с высокого молодого кавказца. Тяжело дыша, тот медленно наступал, сжимая в руке остроконечный железный прут. В очередной раз шагнул вперед, резко ударил, метая в широкую грудь пса, но, опережая противника, Паленый вцепился в него, швырнул на землю. Встал над поверженным врагом, торжествуя оскалив окровавленные клыки.

Короткий металлический ляг вывел Веру из оцепенения. Пришедший в себя Муса, приподнявшись на локте, целился в Паленого из пистолета. Прижимая к груди плачущего Пашку, Вера в ужасе смотрела, как смуглый костистый палец медленно давит на спуск и черное, с хромированным ободком дуло медленно расширяется.

Раскатисто грохнул выстрел, но мгновением раньше Паленый обернулся и стремительно взлетел, в сокрушительном броске смятая Мусу...

Запрокинув голову, Муса недвижно лежал, устремив в небо выпученные глаза. Полуоторванная кисть, все еще сжимавшая пистолет, висела на сухожилиях. Паленый медленно полз, грузно заваливаясь набок, оставляя на снегу липкий кровавый след. Поравнявшись с Верой, на секунду замер, поднял на нее полные боли глаза, глухо заскулил, уполз, исчезая в узком проходе между прилавками.

А на выстрел уже бежал милиционер, тревожно озирался, расстегивая на ходу кобуру...

Словно в бреду, она добралась до дома. Наскоро покормив, убаюкала Пашку. Лежала, отрешенно глядя, как из-за задернутых штор тускло сочится полоса холодного света.

Пронзительно зазвонил телефон. Очнувшись, Вера недоуменно вслушивалась в непривычно частые, пре-

рывистые трели. Опомнившись, вскочила, схватила трубку.

Звонил Максим. Сквозь оглушительный треск она не смогла разобрать слов, лишь поняла, что сегодня он вылетает из Моздока и утром будет в Москве.

В трубке звучали короткие гудки отбоя, а Вера все еще сжимала ее в руке, чувствуя, как по лицу горячими ручейками текут слезы...

ЧУЖАЯ СУДЬБА

Двери-гармошки со скрипом захлопнулись. Троллейбус, натужно загудев, тронулся, исчезая в гуле и блеске проспекта. С минуту Цветаев задумчиво стоял, щурясь от рыжих солнечных лучей, слепяще-ярких, но уже утративших прежнее тепло. Осень еще только вступала в свои права, робко позолотив кроны деревьев, однако в воздухе с каждым днем все явственней ощущался запах увядающей листвы, близких дождей и холодов.

Докурив сигарету, он неспешно зашагал к серокаменной глыбе старого, довоенной постройки дома, угрюмо нависшей над сгрудившимися вокруг пятиэтажками. Миновал холл, поднявшись по лестнице, привычно толкнул дверь офиса.

Сидящий при входе охранник предупредительно поднялся из-за стола.

— Доброе утро, — сдержанно улыбнулся он и, чуть помедлив, добавил: — С днем рождения вас!

— Спасибо, Николай! — Цветаев благодарно пожал ему руку. — Ты первый, кто меня сегодня поздравил. Спасибо.

Снимая на ходу плащ, он прошел в свою комнату. Опустился за стол, откинулся в кресле, рассеянно слушая шум улицы за окном, где наполнялся деловитой суетой утренний город и, подобно огромной реке, гнал сквозь каменное русло потоки людей и машин. Здесь начинал свое течение очередной наступивший день, оставивший позади еще один год его, Цветаева, жизни.

— А вот и наш именинник! — Полежаев, финансовый директор, картинно застыл на пороге. — А я думал, тебя не будет сегодня. День рождения, как-никак!

— Это он специально пришел, чтобы с нами его отметить! — Миниатюрная, хрупкая Лена, вынырнув из-за широкой спины финдиректора, задорно подмигнула Цветаеву: — Правда?

— Правда, — поспешно согласился Цветаев. — Дома еще напразднуюсь за выходные, а вот на работе — в первую очередь надо.

— Особенно если торжество двойное, — заметил Полежаев. — День рождения и годовщина свадьбы. Как говорится, два в одном!

— Поздравляем тебя! — Лена, наклонившись, торпливо чмокнула Цветаева в щеку. — Всего-всего тебе!..

— Здоровья и денег побольше! — добавил Полежаев.

— Спасибо! — Цветаев смущенно улыбнулся. — Слушай, Володя, ты на машине сегодня?

— Как всегда.

— Тогда сможешь в обед продукты привезти?

— Какой разговор! — кивнул Полежаев. — Конечно, съездим.

— А я стол накрыть помогу, — добавила Лена. — Так что не переживай.

— Отлично! — заключил Цветаев. — Значит — гуляем!

— Грех не погулять по такому случаю! Все-таки тридцать три — возраст Христа, — многозначительно произнес Полежаев. — Говорят, в эту пору у мужчины наступает прозрение и осмысление прожитых лет.. Ладно, пошли, Ленка! — Он шагнул к дверям. — Работы до черта, надо сегодня пораньше закончить.

Цветаев остался один. Сидел, вспоминая тот прошлогодний сентябрьский день. Черный автомобиль, увитый нарядными лентами с золотистыми кольцами на крыше. Торжественно-строгое убранство Дворца бракосочетаний, браурные звуки марша. Татьяну в белоснежном, усыпанном блестками платье с пышным букетом роз, ее лучистый, любящий взгляд. И как радостно и светло было у него на сердце оттого, что все наконец свершилось и впереди ждут долгие счастливые годы.

Встреча с Татьяной положила начало крутому повороту в судьбе Цветаева, его превращению из бывшего немущего офицера в сегодняшнего уважаемого сотрудника солидной фирмы, чей месячный заработок превышал прежнее денежное довольствие за полгода; сменившего казенный мундир на дорогой заграничный костюм, а тесную комнатку в общежитии на уютную, со вкусом обставленную квартиру.

Сейчас, когда остались в прошлом бесконечные вызовы по тревоге, унылый казарменный быт, задержки и без того мизерной зарплаты и прочее, успешнее изрядно надоест за двенадцать лет службы, он все больше осознавал, какой подарок послала ему судьба в образе Татьяны. А сегодня вместе с днем своего рождения он празднует годовщину новой, похожей на сказку, жизни, которую подарила ему эта женщина.

Он прикрыл глаза, желая вновь представить ее образ, но внезапно увидел другое, до боли знакомое лицо. Света в неброском, одолженном у подруги платье робко улыбается сквозь полупрозрачную фату. Смущенно держит его под руку, осторожно смахивает невидимую пылинку с его нового лейтенантского кителя.

Он вздрогнул, ошалело оглядывая комнату, словно искал неведомый источник, откуда вдруг просочился в сознание тот далекий день, его свадьба со Светой, первой женой. Той, о которой старался забыть, вычеркнуть из памяти вместе с офицерским прошлым.

Они встретились девять лет назад. Он учился на предпоследнем курсе военного училища, она работала лаборанткой в институте. Вначале он не придавал значения нечастым свиданиям, на которые приглашал ее больше от скуки. Монотонная жизнь в казарме, занятия, полевые выходы, беспрестанная муштра — все это требовало хоть временами отвлечься, пусть несколько часов, но побыть в ином обществе. Этим обществом, а точнее, человеком, с которым можно было поделиться своими радостями и печальями, спросить совета и просто поболтать о том о сем, развеяться, стала для него Света.

После летней сессии он, как и прежде, уехал на каникулы в свой маленький городишко за Уралом. И там, дома, окруженный вниманием и заботой матери, среди давних друзей вдруг остро ощутил, как не хватает ему этой, казалось бы, ничем не примечательной девушки, ее простодушия и непосредственности; тех часов, что проводили они вдвоем, гуляя по утопавшим в зелени улицам или по берегу Волги, замороженно глядя на январные солнечные блестки, вспыхивающие среди бескрайних волн.

Он вернулся в Саратов, не дожидаясь конца каникул. Прямо с вокзала позвонил ей на работу, и снова несколько часов они бродили по вечернему городу. Он держал Свету за руку, трепетно вдыхал душистый аромат ее волос, чувствуя, как замирает сердце и хочется, чтобы этот вечер никогда не кончался. А после, проводив девушку до дома, впервые за несколько месяцев знакомства робко поцеловал ее на прощание.

Через год они поженились. А еще через пару недель поезд унес их на север, в забытый Богом таежный поселок. Им выделили половину старой бревенчатой избы — небольшую комнату, с узким топчаном, покосившимся столом, древней, нещадно чадающей печкой. Он командовал взводом, через день уходил в караул, она устроилась работать в санчасть колонии, которую охранял его батальон. Он сутки напролет пропадал в тайге, выводил на работу осужденных, возвращаясь едва живым от усталости, с воспаленными глазами, искушенный комарами и мошкой. Она заботливо хлопотала вокруг него, помогала раздеться, кормила. По утрам вставала за полчаса до него, и, когда он просыпался, на столе уже аппетитно дымился незатейливый завтрак, а на подоконнике лежал сверток с едой, собранной ему на службу.

Два года спустя замкомбата, с которым они успели сдружиться, перебрался служить в Москву и сумел пробить перевод Цветаеву. Тогда, оказавшись в столице, Цветаев впервые почувствовал себя жалким и отсталым, непохожим на окружающих людей. Тут бурлила иная, неведомая до сей поры жизнь, пролетала мимо в роскошных автомобилях, надменно взирала с зеркальных витрин дорогих магазинов, дразнила мигающими огнями реклам и ночных клубов. А он, приехавший из глухого таежного края, растерянно смотрел на нее, величественно-недоступную, отторгавшую его и одновременно манящую в свой таинственный мир. Казалось, город бросал ему вызов, и он, молодой честолюбивый офицер, решил принять его. Не сломаться, доказать свое право на существование именно здесь. Стать таким же независимым, как большинство столичных жителей. Лишь Света впервые не разделяла его стремлений, а напротив, желала уехать от этой незнакомой, чуждой ей жизни, словно предчувствуя надвигающуюся беду.

Он очнулся от воспоминаний. Потянулся к компьютеру. Включил, отыскал нужный файл. Набрал пароль, и на экране вспыхнуло цветное изображение — сканированная фотография, на которой он, беззаботно-счастливый, обнимает Свету, держащую на руках трехмесячную Анютку. Пытливо, словно ища ответ на мучивший вопрос, Цветаев снова и снова разглядывал снимок, чувствуя, как что-то защемило в груди, обволакивая зыбкой тоской. Подобное он испытывал и раньше, когда писал рапорт об увольнении из войск, когда в суде, на разводе, наотрез отказывался примириться со Светой. И после, когда она вместе с Анюткой уезжала в Саратов к матери, а он изо всех сил подавлял в себе желание остановить ее.

Прежде он считал это блажью, проявлением слабости, но теперь, глядя на экран монитора, Цветаев внезапно поймал себя на мысли, что хочет вновь оказаться в том, канувшем в прошлое дне, рядом со Светой и Анюткой. Весело глядеть в объектив дешевого фотоаппарата в руках Юрки Андрейчука — начальника штаба и соседа по общежитию. Радоваться погожему дню, удачно совпавшему с редким выходным.

В коридоре послышались шаги. Опомнившись, Цветаев спешно выключил монитор, раскрыв лежавшую перед ним папку, сосредоточенно уставился в бумаги.

Дверь распахнулась. Генеральный, не старший, но уже порядком расплывшийся, грузно шагнул через порог. За его спиной, моложавый и бодрый, возвышался тесть.

Цветаев поспешно поднялся навстречу.

— Вольно, майор! — добродушно усмехнулся генеральный. — Расслабься, здесь не армия. Почему в праздник и на работе? — Он вопросительно изогнул тонкую смоляную бровь.

— Да вот, перед выходными решил кое-что перепроверить, — поспешно ответил Цветаев, — и бумаги вчерашние еще раз просмотреть надо...

— Ты что же, сам себе не доверяешь? — с тем же напускным удивлением произнес генеральный.

— Да нет, почему же... — Цветаев неопределенно пожал плечами.

— Вот она — военная косточка! — Генеральный, обернувшись к цветаевскому тестю, гордо вскинул голову. — За работу переживает больше, чем за себя. Не за деньги — за совесть привык пахать! Поздравляю! — Он протянул Цветаеву конверт. — Семейного счастья тебе, здоровья и благополучия во всем! И чтобы мы тобой и впредь гордились!

— Спасибо, Андрей Леонидович, — растроганно произнес Цветаев, — постараюсь оправдать пожелания. Приглашаю вас сегодня в пять...

— Благодарю, но это вряд ли. — На лице шефа отразилась едва заметная досада. — Мне во второй половине дня в мэрию ехать, так что, видимо, не смогу. Но вы тут без меня не скучайте — веселитесь, отдыхайте! До среды на работе можешь не появляться. Отдыхай, майор, это приказ! — Он дружески подмигнул, хлопнул Цветаева по плечу и, повернувшись, вышел.

— Ну, как настроение? — Тесть добродушно приобнял Цветаева. — Что такой невеселый?

— Все нормально, Владимир Иванович, — нарочито бодро произнес Цветаев. Не беспокойтесь.

— А я уж подумал, не случилось ли чего, всякое в жизни бывает.. Если что, не стесняйся, скажи. Ты же как сын мне. — Он пытливо взглянул на зятя, и тот на миг опустил глаза, словно испугавшись, что тесть прочтет в них его недавнее смятение, неясную тоску о прошлом.

— Таня придет сюда? — немного помолчав, спросил тесть.

— Нет, мы вечером вдвоем с ней отпраздновать решили.

— Тоже неплохо, — согласился тесть. — А завтра на дачу махнем! Я на днях коньяк добыл настоящий, армянский, с советских времен еще. Побудем втроем пару деньков, я ведь вас неделю почти не видел, соскучился.

— Хорошо. — Цветаев поспешно кивнул. — Конечно, съездим.

— Вот и ладненько. — Тесть устало опустился на стул. — Знаешь, я ведь только недавно за Танюшку спокоен стал, когда ты появился. Больше всего боялся, что подонок ей какой-нибудь попадет. Она ведь доверчивая, бесхитростная, как ребенок. Жаль, Катя не дожи-

ла, не увидела тебя, а то бы порадовалась за вас... — Он на миг потемнел лицом (мать Татьяны умерла семь лет назад, когда та только-только окончила школу, и тесть, безумно любивший жену, казалось, так и не смирился с ее смертью). Чуть помолчал и добавил: — Детишек бы вам еще, да, видно, не судьба...

— Да не расстраивайтесь. — Цветаев участливо коснулся его руки. — Не главное это...

— Может, и не главное, да только не уберегли мы дочку нашу тогда... — Тесть обреченно опустил голову. Сникший, враз постаревший, он выглядел потеряннным и беззащитным, и Цветаев вдруг испытал перед ним неясную вину. Растерянно смотрел, мучительно искал и не находил слов сочувствия, утешения.

— Ладно, извини. — Тесть встал, выпрямился, вновь обретая прежнюю силу и твердость. — Не буду тебе душу травить. Кстати, — спохватился он, — звонил я вчера Леонову в управление — загранпаспорт твой готов, так что в отпуск слетаете с Танюшкой куда-нибудь. Ты ведь кроме таежных гарнизонов и не видел ничего... — Он взглянул на часы и спешно добавил: — Пора мне, через час в мой офис шведы приезжают. Давай, сынок, до завтра...

Проводив тестя, Цветаев вернулся к столу, заглянул в оставленный генеральным конверт. Несколько секунд равнодушно смотрел на баксы. Не пересчитывая, убрал их в портмоне, опустился в кресло, тупо уставившись в пустоту.

Слова тестя еще больше разбередили душу. Он знал, что им не суждено иметь детей, но старался не думать, не вспоминать об этом. Теперь же, когда тесть нечаянно коснулся этой темы, Цветаев снова ощутил забытую боль, и ее причина крылась не в давней болезни Татьяны, а в чем-то ином, связанном с ним, Цветаевым, с сегодняшней годовщиной его второй свадьбы. И еще с чем-то далеким, начавшимся со времени его перевода в Москву...

* * *

... В один из вечеров, вернувшись со службы, он скоро перекусил и, переодевшись в единственный, купленный с прошлогодних отпускных костюм собрался отправиться на встречу с приятелями. В этот момент домой вернулась Света, ходившая в поликлинику с Анюткой. Окинув его недовольным взглядом, устало спросила:

— Опять уходишь?

— Да, у Валерки сегодня застолье намечается, — топливо ответил он. — Просил прийти, неудобно было отказываться.

— У тебя вечно причины найдутся, чтобы из дома уйти, — вздохнула жена. — Тебе до семьи дела нет, только о приятелях своих думаешь!

— Ладно, Светка, ты опять, смотрю, начала! — раздраженно произнес он. — Хочешь, чтобы я все время дома с вами торчал? Пойми, мы в Москву попали, здесь столько интересного, столько возможностей жить по-другому!

— По-другому — это как? — Она непонимающе взглянула на него. — Типа Валерки твоего, по кабакам да по девкам?

— Да при чем здесь девки?! — с досадой воскликнул он. — Просто должно быть хоть какое-то разнообразие! Служба — дом, служба — дом... Спятить можно! Не могу я так больше жить! Чем я хуже других, которые могут себе позволить отдохнуть по-человечески?

— Да что ты говоришь? — возмущенно произнесла она. — Ты же сам рассказывал, что Валерка твой тот еще хмырь! Устроился служить у папочки под боком и в ус не дует. На службе не появляется, все делишки свои крутит, а другие за него вкалывают!

— Совесть поимей! — срываясь на крик, выпалил он. — Валерка нас в Москву перетащил, а то бы до сих пор сидели в своей дыре таежной!

— Да мне в тайге в сто раз легче было! — воскликнула она. — Ты здесь чужой совсем стал, на нас с Анюткой тебе наплевать... Уехать бы совсем из Москвы этой проклятой!

— Уехать?! — зло перебил он. — Нет уж, дудки! Не для того я два года комаров кормил, чтобы обратно в глушь какую-нибудь возвращаться!

— Я уже устала с тобой спорить, — со слезами в голосе вымолвила она. — Можешь идти на все четыре стороны! Мне такая жизнь тоже не нужна!

— На все четыре, говоришь?! Ладно, я пошел! А ты сиди как клуша, может, чего и высидишь! — Он со злостью хлопнул дверью, выскочил на улицу, в дождливый осенний вечер.

Цветаев давно чувствовал, что устал от подобного существования. Рутинная служба, унылый, неустроенный быт полностью выбивали его из колеи. Он как мог стремился бежать прочь от опостылевшего бытия в бурлящий водоворот столицы. Обрел новых приятелей, энергичных и деловых, не похожих на сослуживцев. Бывал на презентациях, банкетах, модных концертах, отирался среди солидных, уважаемых людей. Восторженно слушал их непринужденные разговоры о поездках на Кипр, Гавайи, в Египет, о романтических круизах по Средиземноморью. Зачарованно смотрел на их красивых, нарядных спутниц, жадно вдыхал терпкий аромат дорогих духов. А после... После возвращался в свою общарпанную комнатку в общежитии, с расстрескавшимся потолком, исцарапанной казенной мебелью, где встречала его замученная, раздраженная Света, а в кроватке жалобно плакала вечно болеющая Анютка. С каждым днем это все сильнее угнетало его, он чувствовал, как между ним и Светой разрастается

невидимая пропасть, что его частые отлучки все больше удаляют его от семьи, но был не в силах остановиться. Иной мир, существовавший за пределами части, притягивал его подобно магниту.

Он стал все реже бывать дома. Демонстративно холодно разговаривал со Светой, уделяя внимание лишь Анютке. После очередного скандала подал на развод, а еще через месяц встретил Татьяну...

Цветаев поднялся из-за стола, подошел к окну. Стоял, не понимая, откуда нахлынула на него эта мучительная ностальгия. Почему прошлое, старательно забытое, снова берedit душу, словно там оставлено нечто важное, не понятое или не разгаданное им в будничной суете.

Он вспоминал службу, но не утомительные будни, нервную суматоху перед приездом проверяющих, хроническое безденежье, занудливых командиров, а солнечный летний день, когда у него родилась дочка и все в полку наперебой поздравляли его, а вечером несли к нему домой пеленки, распашонки, нарядные костюмчики и игрушки. Как комполка выделил свою машину, чтобы привезти из роддома Свету и Анютку, а через день лично пришел в общежитие и принес в подарок новенькую прогулочную коляску и огромного плюшевого медведя.

Он вспоминал Свету, но не семейные склоки последних лет, обидные слова, унижительную процедуру развода, а берег Волги, янтарные солнечные блески, вспыхивающие среди бескрайних волн, когда он робко обнимал ее и она доверчиво склоняла голову ему на плечо. Тот зимний вечер в северном поселке, когда, смертельно уставший, он вернулся из тайги, где трое суток кряду они ловили сбжавших зеков, и Света бережно смазывала гусиным жиром его обмороженное лицо, а когда ночью у него открылся жар, не смыкала глаз до утра: меняла мокрую тряпицу на лбу, поила лекарствами, успокаивала, как ребенка, когда он начал бредить. Он вспоминал дочку, испытывая не прежнюю светлую грусть, а мучительную тоску и боль, от которой хотелось выть, подобно смертельно раненному, попавшему в западню волку. И он не знал, как унять эту тоску, как вырваться из невидимой западни.

С Полежаевым они поехали за продуктами в фирменный универсам, находившийся по соседству с его бывшей частью. Тот предусмотрительно припарковал машину за универсамом, во дворе жилого дома, рядом с КПП полка.

— Здесь надежнее, — пояснил он. — А то на проспекте того и гляди кто-нибудь вцепится, — и Полежаев любовно коснулся своей новенькой серебристой "Ауди". — Жалко будет, если покорежат.

— Жалко, — согласился Цветаев. — Знаешь, как говорит, береженого Бог... — Он загнулся, услышав знакомую трель мобильного телефона.

— Это я, — мягко прошелестел голос Татьяны. — Как ты?

— Все путем. Вот за продуктами поехали, — ответил он. — Может, приедешь все-таки на банкет?

— Да нет, у меня еще на работе куча дел. Давай лучше, как договаривались. Ты, главное, там не сильно пей — дома еще продолжение будет. Ну все, целую. Пока...

— Что, супруга соскучилась? — подмигнул Полежаев. — Медовый месяц плавно перетек в медовый год?

Цветаев хотел привычно отшутиться, но внезапно замер: со стороны проспекта к КПП приближался рослый офицер. Он размашисто шагал, то и дело поглядывая на часы. Цветаев не мог различить его лица, но издали военный чем-то напоминал начальника штаба Юрку Андрейчука, с которым без малого пять лет они прожили по соседству. И теперь, напряженно вглядываясь в фигуру военного, Цветаев чувствовал неловкость перед армейским другом. Стыдился своего лощеного вида, что ли, дорогой одежды, изящного мобильника... И почему-то желал, чтобы бывший сослуживец не узнал его.

Он спешно отвернулся, двинулся в сторону магазина. Краем глаза заметил, как военный, равнодушно пройдя мимо, скрылся за дверями КПП.

— Ты куда так припустил?! — услышал он голос Полежаева. — Меня-то хоть подожди!..

Цветаев увольнялся из войск спустя три месяца после отъезда Светы. За это время он успел полностью перебраться к Татьяне и обжиться на новом месте. В последний день, когда были сданы дела, его неожиданно вызвал комполка.

— Я не имею права приказать тебе... — Полковник сделал привычный жест, приглашая Цветаева садиться. — И уговаривать остаться больше не буду: без толку, сам вижу.

— Это верно, — подтвердил Цветаев, умышленно оставшись стоять. — Я давно решил: контракт не продлевать.

— Понятно, — кивнул комполка. — Но я сейчас о другом. У Андрейчука мать в тяжелом состоянии, ему срочно надо ехать. Так вот, — повторил он, — приказать я не могу, потому прошу тебя — подмени его на недельку-другую. Мне его, сам знаешь, заменить нечем: Валева в госпитале, Заварзин в Чечне... Выручай!

— А кто меня выручит? — враждебно процедил Цветаев. — Мне с третьего числа на новую работу выходить! Или что думаете: ждать меня там будут?! Нет, хватит! Я свое отбаранил!

Комполка тяжело вздохнул:

— Не мне судить тебя — жизнь рассудит. Только не понимаешь ты... — Он взглянул на Цветаева с каким-то странным сожалением. — Не понимаешь, что не службу и семью ты бросаешь — сам от себя бежишь очертя голову. Ладно! — Полковник, словно опомнившись, посурировал. — Хватит об этом. Свободны, майор! Можете идти.

* * *

Стать военным Цветаев мечтал с детства. Пытался поступить в суворовское училище и долго переживал, что не приняли. На время пытался настроиться на иной лад: после окончания школы поступил в институт, но спустя неполных два года бросил. Вскоре стал курсантом и в течение многих лет не жалел о своем выборе. Пока судьба не забросила в Москву...

* * *

Он возвращался домой после шумного застолья. Шел хмельной, в серых морозящих сумерках, с наслаждением подставляя лицо освежающим брызгам. Сознание было окутано сладковатым туманом, в котором растворились недавняя тоска, сумрачные раздумья, мучительная ностальгия. Он бодро шагал по влажному асфальту, мысленно все еще находясь за праздничным столом, среди сотрудников. Слушал их торжественные речи и пожелания, улыбался в ответ, благодарил.

Он шел мимо подсвеченных янтарных витрин, пестрых реклам, красочных вывесок. Мимо ресторана, откуда доносилась бравурная музыка и слышались возбужденные голоса. Мимо фирменного салона-магазина, в витрине которого красовались пышные меха, а на вершине крутилась, мигала реклама, разбрасывая в полумраке разноцветные сполохи. Мимо стеклянной призмы торгового павильона, где в глубине на прилавках были разложены аппетитные яства. Все, что еще недавно казалось недостижимым, ныне было доступно ему. Он двигался, окруженный великолепием города, не чувствуя себя чужим. Город признал его, впустил в свой заповедный мир. Уже не взирав на него свысока, а растялился у ног пестрым нарядным ковром.

Не доходя до перекрестка, Цветаев свернул во двор знакомого дома — длинной панельной громады с золотистой россыпью окон.

Двор был пуст, лишь впереди в млечном свете фонаря мелькнули две почти незаметные тени. Цветаев равнодушно глянул в их сторону, но вдруг неожиданно замедлил шаг, с каждой секундой все пристальней всмат-

риваясь в синеватый сумрак двора, где неспешно шли женщина с маленькой девочкой.

Затаив дыхание, он смотрел на них, узнавая этот неброский бежевый плащ, серую сумочку на плече, светлые, коротко подстриженные волосы. И в следующий миг сердце оглушительно забилося — это же его Света и Анютка!

...Незнакомая молодая женщина, отшатнувшись, тревожно смотрела на него. Рядом, испуганно прижавшись к матери, замерла девочка лет пяти.

— Извините, обознался... — сдавленно пробормотал Цветаев, отступая назад.

— Ничего-ничего... — Женщина облегченно вздохнула, ухватив за руку дочку, спешно пошла прочь. А он, разом сникший, утративший недавний пыл, растерянно смотрел им вслед.

* * *

Празднично накрытый стол благоухал ароматами. В центре перевитые ярко-розовыми лентами возвышались бутылки с шампанским. Драгоценно мерцал хрусталь, ярко пламенел нарядный букет роз. Цветаев в черном, с серебристым отливом костюме, под руку с Татьяной, картинно улыбался с большой фотографии, стоящей на серванте.

Цветаев спешно отвернулся. Стараясь не выдавать нарастающего раздражения, начал суетливо откупоривать бутылку. Нервно сдирал скользкую фольгу, с силой придерживал рвущуюся вверх пробку, но в последний момент рука дрогнула, и пеннистая струя с шипением распозлалась по скатерти.

— Ничего, ерунда, — успокаивающе улыбнулась Татьяна. — Давай за нас! — Она грациозно подняла бокал. — За наше счастье, чтобы этот год, который мы так славно прожили, продолжался вечно!

— За нас... — рассеянно повторил он, залпом опрокидывая в себя шампанское, и закашлялся, побледнел. — Извини, Танюша, я, видно, перебрал. Пойду прилягу. Не обижайся, ладно?

— Конечно... — растерянно вымолвила она. — Конечно, полежи...

Он прошел в спальню, не снимая одежды, рухнул на кровать. Прикрыл глаза рукой и увидел маленькую комматку офицерского общежития, Свету, Анютку. Он брал дочку на руки, и она заворожено дотрагивалась до золотых звездочек на погонах, блестящей кокарды на фуражке. Радостно улыбалась ему, маленькая, забавная.

...На его лоб осторожно легла ладонь, и он вздрогнул, как от удара.

— Ну как тебе? — участливо спросила Татьяна.

— Плохо... — глухо отозвался он. — Плохо мне... Плохо! — и, оттолкнув руку жены, уткнулся лицом в подушку.

...Глухой металлический лязг, подобно волне, прокатился по замершему составу. Клацнули сцепки, скрипнули колеса, перрон, качнувшись, плавно заскользил назад. Поезд набирал ход, выбираясь из каменных теснин городских кварталов.

Цветаев вернулся в купе, скинул пальто. Приблизился к зеркалу на двери, внимательно разглядывая свое осунувшееся лицо с остро выпирающими скулами и воспаленными шальными глазами.

Он отправил в Саратов два письма, полных раскаяния и любви. Не дождавшись ответа, решил ехать, упрямо веря, что все еще можно поправить.

Он вышел на привокзальную площадь. Наскоро сторговавшись с подвернувшимся частником, сел в потрепанный "жигуль". Откинулся на спинку сиденья, словно оттолкнулся от берега, готовый плыть на встречу судьбе.

Автомобиль неспешно катил по знакомым улицам. Возник и скрылся голый пустынный сквер. Промелькнул старый кирпичный дом с гулкой аркой. Блеснула вдали седая гладь Волги. Все казалось прежним, только давняя солнечная весна сменилась стылой промозглой осенью и на душе не было того ощущения беззаботного счастья.

Не доезжая до старого трехэтажного дома на окраине города, Цветаев попросил остановить машину. Какое-то время стоял, напряженно вглядываясь в знакомые окна над козырьком крайнего подъезда.

Подъезд был все тот же — темный, пахнущий сыростью. Лишь дверь квартиры оказалась новой, обитой дорогой импортной кожей, и это насторожило. Добротная кожа, фигурная ручка, бронзовая табличка с номером — все это говорило о достатке и благополучии, которого не могло быть в оставленной им семье.

Он робко нажал кнопку звонка. Мелодичная трель гулко отозвалась в квартире, растворившись в непроницаемой тишине. Он позвонил еще, но за дверью было по-прежнему тихо. Охваченный непонятым, с каждой секундой нараставшим волнением, он с силой вдавливал черный кругляшок, оглашая жилище незнакомой вихтеватой мелодией, вновь замирал, оглушенный грохотом собственного сердца.

— Ну чего звонишь? — Соседняя дверь чуть приоткрылась. — Нету твоего Асифа! С утра еще на рынок укатил! — Полная пожилая женщина устало и брезгливо глядела на Цветаева. — Шастают тут...

— Простите. — Цветаев виновато обернулся к ней. — Я к Соболевым. Мне Света нужна...

— Света? — удивленно протянула та, выходя на площадку. — Ее уж с полгода как нету здесь.

— А где же она?

— Уехала. Славка к себе увез, под Краснодар. Ее и Анютку.

— Какой Славка? — непонимающе спросил он.

— Муж ее, какой же еще-то! — Соседка лениво зевнула.

— Муж?! — ошарашенно переспросил Цветаев, чувствуя, как вдруг замерло отчаянно стучавшее сердце.

— Муж. Он давно за ней ходил, вот она наконец и решилась. Может, подождала бы еще, да Славка назначение новое получил — он ведь военный, ждать долго нельзя. Домой служить перевелся, а то без квартиры здесь сколько мыкался! А как расписались они, так через месяц и уехали. И мать с собой забрали — она болела все последнее время. А чего не забрать?! У него, чай, на Кубани дом собственный, места много.

— А адреса не оставили? — срывающимся от волнения голосом спросил Цветаев.

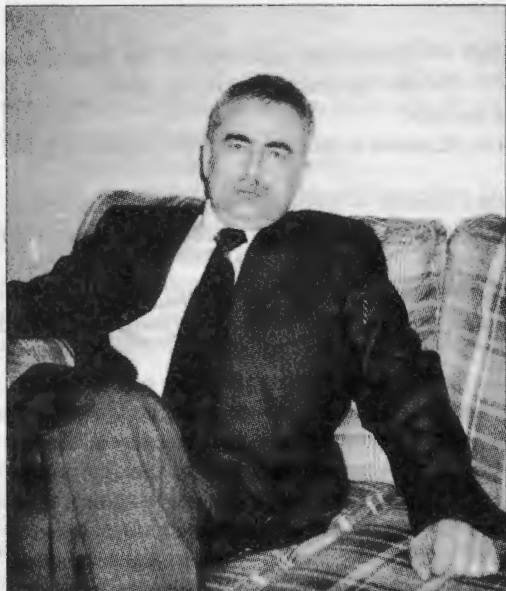
— Нет. Да и зачем мне адрес ихний? — Женщина равнодушно пожала плечами. — Своих забот полно. А квартиру Асифу этому продали, теперь вот от азербайджанцев проходу нет. Понаехали бестии!.. А ты сам-то кем будешь Светлане? — спохватилась она. — Родня, что ли?

— Отец я Анюткин, — глухо отозвался Цветаев.

— Отец? — Соседка недоверчиво взглянула на него. — Долго же ты ехал, отец...

Он не помнил, как снова оказался на улице. Медленно вышел во двор, тупо глядя в пустоту. Остановился, не в силах двинуться дальше, слепо щуря глаза.

— Вот так, — тихо прошептал он и сквозь мутную пелену слез вновь увидел женщину с маленькой девочкой, уходящих прочь в дождливый сентябрьский вечер. Отчаянно бежал за ними, но они неумолимо исчезали в серой морозящей мгле...

Данил КОРЕЦКИЙ:
**«У МЕНЯ НЕТ
НИ ОДНОГО
ДЕТЕКТИВА»**

Данил Корецкий... Мало кому из современных российских читателей не знакомо имя этого известного писателя и ученого. Данил Аркадьевич автор около ста научных работ, более трехсот газетно-журнальных публикаций, но самое главное — на сегодняшний день издано двенадцать его художественных книг общим тиражом 12 миллионов экземпляров, которые переведены на многие иностранные языки, начиная с болгарского и заканчивая... китайским. "Антикиллер" и "Оперативный псевдоним", "Пешка в большой игре" и "Акция прикрытия", "Основная операция" и "Опер по прозвищу "Старик"... Кто не читал его книг или хотя бы не слышал о них! Признанный мастер... чуть было по инерции не написал "детективного жанра". Но нет, не детективного. А какого же тогда?

На этот и многие другие вопросы — о творчестве, литературе, своих героях, современной России, людях, стоящих на страже правопорядка, — отвечает доктор юридических наук, профессор, полковник милиции, действительный член Академии экономики, финансов и права, член Союза российских писателей Данил КОРЕЦКИЙ.

Российский Мартин Иден

— Данил Аркадьевич, применительно к вам можно сказать, что, опубликовав свою первую книгу, вы проснулись знаменитым?

— Нет, что вы! Это был долгий и тернистый путь. У меня есть бумажка, где написаны названия произведений и журналов, куда я рассылал свои вещи. Чтобы не путаться, не посылать в одни и те же места. И там отметки соответствующие: черным заштриховано — отказ, красным — публикации. И вот из восьми-десяти четырех рассылок — красных всего четыре или пять.

А сейчас я опубликовал все, что написал. Пожалуй, кроме одного фантастического рассказа, который я написал в двенадцать лет. Он совсем детский... Уверен, что если бы я его сейчас отдал, то и его бы напечатали. Но не хочу.

— Получается, что в какой-то степени вы российский Мартин Иден?

— В отличие от Мартина Идена я всегда был офицером и научным работником. Поэтому, когда меня в редакции начинали учить, как надо писать, чтобы меня публиковали, я всегда отвечал: "Мне министр внутренних дел платит достаточно, чтобы я мог сам определять, как себя

вести и как писать. Хотите печатать — печатайте. Нет — нет." То есть это давало мне независимость, что много значило.

— На ваш взгляд, какое ваше произведение лучшее?

— "Смягчающие обстоятельства" — мой первый роман. Я его писал четыре года. Это просто проза, обычный роман. Не триллер, не боевик, не детектив. Там есть и военные реминисценции, и воспоминания фронтовиков, и любовь. Я долго не мог его напечатать, рукопись ходила по редакциям, про него много писали — литературный мир знал, что есть такой роман. "Литературная газета" посвятила целый подвал мо-

лодым литераторам, в том числе мне и моему роману. Первый раз он вышел в 1989 году в "Ростиздате", сокращенный на треть. Потом много раз переиздавался.

Особенность некоторых моих книг в том, что они издаются сейчас, а написаны в восьмидесятые годы.

— Иногда приходится читать, что Корецкий относится к числу хорошо раскрученных авторов.

— Каких раскрученных? У меня первая публикация была в 1968 году. Первая книга—очерковая—вышла в 1980 году. В 1984 году в "Молодой гвардии" вышел "Принцип карате". Уже сколько лет с той поры прошло...

— Данил Аркадьевич, у вас есть любимый герой?

— Все любимые. Они же как дети. Литературные дети.

— А с кем вы себя ассоциируете?

— С генералом Верлиновым из трилогии "Пешка в большой игре", "Акция прикрытия" и "Основная операция". Это генерал, который хочет изменить общий порядок в стране достаточно жесткими методами. Но в отличие от своего героя я, наверное, не смог бы посадить на кол негодяя — он отдал приказ, и того посадили, и уж точно бы не смог выйти из подводной лодки на глубине двадцать метров, убить двух боевых пловцов и уйти за границу. Во всем остальном он наиболее близкий мне персонаж, наиболее близкий герой.

Секреты мастерства

— У каждого писателя есть свой профессиональный секрет. А у вас он какой?

— Знаете, когда-то я сказал одну вещь и про нее забыл. Но как позже выяснилось, многие ростов-

ские литераторы ее помнят. Шла какая-то вечеринка, мы отдыхали. И тут я начал собираться домой. Все зашумели: "Куда ты так рано?! Посиди еще!" Я им отвечаю: "Я же должен написать еще две страницы. Я каждый день пишу по две страницы". И до сих пор они вспоминают—вот какой он был целеустремленный, каждый день писал по две страницы и поэтому такого добился. Это, наверное, и есть мой секрет.

Но, с другой стороны, сейчас я уже не пишу каждый день по две страницы. Пишу, когда удастся, когда получается.

— Давайте заглянем на вашу творческую кухню. У вас сразу выходит готовая вещь или вначале пишете черновик, потом его дорабатываете, расширяете?

— Черновики никогда не пишу. В принципе всегда сразу пишу начисто. Но когда я сажусь в очередной раз, прочитываю вчерашний кусок и часто правлю. Хотя я понял, что это абсолютно лишнее. Это иррациональная вещь. Она только тормозит процесс. Но я это делаю.

Коллеги по цеху

— А что читает писатель Корецкий?

— Только то, что мне интересно, из чего я могу узнать что-то новое. Читаю Кивинова. Во-первых, он достаточно интересно пишет, а во-вторых, он знает всю милицмейскую кухню, всю эту рутину повседневную. У Кивинова масса деталей, такой замечательный бытовой милицкий идиотизм, который не придумаешь. Все списано с жизни, с натуры.

Читаю западных авторов. Люблю Джона Ле Карре, потому что он со знанием дела описывает разведывательные дела. Люблю Грэма Грина. Читаю записки разведчиков, контрразведчиков. Хотя они

связаны по рукам и ногам и мало у них откровенности, но все равно очень интересно.

Замечательная книга вышла у Любимова—"Записки шпиона Уилки Алекса". К сожалению, она совершенно не оценена критикой. По ней даже можно было бы снять фильм. Потому что автор, глядя изнутри, написал, что такое шпионаж в действительности.

Главное—чтобы самому нравилось

— Как бы вы сами охарактеризовали жанр, в котором работаете?

— А у меня все книги разные. Я не работаю в одном жанре. "Смягчающие обстоятельства"—это просто роман. Трилогия "Пешка..." и продолжения — политический триллер. "Антикиллер", "Привести в исполнение", "Опер по прозвищу "Старик"—милицмейские романы.

— То есть расхожий ярлык "Данил Корецкий — мастер детективного жанра" не имеет под собой никакой почвы?

— У меня нет ни одного детектива. Парадокс в том, что основная масса людей, и журналистов в том числе, просто не знают, что есть такие жанры, как полицейский или милицкий роман, триллер, "экшн" и так далее. Они все сваливают в одну кучу и называют детективом. А ведь у Богомила Райнова есть целое исследование под названием "Черный роман", где даны классификация, законы жанра и так далее. Но этого никто не знает...

Как-то про меня написали "плодовитый автор". Какой плодовитый? У меня за шестнадцать лет вышло всего двенадцать книг! Это разве можно назвать плодовитостью?! По-моему, с большой натяжкой...

— По современным меркам, в общем-то, да. Когда существуют

бушковы, выпускающие по несколько разножанровых книг за год...

— Как-то была встреча с читателями в московском книжном магазине "Библио-Глобус", и одна дама спросила: "А на вас работает литературная команда?". "Зачем?" — удивился я. "Чтобы быстрее писать. Вы же быстро пишете". "Разве это быстро — одна книга в год?! Это именно то, что действительно можно написать". Хотя у меня есть и рекорд. Как-то за трехмесячный отпуск я написал книгу "Оперативный псевдоним". Но это скорее исключение из правил, чем правило.

Хотя, по большому счету, можно было бы так работать. Но для этого надо что-то с собой делать. И писать то, что мне в принципе не нравится. А я же стараюсь так работать, чтобы самому нравилось то, что пишу.

Все как в жизни

— Не так давно вышел ваш последний роман "Татуированная кожа". Над чем вы сейчас работаете?

— Но он же неоконченный получился. Я сейчас пишу продолжение... Кстати, очень интересная история этого романа. В "Книжном обозрении" была рецензия, где написано, что Корецкий начитался Гитлера и Ницше и придумал белокурую бестию — немца Вольфа, своего главного героя. Но на самом деле есть человек, который у меня делится. И когда он мне сдавал экзамен, я обратил внимание на его татуировки на пальцах. А он сотрудник милиции! Я спросил: "Слушай, а откуда у тебя зековские татуировки?" — "С зоны". — "А ты там был?" — "Да, шесть месяцев". — "Как ты туда попал?" — "По заданию". И рассказал мне историю, как он выполнял задание КГБ. Конечно, книга не про него, это ведь не документальная проза. У моего героя жизнь совсем другая.

Есть еще интересная история, связанная с "Татуированной кожей".

Один подполковник милиции, служивший раньше в спецназе ГРУ, спрашивает: "Герой, который рассказал вам свою историю, в какой части служил? А то вы описали НАШУ часть, но мы работали по шахтным ракетным установкам, взрывали их, а у вас описаны мобильные установки..." Я удивился: "Так мне вообще никто такой истории не рассказывал! Я все придумал!" — "Не может быть! Там же явно наша часть!". Считаю, что это лестная оценка.

Или как-то мои друзья едут в такси, а у водителя лежит эта книга. И он говорит, что Корецкий, наверное, служил в десанте. Он сам десантник, и автор все описал точно.

Или когда работник уголовного розыска мне говорит: "Мы проводили оперативную комбинацию, которая описана у вас в "Антикиллере", и получили результат". Тоже очень приятно. Это говорит о том, что есть уровень профессионального понимания проблемы.

— У Лиса из "Антикиллера" тоже был прототип?

— Жил такой человек в Ростове-на-Дону — Толик Рублев. Кличка Лис у него и была. Он работал на заводе "Россельмаш". Во время партийного набора его взяли в уголовный розыск. Он не был особо образован, только потом закончил вечерний юрфак, но у него были результаты. И многие факты из его биографии вошли в книгу. Но человек этот очень быстро просто сгорел на работе. Ни для кого не секрет, как опера после работы снимают стрессы — уколов от стрессов и психологической реабилитации еще не придумали. Затем он перешел в спецкомандатуру, которая охраняла уголовников, а потом окончательно спился и умер.

И как-то мы встретились с бывшими коллегами из уголовного розыска, я заговорил про Толика, а его никто не помнит! И сколько таких вот интересных людей ушло! И

сколько интересных историй они унесли с собой, не рассказали тому, кто пишет!..

— Знание ментовской работы понятно откуда. А воровская фактура? Бандитская?

— Во-первых, из общения. Во-вторых, не надо забывать, что я научный работник, я это все специально изучаю. У меня даже лекция есть "Криминальная субкультура". Это жаргон, татуировки, законы, обычаи, традиции преступного мира. Я этим интересуюсь. Общаюсь, беседую с работниками колоний. У нас учится один молодой человек, так он уже написал "болванку" кандидатской диссертации по зонамской иерархии, законам зоны, по уровню авторитетов и подчиненным им на всех ступенях иерархической лестницы. Очень интересная работа.

Когда я начал писать "Антикиллер", разговаривал с сотрудниками РУБОПа, с их начальниками. Интересовался, как воссоздать преступный мир. Но никто мне ничего толком не сказал. И я написал так, как сам представлял. Потом ко мне подходит молодой сотрудник и говорит: "Благодаря вам мы изучаем, какова структура организованной преступности". Понимаете, в чем парадокс?

Есть такой профессор Пирожков, он пишет про психологию преступного поведения и криминальную субкультуру несовершеннолетних. Он выпустил научную книгу, в которой семь ссылок на "Антикиллера". Хотя мой роман художественный.

Кино, которое стоит посмотреть

— Данил Аркадьевич, насколько мне известно, кинокомпания "Золотой ключ" и "М.В. Productions" уже завершают съемки фильма по вашему самому напущенному роману "Антикиллер". Как вы считаете, режиссерская задумка не изменила авторскую идею? Насколько фильм будет соответствовать книге?

— Когда ко мне в Ростов приехали соавтор сценария Фуад Ибрагимбеков, режиссер Егор Михалков-Кончаловский и один из продюсеров Юсуп Бахшиев, то сказали, что хотят, чтобы кино было обогащено современными мотивами мирового кино. К примеру, хотим, чтобы главарь всех тиходонских банд был гомосексуалистом и на почве взаимоотношений с одним из членов своей бригады он сдавал всю бригаду милиции. Я им отвечаю, что это исключенный вариант на двести процентов и я не хочу его даже обсуждать.

А в принципе, когда я посмотрел отснятый материал, он на меня произвел сильное впечатление. Есть сцены, которых в нашем современном кино просто еще и не было. По уровню мастерства, уровню съемок, игры, интерьеров, костюмов.

Что касается соответствия, то начну с того, что первый вариант сценария я хотел написать сам. Но так как я никогда не писал сценариев, то у меня получилась всего одна линия. А в романе их много — покушение на убийство президента, работа спецслужб и криминальная линия. Последнюю я и оставил. Написал шестьдесят страниц — это почти весь сценарий, — а получилась только половина текста. И вот Фуад Ибрагимбеков (а он очень талантливый сценарист, мне нравится, как он работает) написал чисто киношные варианты, и я уже по ним пытался привести сценарий в соответствие с книгой. Конечно, это не слепок с романа, но я к этому с пониманием отношусь.

— Артисты, которые играют ваших героев — а это звездный состав: Куценко, Ульянов, Шакуров, Сидихин, Сухоруков, Векслер, — соответствуют тому, как вы их себе представляли, когда писали книгу?

— Мне сложно судить до того момента, пока фильм не будет полностью смонтирован. Как мне показав-

лось, одни играют более, другие — менее убедительно. Куценко играет убедительно.

"Остаться в живых и победить..."

— Во многих ваших произведениях фигурируют подразделения внутренних войск. Причем заметно, что их деятельность вам очень симпатична.

— Я ко всем силовым структурам отношусь с симпатией, уважаю этих людей, люблю. Они мои герои.

Кстати, когда я приехал на съемки "Антикиллера" — а они в тот момент проходили на дамбе между Санкт-Петербургом и Кронштадтом, — то чуть в стороне увидел группу людей. Я сразу обратил на них внимание. Они явно выделялись из всей массовки, хотя одеты были так же, как многие, — в специально пошитую черную форму. Они и оружие держали, и разговаривали по-другому. Я понял, что это не артисты. И не ошибся. Выяснилось, что это бойцы из питерского СОБРа...

А как раз перед этим снималась сцена, в которой мой герой, командир СОБРа Литвинов — его играет

Сергей Векслер — в поединке один на один ножом убивает бандитского авторитета. И Сергей у меня спрашивает, мол, у Литвинова, по идее, тоже должна крыша ехать — как так, совершенно спокойно можно убить человека ножом. Я отвечаю: "Мы сейчас спросим у профессионалов". Мы подошли к собровцам, они меня узнали. Я повторил вопрос Сергея. И один мне совершенно буднично отвечает, что это называется выполнением боевой задачи, которая сводится к поражению противника холодным оружием...

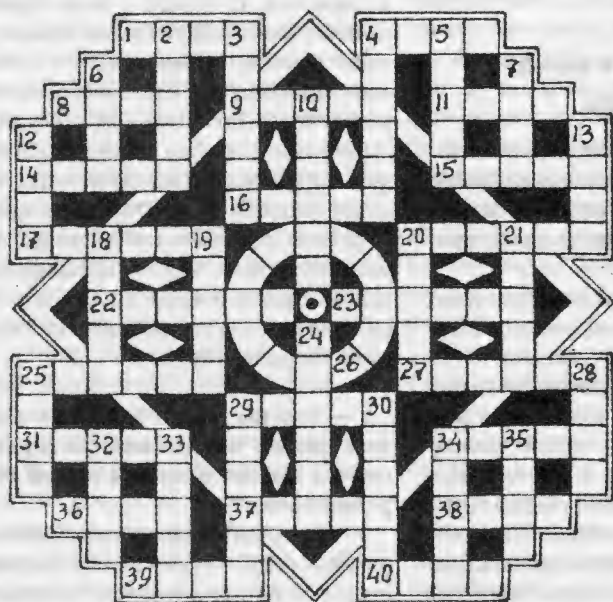
— Что вы могли бы пожелать тем своим читателям, которые сейчас воюют в нашей самой горячей точке?

— Я всегда желаю остаться в живых и победить. Я уже писал в одной статье, что непобедимость чеченцев — это злонамеренный миф, который опровергался неоднократно. И история тому свидетель...

**Беседу вел
майор Николай КАЗАКОВ
Фото автора**

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. На судне: пространство между палубой и днищем. 4. Кодовое наименование плана наступления немецко-фашистских войск на юге советско-германского фронта в августе 1942 г. 8. Простейшее укрытие для личного состава и боевой техники. 9. Высшая организационно-тактическая единица татаро-монгольского войска в 12-14 вв. 11. Ограждение вдоль бортов на судне. 14. Военная разведка и контрразведка гитлеровской Германии. 15. Военное приветствие или отдавание почестей артиллерийскими залпами. 16. Американский фрегат, пострадавший от ракетного удара в зоне Персидского залива в 1987 г. 17. Письменное или устное распоряжение начальника подчиненным. 20. Колошечное холодное оружие с прямым клинком. 22. Космонавт США, в 1969 г. летал на "Аполлоне-12" с посадкой на Луну. 23. Защитное вооружение из двух металлических пластин, носимых на спине и груди. 25. Начальник, командир подразделения казачьего войска. 27. Воинское звание младшего командного состава в русской армии в 17-18 вв. 29. Письменный приказ на взаимное расположение кораблей и действующих с ними самолетов при выполнении боевой задачи. 31. Орган разведки или охраны. 34. Маневр войсками для выхода во фланг или тыл противника. 36. Первый в мире русский подводный минный заградитель, участвовавший в 1-й мировой войне на Черном море. 37. Сооружение для хранения, технического

обслуживания и ремонта самолетов. 38. Небольшой якорь, применяемый на гребных судах. 39. Территория с размещенными на ней войсками, запасами оружия, боеприпасами и др. материальными средствами. 40. Боевая гусеничная бронированная машина.

По вертикали: 2. Выбранная в районе целей для стрельбы вспомогательная точка, по которой ведется пристрелка оружия. 3. Младшее воинское звание в Военно-морском флоте. 4. Щетка для ручной чистки и смазки канала ствола орудия. 5. Американская межконтинентальная баллистическая ракета, находившаяся на вооружении до 1964 г. 6. Деталь ременной передачи вращения. 7. Посох, трость — символ власти. 10. Государственная награда за особые заслуги. 12. Одновременный выстрел из нескольких орудий. 13. Колошечное и режущее холодное оружие. 18. Кодовое наименование плана операции советских войск по прорыву блокады Ленинграда в 1943 г. 19. Отравляющее вещество нервно-паралитического действия. 20. Деталь затвора огнестрельного оружия. 21. Часть территории, где ведутся военные действия стратегических группировок вооруженных сил. 24. Героический, самоотверженный поступок. 25. Река в Италии, где в 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А. Суворова разбили французскую армию генерала Ж. Моро. 28. Вид доспеха для защиты от поражения холодным или огнестрельным оружием. 29. Действие силы давления пороховых газов на дно канала ствола при выстреле. 30. Лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности в русской армии в 18-19 вв. 32. Военный сигнал, исполняемый оркестром после вечерней поверки. 33. Служебное помещение на главной палубе судна. 34. Почетная награда. 35. Стальной проволочный трос для буксировки трапа.

По окружности в центре: 26. Войсковой начальник, занимающий командную или штабную должность в вооруженных силах государства.

Составил Евгений КУЛИКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Десант. 4. "Дороги". 7. "Азов". 8. Рампа. 11. Путч. 13. Неустров. 14. Насос. 17. Котин. 18. Снайпер. 22. Команда. 23. Толубко. 24. Укрытие. 26. Вацетис. 28. Румыния. 29. Атака. 30. Табун. 33. Ополчение. 38. Акир. 39. Таист. 41. Фили. 42. Атаман. 43. Латник.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Драгун. 2. Сбор. 3. Таран. 4. Духов. 5. Оцуп. 6. Инчхон. 9. Акстафа. 10. Парашет. 16. Субмарина. 17. Комбатант. 18. Санитар. 19. Реляция. 20. Округ. 21. Поиск. 25. Ермолов. 26. Винсенс. 29. Армата. 32. Натиск. 33. Орден. 34. Есаул. 35. Мина. 37. Гимн.

ПО ДУГАМ (по часовой стрелке): 8. Рогатка. 12. Осло. 15. Орда. 21. Поручик. 27. Гестапо. 31. Арес. 36. Риск. 40. Танкист.

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолее земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолее...

Сергей ОРЛОВ

Первая книга Сергея ОРЛОВА (1921 — 1977) "Фронт" увидела свет в Челябинске в 1942 году. Именно там он учился в военном училище, оттуда уходил на передовую, воевал, горел в танке...

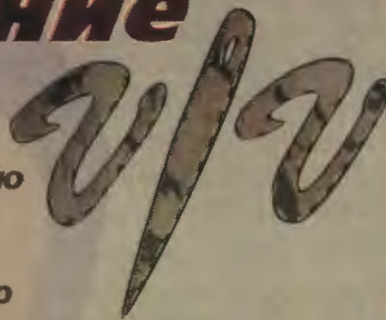
Уже после войны окончил исторический факультет Петрозаводского университета, написал немало книг о пройденном и пережитом — "Третья скорость", "Поход продолжается", "Верность" и др., стал лауреатом Государственной премии им. А.М. Горького.

Почти четверть века как его нет с нами, но имя его нередко можно услышать в обиходе лучших фронтовых поэтов, а стихи звучат уже в устах благодарных потомков. В нынешнем августе Сергею Орлову исполнилось бы 80.

Универсальное объединение

Высококачественное,
с повышенной износостойкостью
обмундирование

для силовых
и охранных структур

Россия, 344064, г. Ростов-на-Дону,
ул. Вавилова, 57, тел/факс: (863-2) 77-95-12
Универсальное объединение «ВИБ»